

ЛИТЕРА

Литературно-художественный журнал Республики Марий Эл

Издаётся с 2012 года

№ 1 (5)

январь-март 2013 года

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия и проза

ВЛАДИМИР КРУПИН. Жертва вечерняя. Рассказы. Окончание	4
НИНА ЖИБРИК. Ржаные тихие просёлки. Стихи.....	21
«Верное направление души» (Письмо Николаю Михееву).	
Подготовка к публикации, предисловие, комментарии Игоря Карпова	33
ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВ. Закуси горе луковицей. Повесть. Продолжение...	41
КОНСТАНТИН СИТНИКОВ. Жена помирает. Рассказ.....	86
ВАЛЕРИЙ ФОКИН. «Эта память, как провод под током». Стихи.....	90
АЛЕКСАНДР ТОКАРЕВ. Пашкина дорога. Повесть.....	98
АЛЕКСАНДР КОКОВИХИН. В стране Вообразилии. Стихи.....	128

Литература и жизнь

ИГОРЬ КАРПОВ. Время «Поиска».....	137
-----------------------------------	-----

Памятные записки

АНАТОЛИЙ ПОДОЛЬСКИЙ. Поколения, история, судьбы.....	155
--	-----

Учредитель: Правительство Республики Марий Эл

Издатель: Государственное унитарное казённое предприятие «Марий журнал»

Главный редактор
Сергей Витальевич Лоскутов

Редакционная коллегия:

Васютин Михаил Зиновьевич – заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл.
Карпов Игорь Петрович – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета, доктор филологических наук.

Лоскутов Сергей Витальевич – начальник управления общественных связей и информации Главы Республики Марий Эл.

Николаев Валерий Владимирович – писатель, член Союза писателей России.

Подольский Анатолий Анатольевич – поэт, член Союза писателей России.

Попов Вячеслав Григорьевич – писатель, член Союза писателей России.

Сагирова Алевтина Александровна – поэтесса, член Союза писателей России.

Стариков Сергей Валентинович – профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук.

Щеглов Сергей Африканович – редактор журнала «Марийский мир – Марий Сандалык».

Адрес редакции и издателя:
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола,
ул. 70-летия Вооружённых Сил СССР, д. 20

E-mail
loskutov@gov.mari.ru
afrik60@mail.ru
Anatolij@Podolskij.ru

Автор обложки – народный художник России Александр Сергеевич Бакулевский.

Подписано в печать 04.03.2013 г.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. 10 усл. печ. л.

Тираж 999 экз. Заказ № ____.

Отпечатано в типографии ООО «СТРИНГ»

424002, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлёвская, 31.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклонённые рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции.

ВЛАДИМИР КРУПИН

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Рассказы

(Окончание. Начало в № 4,2012)

ПО-ПРЕЖНЕМУ ВСЁ ВПЕРЕДИ

До осени 1968 года я всюду писал и печатался. Пропивая в Сандунах свои гонорары, мы обычно шутили так: «Старики, а ведь мы – писатели. – Тут пауза и дальше хором: – Но неплохие!».

А осенью шестьдесят восьмого на ходу, в метро, открыл свежий номер «Нового мира». Пробежал оглавление: «Бухтины вологодские завиральные». Конечно, начал с них, ибо у вятских с вологодскими историческое противостояние. Когда в вятских лесах нет белок, значит, вятский лесник проиграл их в карты вологодскому. На первой же станции я выскочил из вагона, помчался наверх. Мне надо было куда-то приткнуться, чтобы остаться одному. То, что я начал читать под землёй, меня потрясло. Примерно такое же потрясение, с годами исчезнувшее, было при чтении «Одного дня Ивана Денисовича». Но там была политика, сенсация, разоблачение. А на них далеко не уедешь. Здесь же было всё настолько просто, всё такое пережитое мною, моей роднёй, моим народом, и написанное с такой лёгкостью, с таким юмором, обличающим высочайший талант, что читал, забывая дышать. Вцепился в журнал, боясь, что он исчезнет как приснившийся. Дочитал и поднял голову. Я сидел у подножия памятника Пушкину.

Я понял, что жизнь моя, как писателя, закончилась. Писать после вот этого, написанного не мною, было бессмысленно. А ведь прочёл о том, свидетелем чего был сам, сам испытал все эти издевательства над народом в послевоенные и в кукурузные времена, гонения на церковь, обнищание людей, давление идиотской идеологии марксизма-ленинизма, снос деревень, высокомерие и хамство номенклатуры, нищету людей и их незлобие, их терпение и объединяющую всех нас любовь к Отечеству. Да, был «уже написан «Вертер» и всякие «штуки посильнее «Фау-

---

Крупин Владимир Николаевич родился в 1941 году в Кировской области. Автор более 20 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

ста» Гёте», но до «Вологодских бухтин» им было как до звёзд. Там была литература, здесь жизнь.

С боязнью и трепетом начинал читать «Привычное дело». И недавно, спустя сорок лет, перечитал. И вновь, как и при первом прочтении, разревелся в том месте, когда Иван Дрынов сидит на могиле Катерины и потрясённо и безропотно спрашивает жену: «Катя, ты где есть-то? А я вот, а я вот, Катя...». И горе пластает его на холодной земле. Ни разу не посмел я спросить Василия Ивановича, как он писал эти строки? Думаю, он и не помнит. Думаю, многие страницы беловской прозы написаны за него его ангелами.

Счастлив я, имея в этой жизни брата во Христе Василия. Счастлив, что жил во времена создания великого «Лада» – этой поэмы о России, о русском народе. Это подвиг, равный «Словарю Великорусского языка» Владимира Даля и «Поэтическим воззрениям славян на Природу» Афанасьева. Даже больше. У Афанасьева всё-таки очень силен элемент язычества, а у Белова всё освещено Фаворским сиянием христианства.

Помню трескучую зиму 79-го, когда впервые приехал в Тимонику. Тогда же начал снимать родину Василия Ивановича его друг Анатолий Заболоцкий. Мороз был такой, что не могли завести машину. Ходили за кипятком на ферму.

Баню топили. Ту самую, о которой есть знаменитое стихотворение «По-чёрному топится баня Белова», и из которой когда-то в ужасе выскочил японский профессор, крича: «Тайфун!». Тогда же я с размаху, выходя из дверей, треснулся головой о верхний косяк. Вскоре приложился и Анатолий. Василий Иванович, огорчённо охая, всё приговаривал: «Да что ж вы это все о косяк-то трескаетесь? И Передреев, и Горышин, и Горбовский, и Женя Норсов. Личутин же не треснулся. И ни Абрамов, ни Балашов». – «А Астафьев трескался?». – «Он вас поумнее, заранее нагнулся». Когда в Тимонику, эту священную Мекку русской литературы, поехал Распутин, я предупредил его насчёт косяка. Он поехал, вернулся. – «Ну как?» – «Ну, как иначе, надо ж было отметить».

Помню гениальный ответ Белова на мои хвастливые слова. Мы сидели с ним и я, раздухарившись, заявил: «А ведь я, Василий Иванович, тебя перепису». Он посмотрел и серьёзно спросил: «От руки перепишешь?» Слышите, нынешние молодые? Займитесь. Это будет великая школа. Не всё же Чехову лермонтовскую «Тамань» от руки переписывать.

Вообще зря сейчас замолчали и не обсуждают роман Белова «Всё впереди». На него тогда так торопливо набросились, так вульгарно и примитивно истолковали, будто речь о грядущей схватке евреев и русских. Если бы только так. Конечно, евреи, как всегда, как люди попредприимчивей, настригли с перестройки побольше купонов. Но, благодаря им и русские зашевелились. Но всё это видимый, верхний и безвредный для основ жизни слой. На самом же деле всё сложнее и страшнее.

Перестройка и демократия, как способ дальнейшего уничтожения России, набирают обороты. Врагам нашего спасения ненавистна русская культура, и, особенно, наша любовь к России. И тут врагам России будет абсолютно безразлична национальность любящих её. Ты не хочешь променять родину на общечеловеческие ценности? – умирай. Для тебя Христос дороже жизни? – умирай. Для тебя русская земля не территория, а мать – сыра земля? – ложись в неё. Вот что такое – всё впереди.

Так кто же спасётся? И как спастись? Но об этом к следующему юбилею Василия Белова*.

ДИКТАТУРА ВОРОВСТВА

Совершенно бесстыдно разрушение Советского Союза было названо перестройкой. Именно благодаря ей в России установилась диктатура воровства. Воровать стало совсем не стыдно, даже доблестно. «Горбольшельцы», как назвал новых хозяев народ, крали заводы, фабрики, комбинаты, земли, леса, называя всё это на своём уголовном жаргоне приватизацией. Крупные ворюги вошли во властные структуры и сразу же вырастили угодное себе чиновничество и депутатство. То и другое и хозяевам помогало и само быстро выучилось жить хорошо. Ну-ка, походи к чиновнику без подношения. Ну-ка, попробуй, не отстегни ему, ну-ка попробуй без «отката». – Как? – раздаются возмущённые голоса, – у нас же борьба с коррупцией! Смешно. Ответьте на вопрос: кто громче всех кричит: «Держи вора!»? Правильно. Сам вор.

Ещё вопрос: почему именно в России вольготно ворью? Потому что в России, в основном, православный народ, он доверчив, он знает заповедь – не копить себе ветшающих богатств на земле, думать о том, чтобы спасти душу. Ну как таких простодушных не грабить? Но ведь и ворьё не бессмертно, и березовские, и чубайсы, и абрамовичи лягут в могилу, а она и у них тоже будет, и ни дач, ни островов, ни яхт в неё не утащишь. Но души даже и у них бессмертны. И любой из нас увидит, в свой срок, за гранью земного, возмездие российскому ворью.

Так что воруйте на здоровье, собирайте себе горящие угли на голову. И не думайте, что это вы сами такие умные, да хитрые, нет, вы земные слуги – пешки в руках сатаны.

Сегодняшняя пятая колонна в России – это служба врага нашего спасения. Бесов телевидения, эстрады, киношников, газетно-журнальных писак, – всё это танцующее, играющее, обзревающее, пишущее стадо, внедряющее в Россию разврат, пошлость, насилие, может быть, можно было и пожалеть в виду ожидающей их страшной жаркой черноты ада, но уже не хочется. Сто раз их вразумляли, всё неймётся. Ну что ж, кошка скребёт на свой хребёт.

---

* Великий русский писатель Василий Иванович Белов умер 4 декабря 2012 года.

Итак, страну разворовывают, но, по большому счёту, сатане плевать на золото, на никель, на нефть, цель его одна – оттащить Россию от Бога. Но православная душа никогда не вытерпит и не примет посягательство на святыни. Разве в Великую Отечественную отцы и деды воевали за Ленина, за Сталина? Воевали за Святую Русь, за спасение своих душ. И какой был взлёт прихода людей в Церковь.

Вот и нам, их наследникам, пришло время битвы за Православное Отечество. Оно, как и любой из нас, в плену. Закабаление, подчинение воле мирового зла происходит через зримые, материальные вещи. Вот я отказался от ИНН, а приходит оплата за квартиру, и там это ИНН представлено. Но всё мало врагу, хочет окончательно загнать всех нас под колпак и полностью заставить жить по дьявольскому расписанию. Сколько получил, куда пошёл, где был, что купил, всё про нас надо знать. А то, что права личности нарушены, да плевать на это бесы хотели. Конечно, я говорю об электронных картах.

В Московской Областной Думе обсуждали вопросы их внедрения. И обсуждали так, что сами карты – это дело решённое, что есть только кой-какие особенности.

И вот, сидят депутаты, чиновники, вроде нормальные люди, в галстуках. А на деле, это уже не люди – роботы. Им кажется, что это они сами так думают, что карты нужны, что без них Россия вымрет, но вот же им возражают, говорят дельные вещи, что как раз с картами Россия вымрет гораздо быстрее, нет, не понимают. Они обязаны отработать зарплату. А то, что зарплату им обеспечивают те, кого они унижают и оскорбляют этими картами, они не понимают. Или притворяются, или, что скорее всего, куплены. Они – опричники системы. Долдонят: проводили опросы – пятьдесят процентов за, восемнадцать против. Но знаем мы, как эти опросы проводятся, знаем мы, как у нас голоса считают. А эти восемнадцать процентов не люди? Да и эти пятьдесят, если бы знали весь ужас внедрения электронного слежения за людьми, они бы отказались. Галина Царёва как раз об этом ужасе говорила. Умно, спокойно, доказательно. Я глядел на чиновников, на их скептические, непроницаемые лица и вспоминал пословицу: им плюй в глаза, скажут: Божья роса.

Они же глядели на нас, морщась от ожидания: да когда же эта ответственность уйдёт, всё же решено, чего же они ещё трепыхаются? Карты эти были условием вступления в ВТО, вступаем – получайте карты. Ну, ещё дадим подышать до начала 2014-го, там – баста, ложитесь и помирайте, а мы и рады, вы нам жить мешаете. Я уверен в том, что антиправославные, антирусские всплески усиливаются именно от того, что враги России тонко улавливают полное равнодушие правительства к судьбе народа.

Смотрите сами: в России тихой сапой, то есть по-подлому свершены ещё два антинародных дела. Первое: теперь у нас сёла, города, посёлки, деревни, – это всё называется одним словом: п о с е л е н и я. А поселение

напоминает приснопамятное спецпоселение – огороженное, охраняемое пространство. И жить в поселении, а не в селе, не в городе – оскорбительно для сознания.

Второе: в чём разница полиции и милиции? Очень большая. Милиция присягала на верность народу, полиция – правительству. Перемена значительная. Она показывает трусость властей, их нелюбовь к народу. Только что у метро «Охотный ряд» азиатский или кавказский человек всучил мне блестящую книжечку. Гляжу: «Флирт», раскрыл – мерзость – телефоны и фотографии проституток. Как раз рядом проходят два полицейских, подполковник и майор. «Глядите, это же в двух шагах от Кремля». А они что? Захотели: «У каждого свой бизнес». И пошли. Чего им не хохотать над стариком: у них зарплата больше моей пенсии раз в пятнадцать.

Нет, нас за людей не считают. Но ведь именно мы определяем духовную мощь России, её главную силу. Вспомним приход к нам Пояса Пресвятой Богородицы. Думаю, что либеральное «болотное» кваканье было испуганной реакцией на всенародное поклонение общеправославной святыне. Как ни надували лягушку болотного митинга, в вола она не превратилась.

А дальше? Дальше будет больше нападков на всё русское, православное. Тем более врагам России, внешним и внутренним, есть чего испугаться, имею в виду молитвенное стояние в защиту православных святынь. Оно же было по всей стране, а не только у Храма Христа Спасителя. Будет больше передач, унижающих и опошляющих историческую Россию. Предсказываю, что так называемое Общественное телевидение будет антиобщественным. Оно будет оправдывать мерзости экрана тем, что на любые передачи есть зрители, что не хотите – не смотрите, а нам не мешайте развращать молодёжь.

И ещё: меня даже не то оскорбляет, что электронные карты усложнят жизнь, а то, что государству плевать на наши возражения. Оно же обещало мировому правительству, что загонит «россиян» в электронный концлагерь, вот и загоняет. А нам без передышки врут, что их цель – сильная и независимая Россия. Какая ж независимая, когда вы руки по швам перед мировым правительством? И какая же сильная, если не может быть независимой?

К ВОПРОСУ О КГБ

Слежка за интеллигентами в годы СССР была делом обыкновенным. Если есть государство, если оно собирается жить долго, оно должно иметь службу своей безопасности. Это совершенно нормально. Да, следили. Ну и что? И правильно делали. А уж как сейчас-то следят!

О слежке за собой я узнал первый раз в институте на втором курсе, когда наши студенты поехали в Чехословакию, и я должен был ехать, а

меня не пропустили при оформлении паспортов. Не поехать, это ладно, но почему не пустили? Обидно же! Тем более в программе стоял мой доклад о военной прозе. Я в ректорат – объясните. Ничего не объяснили, но вскоре вызвали в районное Управление КГБ и очень вежливый человек разъяснил, что я имел дело с секретной военной техникой, и от этого на пять лет после службы стал невыездным. Он даже пошутил, что после пяти лет мои сведения будут никому неинтересны. Техника уйдёт далеко вперёд.

Конечно, меня оскорбило недоверие государства ко мне, преданному гражданину, но что ж, порядок есть порядок. Узнал причину и успокоился, а потом и перед друзьями даже выхвалился: вы в Праге были, а я засекреченный.

Вот. А второе знакомство с органами было гораздо позже и гораздо длительнее. Уже и за границей побывал, уже и книги выходили, тогда и привелось познакомиться с человеком с Лубянки. Он был Николай Николаевич. Это, конечно, для меня, а как по паспорту, не знаю. Какая разница, был бы человек хороший. А он как раз таким и оказался.

Как-то так получилось, что меня привечали диссиденты. Думаю, от того я был им интересен, что писал работы, которые не печатались, резались и редакторами и цензурой. Смешно сейчас – повесть «Живая вода» не мог напечатать семь лет, да и то вышла вся отеребленная. Так же и другие. Вроде ничего особенного, я не обижался, борца за правое дело из себя не корчил. Но писал, что видел, что чувствовал, иначе не мог, вот и вся заслуга. Кстати, не такой уж я был страстный патриот, чтобы отказаться от публикации на Западе не напечатанного здесь. И охотно отдавал для прочтения свои рукописи тем, кто имел отношение к издателям «тамиздата». А для них, опять, был не до конца антисоветчиком.

Для Лубянки я стал интересен прежде всего знакомством с писателями Львом Копелевым и Георгием Владимовым. Были и другие, но эти, особенно последний, выделялись даже среди инакомыслящих. Он тогда, год примерно 1974-й, возглавил Комитет помощи политзаключённым. Об этом он со мной и не говорил. Об этом говорили вражеские голоса. Правда, жена Георгия Николаевича, Наталья, бывшая жена клоуна Леонида Енгибарова, говорила о всяких эмиграциях, отъездах, посадках куда охотнее. Её можно было понять: она – дочь репрессированного директора Госцирка. Мне же Георгий Николаевич нравился как писатель. Именно его повесть «Большая руда» и роман «Три минуты молчания» я, что называется, пробивал в издательстве «Современник», где был старшим редактором и секретарем парторганизации. То, что был секретарём, помогало и совсем не смущало ни Владимова, ни Копелева. Даже любопытно: как так – вроде свой для партии, а и его режут. То есть не меня, а мои повести и рассказы.

Николай Николаевич, вернёмся к нему, назначил встречу в отдельном номере гостиницы, теперь уже забыл, или «Москвы» или «России».

Скорее, «России». Да, этаж третий (поднимались пешком, но для данного рассказа такие детали неважны). Деликатно расспрашивал о моих знакомых, которые имели знакомых за рубежом. Я был начеку. «Что я могу сказать? Хорошие писатели. Копелев даже и не писатель, исследователь творчества Гёте и других немцев. А где издаются, это же их дело».

Одной встречи чекисту оказалось мало. Через неделю вновь беседовали. Он взывал к моей партийной совести. «При чём партийная совесть? – отвечал я довольно смело. – У меня и обычная есть. Я стараюсь помочь писателю Владимову издать роман. Он о рыбаках, о рабочем классе. Это же как раз то, что ждёт партия от писателей».

– А вы можете написать свои соображения?

– О романе? Я писал редзакключение, оно в деле, можете запросить.

– А всё-таки?

– Я же нового ничего не напишу.

Внутренне я уловил его желание получить от меня подписанную мной бумагу для его всемогущего Комитета. Надо ли говорить, что тема доносов, разоблачений, трусости была для пишущих интеллигентов одной из основных. Он давил и давил. Я уже, было, стал думать: а что такого, если я напишу, что Владимов – хороший писатель, автор книг о рабочем классе. Да ему премию надо дать, а не следить за ним. И в самом деле, дадут премию, это признание з д е с ь избавит от признания т а м. Но Бог спас: время встречи с чекистом истекло. Уже было далеко за конец рабочего дня, а, может, номер этот был нужен для следующей встречи, Николай Николаевич засобирался. Но всё-таки очень просил написать о Владимове.

– Вы говорите: он хороший писатель, так? Вот и отобразите. И мне будет легче его защищать.

– А ему что-то угрожает?

– Не то, что бы, но подстраховаться не мешает.

– Но, Николай Николаевич, если его здесь не издать, там издадут.

– За него не переживайте, издадут. И гонорары переправляют.

Чекист подарил мне книгу на русском языке о Солженицыне. Написанная женщиной, она убедительно рассказывала, какой Солженицын эгоист, как он всех использует, как думает только о своей известности, как он был на блатной шарашке, даже вроде того, что сотрудничал с органами.

И по дороге домой и дома я всё прокручивал слова чекиста. Неужели готовится посадка Владимова или высылка, так, что ли? Надо как-то Владимова предупредить. Но как? Поневоле я попал в ситуацию, в которой надо было быть настороже. Может, уже и за мной наблюдение? За Владимовыми-то уже точно следили. Напротив их пятиэтажки на Филевской улице возводилась девятиэтажка, и Наталья уверяла, что там установлена направленная на их квартиру следающая аппаратура.

А надо сказать, что Владимов писал очень толковые внутренние рецензии. Мы подбирали ему рукописи потолще, чтобы выписать гонорар побольше. Так же, помню, мы подкармливали и Владимира Дудинцева, и Олега Волкова. Да многих. Вскоре, когда я ушёл из издательства, и со мною расторгли все договоры и нигде не печатали, я года три-четыре жил именно на гонорары за рецензии. Так я к чему. На работе спросил секретаря редакции, пришла ли с внутренней рецензии рукопись, закреплённая за мною. Не спросил, принёс ли Владимов рецензию, а пришла ли рецензия. Нет?

– Так позвоните рецензенту, поторопите.

Секретарь позвонил, поторопил.

– Обещал к понедельнику.

А понедельник был обязательный присутственный день. Так что я не специально, вроде бы, пришёл, а исполняя служебные обязанности.

Владимов обычно появлялся на очень краткое время. Отдавал работу, брал следующую и уходил. Многие редактора хотели иметь такого рецензента, но я, как его редактор, имел на Владимова монополию, то есть именно я и приготовил ему очередную работу. Открыв её при нём, положил в неё бланки квитанций, которые заполняли рецензенты для оплаты. Протянул папку Владимову и поглядел в глаза. Как раз вместе с квитанциями я положил записку, что надо поговорить. Конспиратор он был гениальный. Через десять минут в редакции зазвонил телефон.

– Вам девушка звонит! – весело сказал секретарь редакции.

– Лишь бы не пишущая, – ответил я, взял трубку и услышал голос Владимова.

– Стою у входа в метро, – сказал он и повесил трубку.

– Что-то разорвалось, – пожал я плечами.

– Испугалась.

Я подождал для виду, потом сказал, что пойду в магазин. У метро мы встретились, я рассказал о чекисте.

Владимов молча курил. Потом ещё закурил, но быстро выбросил сигарету в урну.

– Да ерунда, не переживайте.

– За вас переживаю.

– А про Солженицына правда? То, что сотрудничал?

– За него тем более не переживайте.

На работе сказали, что меня вызывают в райком партии. Думал, из-за Владимова, торопливо, в дополнение к редзаклучению написал аннотацию, где опять нажимал на скудость рабочей тематики в современной литературе и необходимости издания романа «Три минуты молчания». Взял и вёрстку.

Но в райкоме был обычный семинар секретарей первичных организаций, один из тех, на которых можно было или спать, или заниматься

своим делом, лишь бы присутствовать. Хотя я не провёл время даром, подошёл к зав. отделом пропаганды, женщине толковой, жаль не помню имени-отчества и, специально опережая события, ничего не говоря о встрече с чекистом, попросил её прочесть роман.

Она, представьте себе, прочла. Прочла быстро и, опять же представьте, роман ей понравился. То есть стала моим союзником. Другого союзника я обрёл в лице главного редактора Андрея Дмитриевича Блинова. Он, бывший фронтовик, до «Современника» работал в издательстве «Московский рабочий» и, как сам говорил, не было у него уже сил читать халтуру, прикрытую «болтами-гайками». – «Производственный конфликт, – насмешливо говорил он: совершил прогул, переживает, ночь не спал, изменил угол заточки резца, подежурил в народной дружине, вернулся к жене, забыл пивную. Письменники хреновы!»

Он взял на себя смелость подписать роман в печать. Правда, убеждённый трезвенник, просил поубавить, особенно на первых страницах, эпизодов пьянки, когда Сеня Шалай, главный герой, пропивает в Мурманске получку, перед тем как уйти в море за новой. Я боялся, что Владимов заупрямится, когда приехал к нему и показал места, отмеченные карандашом и предлагаемые к сокращению. Нет, он пожал плечами и согласился.

– Если бы это пьянку в жизни сократило.

Мне же эти сокращения позволили нагло написать в докладной директору, Юрию Львовичу Прокушеву, что «в ходе подготовки романа к изданию автор коренным образом переработал его текст».

И ничего не случилось – вышел роман, выписали автору повышенный гонорар. Георгий Николаевич пришёл за ним к концу рабочего дня, просил сотрудников немного подождать, ненадолго вышел и вскоре вернулся и с шампанским, и с коньяком, и с тортом. Мы славно отметили выход книги, закусывая питьё тортом, словом, всё по-человечески.

Точно во время застолья позвонил телефон. Меня. Николай Николаевич.

– Поздравляю. Держу в руках.

– А вы далеко?

– А что?

– По случаю выхода книги маленькое торжество.

– А-а, нет, в другой раз.

Потом, что потом? Потом Владимов уехал с женой в Германию, выпускал там журнал, ему помогал Солженицын, потом они разошлись. Какие были причины, я не вникал, уже было неинтересно. Потом умерла жена Наталья. Владимов с дочерью приезжал в Москву, виделся с критиком Анатолием Ланщиковым, потом и совсем вернулся. Ему дали дачу в Переделкино, где он вскоре умер.

Николай Иванович вышел на пенсию.

ВАСЯ, ОТБРОСЬ КОСТЫЛИ

Правдивейшая история о том, как Вася Заремба, коммунист и зять генерала, при социализме чуть не попал в тюрьму, но был спасён демократами, о том, как те же демократы Васю чуть не погубили, и о том, как Вася попал в лапы к протестантам.

Рождённый в эпоху культа личности, Вася Заремба возрастал при волюнтаризме, а начинал озираться по сторонам во времена застоя. Дивно ли, что Вася вроде и не жил, а всё готовился жить. Брошенный отцом, забытый матерью, Вася кое-как учился, чашки за собой не мыл, постель не убирал, любил жвачку, развлечения и американско-японское кино о деньгах, разврате и драках. Из школы Васю еле-еле вытащили за волосы, ибо было обязательное среднее образование.

До армии Вася слонялся по компаниям, рассказывал анекдоты, научился красиво сплёвывать, а в армии служил так, чтобы все знали: Васе ничего нельзя поручить, кроме дежурства на кухне и работы на складах: вещевых, продовольственных и горюче-смазочных материалов. Тут-то Вася прошёл школу жизни. Он усвоил три правила: во-первых, под боком у начальства всегда бардак, во-вторых, надо уметь вовремя попадаться начальству на глаза, в-третьих, надо уметь пить и не надо болтать. А уж что и куда толкаешь, какие тюки и вагоны, какие канистры – это твое личное дело.

Вася остался на сверхсрочную. Это было очень по нему: еда и одежда, проезд и всё остальное – не его забота. И с квартирой решилось, так как Вася женился на капитанской дочке. Женитьба была и по любви, и по расчёту.

По пословице про веревочку, которая вьётся, но до поры до времени, Вася попался. И попался-то глупо: списал десять кубометров леса на забор вокруг части. Кто-то случайно посмотрел, а забор-то бетонный. Ох, и горевал потом Вася, что случилось это не при Ельцине, Вася бы и бетонный вывез.

Пошёл Вася служить в милицию. Там пастьись было очень можно. Тесть-капитан к этому времени стал тестем-полковником и содействовал. Но вот штука: жена прапорщика – это одно, а жена, которая полковничья дочь, – это другое. Её одеть нужно, её нужно на курорт отправить, ей нужно гостей принять по-человечески, ей надо и в гости сходить. Тебе принесли подарок, и ты тоже носи. Эту же вазу, которую подарили и все видели, её же не понесёшь, люстру носи. А люстру поди купи. А у полковничьей дочери друзья не какая-то шпана сверхсрочная, они хрусталь от стекла как-нибудь отличают, и фарфор от глины отличают, и ковер люберецкий от цыганского тоже. Но при Васином умении списывать новую технику в старую, а потом продавать её опять за новую, прихоти жены он преодолевал. Да и сам, в общем, был уже давно не такой сибирский валенок, каким начинал, уже успел полюбить двух гитаристов-певцов, Высоцкого и Окуджаву, потом, по ходу жизни, разлюбил, их ор-

ганически вытеснили группы «Лесоповал» и «Дюна», так что жил Вася наполненно. Только вот в отпуск не любил уходить. Не из-за рьяности к работе, а из-за того, что домой ничего не нёс. И от этого уснуть не мог. Так он как придумал: перед сном закидывал свою фуражку к соседу во двор, потом украдкой лазил за нею – и уж тогда, счастливый, засыпал.

Но как ни возрастало Васино умение жить, попался Вася и в милиции. Он, как он выражался, прокачивал, продавливал очередную партию «уазиков». Он их реализнул своему начальнику, а Васины хлопцы их спёрли. Начальник дело размотал, но, чтоб скандала не было, Васю не мочил, в ментовку не сдавал, а просто из органов попёр. И как не попереть – сам начальник в Прибалтику цветной металл прокачивал.

А тесть уже тем временем генерал, а жена Васи к тому времени – генеральская дочь. Определился Вася в пожарники, осмотрелся. О, да и тут не все со шлангами да с лестницами бегают, не все дымами дышат, тут тылы есть, тут фуражку не надо в чужой двор кидать, есть чем заняться. К тому времени у Васи и армейских, и милицейских соратников накопилось изрядно. Вася их делил по сортам. Одни надывбывали, где, в какое место чего натаскано-наворовано, другие поджигали разными научными методами, например химической смесью, третьи ехали пожар тушить, а имущество спасали в свои машины. Приезжал и Вася, писал протокол. Скребя в затылке, сочинял причину: от неисправной проводки, от небрежного обращения с газом, от курения в постели в такой-то стадии опьянения или, для разнообразия: причина выясняется.

Но вот невезуха – и тут Вася сгорел. Сгорел, когда в пожаре сгорели люди. Они и раньше горели, но тут двое спаслись и узрели, что пожарные тащат то, что уже утащено. От великой радости, что живы, и от великого огорчения, что у них воруют наворованное, эти погорельцы настучали на Васю. Вася пробовал их заткнуть, подмазать, но затычка и подмазка очень намного превышала стоимость нарядов генеральской дочки, и Вася ушёл по собственному желанию.

«Но работать всё равно не буду!» – твёрдо сказал себе Вася. Тут, на Васино счастье, состоялся август 91-го. Пошёл Вася на игрушечные баррикады защищать демократию, вернулся пьяный и с банкой ветчины. Но он её там не крал, её там даром давали.

Очень были рады демократии Васины кореша – воры армейские, воры милицейские и воры пожарные. Вышли из подполья и воры-торгаши. Все они ходили по митингам и драли глотки за демократов. Очень нравились Васе и его компании крики всяких новозадворских о том, что коммунистов надо вешать. Естественно, что и Вася, и дружки были до роспуска компартии в ней, но теперь оказалось, что они были самые настоящие герои, ибо они специально были плохими коммунистами, чтобы подрывать партию изнутри, а вот были и хорошие, честные коммунисты – вот их и надо вешать.

Воровать стало вольготно. Воровали в открытую, только одно досаждало – стрельба. Вот, например, кто-то много украдёт, а другой меньше, ему и обидно. Он выпьет, да и давай стрелять. Но Вася был осторожен. Жена его уж и не знала, в какую бы ещё страну съездить, на каком бы ещё пляже полежать. Она даже и Васю выучила выговаривать слово «Копакабана». А вот папаша её уже ничего не выговорил: не выдержали его лёгкие воздуха свободы, задохнулся генерал, лёг в гроб в своём полном обмундировании, которое с него к ночи сняли и на Арбате продали.

В генеральской квартире стали жить, а свою сдавать за валюту. Вроде бы живи и радуйся, но жена, как старуха из сказки о рыбаке и рыбке, всё была недовольна.

– Сволочь какая, – говорила она подругам о муже, – ничего не умеет.

– Как это так ничего? – возражали ей. – Да у тебя всего с краями. У нас и на стенах того нет, что у тебя на полу.

– Барахло-то и дурак натащит, – отвечала на это Васина жена, – я не о том, я о том, что у него руки не оттуда растут. Ничего не умеет, гад ползучий. Тесто раскатывает – толсто, стирать начнёт – наволочки рвёт. Борщ варит – свеклу крупно нашинкует, ну не сволочь? А пол моет – только грязь развезёт, такая свинья. А гладить примется – на блузке одни морщины. Поживи с таким!

– А ты сама? – осмеливались спросить подруги.

– Когда мне, – возмущалась жена, – я встаю к обеду, пока причешусь, уже вечер, пора в гости. Когда мне? Не-ет, пусть Васька хоть наизнанку вывернется, но что-то делает...

Вася не был бы Васей, если б не нашёл выход. Он привёл в дом служанку. Служанка нравилась Васе как женщина, а Васиной жене нравилось, что у неё ещё, кроме мужа, появилось на кого кричать.

Для этой служанки, которая для удобства жизни стала его любовницей, Вася снял квартиру. И очень полюбил суточные наряды. Ночевал, естественно, у служанки. Жаловался ей на жизнь и на жену, служанка жалела Васю и тоже говорила о трудностях.

Содержать жену и любовницу было сложновато, но при Васиных талантах к махинациям сложности он преодолевал. Вася вообще человек был не жадный. Если купит жене перстень, то и любовнице тоже купит.

После дежурства Вася шагал домой, где уже шипел на него сиамский кот, а в бассейне передвигались рыбки, шевеля водоросли.

Детей своих (ведь были же у Васи и дети) они с женой отправили в Америку, в которой дети так и остались, даже выучили английский для всех, а русский забыли. Когда они один раз вернулись, то с Васей на русском не разговаривали, а английского он не знал. Но мама их, жена Васина, видимо, знала, они же с нею как-то договорились. Договорились до чего? Или о чём? А о том, что вскоре она тайком от Васи продала две квартиры, свою и папашину, две дачи, две машины, перевернула рубли

в драгоценности, сложила их в сумочку, сумочку повесила на шею, напоила Васю и...

И утром он проснулся, услышав в коридоре стук кованых сапог, в квартиру вошли люди, лишённые эмоций, в змеиной зелёно-жёлтой форме, символизирующей единение жёлтого рубля и зелёного доллара, в ней, в форме, было бы удобно ползать по джунглям. Сейчас они поползли по просторам квартиры, сверяясь с обстановкой и со списком в руках. Обозрев и отметив галочками (ковры, хрусталь, мебель, заглянув в бассейн, отопнув ногой сиамского кота, люди в форме убедились, что всё соответствует, но что в квартире есть что-то лишнее, которое в списках не значилось. Это лишнее был Вася. Васю выкинули. Как? Да вот так: взяли и выкинули. Причём это же не была какая-то шушера, это был народ при исполнении, звали их гавриками, по имени их начальника Гавриила.

Стал Вася очень бедный. Показали дружки Васе кукиш. Пошёл Вася к подругам, они не все показали кукиш. Одна накормила один раз, другая, новая русская (кстати, бывшая служанка), даже выпить дала, даже предложила дачу охранять. Отправился Вася на просторы дачного пространства, а там запил, что при его положении очень естественно. А тут новая русская с проверкой. А Вася лежит в борозде, причём не в позе, удобной для прополки, а в позе для просушки организма. Когда новая русская сюда же приплюсовала частичное опустошение винных запасов, убыль солений и копчений да ещё услышала крик из-за бетонной ограды: «Васька, гад, где похмелка?» – то в результате такой арифметики Вася был разбужен, в дом больше не впущен, из дому был вынесен пиджак с проверенными карманами, и Васе было указано на выход.

И пошёл Вася, палимый солнцем демократии и провожаемый лаем старой собаки новых русских. А ведь, сволочь такую, ещё утром кормил тушёнкой.

Стал Вася бомжем. Жил, скитался по вокзалам и чердакам. На хлеб и пиво собирал бутылки, всяко шакалил. От мебельных магазинов гнали: там была ещё та мафия, да и не те уже были мышцы, чтобы комоды таранить. Гнали и от пивных: тоже своя клиентура. Как и в винно-водочных.

Зацепился Вася за оптовиков-книжников. Получал от них товар – всякие книжки в цветных обложках – и продавал по пригородным поездкам. Велели говорить фразу, что в электричке книги в три раза дешевле, чем на лотках. Я его услышал, когда ехал с Ярославского вокзала до Сергиева Посада:

– Впервые на русском языке!

В вагоне почти никого не было, подвыпивший Вася подсел ко мне и разговорился про свою историю жизни.

– Хорошо, – спросил я, – вот ты всю жизнь воровал, не работал, а дальше что?

– Дальше мне подыхать, – отвечал Вася Заремба. Мы подъезжали к Сергиеву Посаду. Вася шёл на обратную электричку, а мне, вроде как в благодарность за его рассказ, пришлось купить роман. Я даже в него заглянул, перед тем как выкинуть, наткнулся на такое место: «...надеясь на вечер новый скафандр, Эола наконец решилась сказать Джону, чтобы он не играл более на бирже на повышение инвестиций компании Пьера, ведь Пьер связан с Джуди, а она опасна.

«О Пьер», – думала Эола...»

Думал ли я, прощаясь, что скоро ещё увижу Васю. Дело было уже после октября девяносто третьего года. В субботу пришёл ко мне сосед и принялся переключать программы телевидения. И вот – он не даст соврать – по трём, я повторяю: по трём программам вещали заезжие проповедники. Все бритые, все англоязычные.

– Выключи, – сказал я соседу, – не оскверняй квартиру их кваканьем. – И вдруг... и вдруг увидел... Васю. Вася на экране телевизора сидел в кресле. – Стоп, оставь!

Мы вслушались. Оказывается, пастор, по фамилии, кажется, Шуллер, обещал, что сейчас вот этот больной всю жизнь (это Вася-то всю жизнь?), сидящий в кресле, встанет. Произойдёт чудо исцеления. И если ещё и после этого зрители (дело было в каком-то кинотеатре), если ещё и после этого зрители не поверят в адвентистов, или баптистов, или евангелистов, или там мормонов, я не запомнил, то Шуллер даст руку на отсечение.

Женщины в годах, все в белых платьях, стоящие сзади Шуллера, спели какую-то песню. Васю подкатили поближе, и Шуллер закричал на него через переводчицу:

– Ты исцелён, ты исцелён! Милость Божия снизошла на тебя! Вставай!

Вася силился встать, но, видно, не мог. Шуллер делал над его головой движения руками, вроде тех, что совершают разные чумовые джуны.

– Встань и иди!

В общем, Вася встал. Вначале изобразил, что ему трудно, потом пошатался, сделал шаг, другой, третий. Шуллер неистовствовал, орал в микрофон, зал хлопал. Крупным планом показали подсадную (плачущую) утку.

Долго ли, коротко ли, опять я встретил Васю всё в той же электричке, идущей к Сергиеву Посаду. Вася вновь торговал.

– Ну, Вася, – сказал я вместо приветствия, – видел я, видел, как ты на врагов России работаешь. Что ж ты, уж совсем одичал, не видишь, что всё это жульё и шпана, все эти билли грэмы, всякие фин-дифигли, всех их у себя давно не слушают, они сюда подрядились ездить и здесь пакостить.

– Шпана, это точно, – отвечал Вася, – я их изнутри изучил, а из-за этого телевидения я заработка лишился. Как теперь по гастролям ез-

дить, когда кто-нибудь меня видел?

– А вы гастролировали?

– Круглосуточно! Везде зелёный свет. Эти волокут с собой всякую технику, видеки, радиотелефоны для подарков, залы снимают. Они же меня на улице подобрали. Ты только часть видел, у нас же там ещё он садится в каталку, а я его сзади толкаю, вроде как окончательно исцелил. А то с костылями выходил. Он пошаманит, пошаманит, руками помашет, кричит через переводчицу: брось костыли, брось! Я отбрасывал. Жрать захочешь, отбросишь. Ты ж видишь, – Вася показал на бесчисленные надписи на бесконечных заборах вдоль железной дороги. В надписях кратко излагалось народное отношение к демократическому строю. – Свобода, – сказал Вася, понурясь, – ори что хошь, но всё равно подыхай.

– Ну на гастролях-то ты, думаю, пожил.

– О! – Вася поднял голову. – Отдельное купе, ужин в купе. Меня до сеанса нельзя светить, прячут. Я там у них много чего приватизировал. Удобно компьютеры воровать: маленькие. Но тоже почти бесполезно, кому они сейчас нужны? Вся цена – пузырьрёк.

– Вася, – спросил я, – а ты крещёный?

– Не знаю.

– А эти, баптисты или как их... свидетели Иеговы, тебя окрестили?

– Нет. Я и не хотел. Уж больно какой-то цирк, несерьёзно. Вообще, я хотел их изнутри взорвать. Думаю, вот вывезут, вот надо показать чудо исцеления, а я возьму и не исцелюсь. Вот, думаю, вы попляшете. А опять как подумаю, что деньги дают, кормят, можно чего и оприходовать, тогда думаю: надо исцеляться. А ты как думал! – Вася и не спросил, а как бы за меня ответил: – А то я сунулся к Белому дому в октябре, дорожка знакомая, думаю, подхарчусь, думал, как в августе девяносто первого, будут поить. А там не то чтоб кормить, там по морде получил, да ещё от своего, от бывшего. Вместе воровали. Меня лупят, вижу знакомого краснопёрка (ментов же краснопёрками зовут, по цвету петлиц), кричу: «Витька!» А Витька как неродной, а его дубинники меня лупят. Тут пойдёшь на арену. Но чего ж теперь: со мной расстались, не успел я им навредить.

– Давай, – предложил я, – в Сергиевом Посаде выйдем – и в лавру к преподобному Сергию.

– Я ещё не созрел, – отвечал Вася, – я ещё где-то на подходе. Тут дорога такая, я ж вижу, непростая. Тут бывает, что едут старухи и не присядут, ходят насквозь электрички, от хвоста до головы. Я спрашиваю, чего не сидится, говорят: надо бы, по правилам, идти в Лавру пешком, а тут хоть так. Я созреваю. Я ещё, может, и литературу буду продавать религиозную.

– И когда ты созреешь?

– А вот ещё раз встретимся, тогда.

И ведь встретились же мы с Васей, встретились. Да ещё как! Я сижу читаю. Поезд идёт на Сергиев Посад. По проходу идёт женщина-книгоноша и так чётко, уверенно сообщает, что у неё книги дешевле, чем на лотках и в магазинах, в два раза, а за нею идёт Вася, который ничего не рекламирует. Увидел меня, обрадовался, как родному!

– Жена! – радостно представил мне Вася женщину. – Американка!

И что же оказалось? А оказалось всё так просто, что даже долго и нечего рассказывать. Жена Васи, бросив его, фактически обокрав, улетила к детям, а там дети, воспитанные передовой цивилизацией Америки, обчистили её. То есть как обустроили: она вложила деньги и драгоценности в их дела и... стала лишней. Её под предлогом устройства американо-российских связей их фирм посадили на самолёт, дали адрес, куда ей надо прийти, и помахали рукой. Она пришла по адресу, но там не только фирмы, но и адреса не было. Вот и вся история.

Вася увидел жену, когда и она и он сдавали бутылки в приёмном пункте.

Утешать супругов мне не пришлось, оба они враз говорили. Что так им и надо, что богатство их было нечестное, что оно и детям в пользу не пойдёт. Детей вот жалко.

– А внуки, – заплакала женщина, – уже ни слова по-русски.

– Но как иначе, – защитил их Вася, – они же новые русские.

На прощание Вася с гордостью сказал мне, что носит крестик на груди, что жена тоже носит, что живут они из милости у её бывшей подруги.

– И у твоей тоже?

– Нет, у другой. А та-то с дачей и дочерью куда-то пропала. Я ездил, там теперь какие-то новые с Кавказа. И собака другая. Ничего, даст Бог, встанем. Я ещё думаю, может, в компартию поступлю. Ты за кого будешь голосовать? Это же надо, до чего довели богатейшую страну.

Жена позвала Васю. Они ушли дальше.

Может, ещё и встречу их когда. Может, и из вас кто встретит, они по электричкам Ярославского вокзала ходят. По тем, которые идут на Сергиев Посад.

ВЕЧЕР НА ПОДВОРЬЕ

Последние десятилетия меня постоянно, не то что бы уж очень мучают, но посещают мысли, что я, по слабости своей, как писатель, сдался перед заботами дня. И не то, что б исписался, а весь как-то истратился, раздёргался, раздробился на части, на сотни и сотни вроде бы необходимых мероприятий, собраний-съездов-заседаний-пленумов-форумов, на совершенно немыслимое количество встреч, поездок, выступлений, на сотни предисловий, рекомендаций, тысячи писем, десятки тысяч звонков, на всё то, что казалось борьбой за русскую литературу, за Россию. Разве такая жизнь помогает спокойствию души, главному условию си-

дения над бумагой?

Немного утешала мысль, что так, по сути, жили и сотоварищи по цеху. Слабое утешение слабой души. Всё почти, что я нацарапал – торопливо, поверхностно. Когда слышу добрые слова о каком-либо рассказе, написанном лет сорок назад, кажется, что говорят так, жалея меня, сегодняшнего. Похвала давно угнетает меня. Быть на людях, быть, как говорят, общественным человеком очень в тягость. Ощущение, что поверили не мне, а чему-то во мне, что могло им послужить. Вот, обманываю ожидания.

Ну, чего теперь, поздно. Во всех смыслах: вечер на дворе. Унывать – грех. Живу с Господом. Но мог бы жить с Ним и без литературы. Она, что – миссия? Умение писать – средство передачи сведений. А посягнула на жизнь души. Ещё и уверяю себя и читателей, что литература – способ приведения заблудших к Богу. А сам я не заблудший в этом выражении? Кого надо, Бог и без меня приведёт.

В самом деле, зачем литература? Есть же Евангелие. Творчество – гордыня, даже Богоборчество. Как и вся цивилизация. Один Творец – Господь.

Нечего сказать, весёлые мысли. Это я использую данную мне свободу выбора. Но когда я был совсем крохотным и рассуждал по-детски, кто же мне внушил мысль о писательстве? Отец гордыни диавол. Скольких он погубил мечтами о славе, о деньгах. И разве я не мечтал о славе? Ещё как. «Желаю славы я, чтоб именем моим...», и так далее, так что, не один я такой. Но это отрочество, юность, потом пошло на поправку, ибо жизнь двигалась и убеждала в бесполезности известности. И прошла. И нет же во мне ощущения, что прожил зря. Плохо, грешно, торопливо, да. А могла быть другая жизнь? Могла. Но что себя тиранить? Не ушёл в монастырь – уже семья была, её любил, не перестал писать – уже привык и, значит, Бог так судил. Так что, доживай и не мучайся. Выяснение отношений ухудшает их, а самокопание угнетает.

То, что пытаюсь выразить, поможет высказать утренняя молитва, в которой слова прямо ко мне относящиеся: «Сподоби мя, Господи, ныне возлюбити Тя, якоже возлюбих иногда той самый грех; и паки поработати Тебе без лености тощно, якоже поработах прежде сатане льстивому». А уж и поработал, аз грешный, этому льстивому. Когда, в чём? Да во всём. Но книга моя – не церковь, читатель не священник, а я не на исповеди. Грешил и цеплялся для оправдания за слова «все грешат».

Но то-то и оно, что не все, то-то и оно, что за других с нас не спросят, спросят отдельно с каждого. «И другие грешили? А что тебе до других? Их тоже спросят. Ты отвечай, почему именно ты грешил?».

Вот, вырвался в Никольское. Тридцать пять лет назад, когда впервые его увидел, было село, сейчас часть города, называется это: зона ближайшего Подмоскovie. Спасли мои полдомика соседняя церковь и кладбище при ней, спасибо могильным крестам.

И уже лет двадцать в округе режут бульдозеры, ухаёт ночами забивание свай, горят в ночи огни высоченных кранов, рвут тишину и портят воздух цементовозы. Но другого пристанища для убегания из нервной трясушки Москвы на день, на два уже не будет. Тут и скворчки мои, тут и цветы, тут и яблони, и кусты смородины, малина, крыжовник. Тут и баня.

А в доме диван, на котором лежу и протягиваю наугад руку к книжным полкам. Северянин. Никак не соберусь написать о нём, уже и не соберусь – по слабости своей наобещал статей и предисловий. «Когда мадеру дохересит...когда свой херес домадерит», умел Северянин заставлять существительные работать.

И вот, в его стиле написалось и у меня такое на тему о своей жизни:

*Как будто и не жил, натурил
И своё счастье упустил.
Сам виноват – литературил:
Рассказничал, миниатюрил,
Рецензичал и предисловил,
И постоянно празднословил,
Статейничал и повестил,
И ни семьи не осчастливил,
И состоянья не скопил.
Что ж, присно каюсь – сам виновен,
Что гибну под лавиной строк.
Но, может, путь мой был духовен,
И, даст Бог, оправдает Бог?*

Вот только на это и надеюсь, на оправдание. Жизнь моя так крепко срослась с жизнью России, что я не могу уже ни о чём писать, кроме как о своём Отечестве. Но так может писать и историк, и философ, а я-то числюсь по разделу изящной словесности. Да, кажется, есть чем отчитаться перед Всевышним: боролись за чистоту российских вод, за спасение русского леса, за то, чтоб не было поворота русских рек на юг, за преподавание Основ Православной культуры... боролись же! Крохотны результаты, но уходило на борьбу и здоровье, и сама жизнь. Обозначено же в алтаре Храма Христа-Спасителя то, что и аз грешный начинал возрождение его. Вот и награда Церкви – орден. И можно внукам показать.

Золотятся купола, издаётся Священное писание, и труды Отцов, и всё доступно, а Россия гибнет, народ переселяется на кладбища. Нет, нет нам оправдания. За всех не могу говорить, но аз зело и вельми виновен.

Но, Господи Боже мой, жива же Церковь православная, плывёт же по морю житейскому Корабль спасения, есть же малое стадо Христово. Есть. Ты вошёл в него, держись за него, будь в нём, вот и всё.

Какой ещё радости ждать, если дождался самой большой?

НИНА ЖИБРИК

РЖАНЫЕ ТИХИЕ ПРОСЁЛКИ

ВЕСНА 45-ГО ГОДА

То радостью вбегала в чьи-то двери,
Счастливою застолицей вскипая,
То шла невозвратимую потерей,
Топталась у порога, как слепая...

Развалины поспешно укрывала
Весенней беззаботною травой,
Латала окон чёрные провалы,
Латала небо мирной синевою.

Полями шла в распахнутой шинели,
Зелёною косынкою махала.
На всём пути, где холмики чернели,
Задерживалась матерью усталой...

Вызванивала небо жаворонком,
Следы войны песками завевала,
Бросала семя в мёртвые воронки,
Поля пустые хлебом засекала.

За ту весну, чтоб мы с тобою жили,
За май, встающий хрупкими ростками,
Солдаты наши на землю ложились,
Последний раз обняв её руками!..

Без них на травах – солнечные блики,
Без них над полем песня допоётся...
Вросли в родную землю обелиски,
Чтоб поддержать для нас, живущих,
Солнце.

Жибрик Нина Иосифовна (21.03.1933, Белоруссия – 26.12.2012, Волжск).

Автор 5 стихотворных сборников, 4 книг стихов для детей.

Член Союза писателей России.

* * *

Ситцевое детство босоное,
Где теперь искать твой узкий след, –
Голодом, недетскою тревогою
Смятое войною в восемь лет...

Ты ушло, испуганное взрывами,
Свастики кровавым пауком,
Чёрными размётанными гривами
Деревень,
Сжигаемых кругом!..

Но в плену, в лохмотьях, неказистое,
Выдержало ты неравный бой:
Вырастить сумело в сердце чистую
К Родине, к земле своей
Любовь.

РЖАНЫЕ ПРОСЁЛКИ

Ржаные тихие просёлки,
Звон потаённых родников.
А в жите – песня перепёлки
Да свет ромашек-васильков.

Простор полей покоя полон,
Зной наливает силой рожь –
Течёт-колышется над полем
Его серебряная дрожь...

И в этой лёгкой дрожи зноя
Над нивой зреющих хлебов
Такое близкое, родное –
Приют счастливых наших снов!

СОЛДАТСКИЕ ВДОВЫ*Ефросинье Петровне Новиковой*

За околицей сад сожжённый –
Ваша доля, солдатские жёны.
Приносили вам почтальоны
Похоронки с бедой калёной...

К тяжкой доле своей готовы,
Вы снимали цветные обновы.
И носили солдатские вдовы
Платья тёмные, что оковы.

Иль от горя, иль от мороза
Поседели в селе берёзы,
И колючий туман белёсый
На глазах высекает слёзы.

Вдовьи ночи в пустой постели,
Да усталость в озябшем теле,
И на сердце тоска метелит –
Рано вы от неё седели...

Подрастали опорой дети –
Становилось теплей на свете.
И однажды весной на рассвете
Сад проснулся, весь в белом цвете!..

* * *

Смотри, какой просторный ясный день,
Какое буйство солнечного света!
Подрагивают лужицы от ветра –
Весна бежит по стёжкам деревень.

Какая-то особая пора:
Прозрачны и слегка зеленоваты
Холодные апрельские закаты,
Днём тает, к ночи – груды серебра.

А ночью, только сладко ты уснёшь,
Неслышно плачут старые берёзы.
Чтобы собрать пречистые их слёзы,
К земле спускает небо звёздный ковш.

РЫЖИЙ КОНЬ

Ах, рыжий мой конь,
Детства преданный друг!
Тепло твоих губ я ладонями помню.
Иль только приснился мне скошенный луг,
Восторгом полёта и солнцем наполнен?

Упругая шея – литой полукруг,
И нервное холки горячей дрожанье.
В коленках девчужки – внезапный испуг:
Бьёт ветер в лицо под весёлое ржанье!..

Из пламени жизнь нас бросает на лёд,
И нет больше детства, где можно согреться.
Беда часто бьёт – по-предательски бьёт –
То в спину ударит, то в самое сердце...

А время летит то в галоп, то рысцой,
Кладёт под копыта короткие вёрсты.
Уткнуться бы в конскую гриву лицом,
Поплакать – и станет, как в детстве, всё просто...

1969

* * *

Помню, как уезжала из дому,
Собрала мама в путь подорожники,
Проводила по полю чистому:
– Лёгкой, дочка, тебе дороженьки!..

Уж не слышно родного голоса,
Лишь гудят провода настороженно.
Но хранят меня подорожники –
Бел рушник да три житных колоса.

Мне рушник – на дорогу светлую,
А колосья – на добрую долюшку.
Я покличу судьбу заветную,
Я рассыплю зерно по полюшку...

Из тех зёрен над пашней волглою
К солнцу тянутся, ровно былиночки,
Три надежды мои, три кровиночки, –
Значит, жизнь моя будет долгою.

* * *

Мать-земля научала терпению:
– Пострадай, обретая зрение.
Лишь мучения – путь к прозрению,
Нет рождения без мучения.

Мне шептала лесунья-реченька:
– Посмотри, как работаю, доченька:
Капля к капельке, словно бусинки –
И звенят они, чудо-гусельки!

А луга вышивали радуги,
Колыхая пчелиное пение,
И вздыхали от тихой радости:
– Без терпения нет умения...

С добротой материнской лучиком
По щеке меня солнце гладило:
– Ты помучайся, ты помучайся,
Чтоб хорошая песня сладилась!

* * *

Расцветала Золушкой
Средь полей-дубрав,
Молодости золото
Всё тебе отдав.
Шла к тебе доверчиво
В зной и сквозь дожди,
Засыпала вечером
С песнею в груди...
Не прельщалась глазками –
Доброты ждала:
Верила, что ласковый –
Сердце отдала.
Сердце с малой искорки
Вспыхнуло костром:
Верила, что искренний
И пришёл с добром...
...Льют дожди протяжные –
Где же ты, тепло?
Что-то очень важное
Так и не пришло...

СВИДАНИЕ

Я пройду к тебе тихо-тихо
В лунный сад по ночной траве.
Лишь бессонная соловьяха
Заприметит меня на тропе.

И просыплет крутая нитка
На тропинку свои жемчуга,
Как старуха, вздохнёт калитка:
«Ох, далёко ли до греха...»

И кипящей сирени ветви
Мне протянет притихший сад.
Сердцем я обожгусь о светлый,
О тревожно-счастливый взгляд...

БАБЬЯ ДОЛЯ

Бабья доля – ветер в поле
С дождиком осенним...

Нам, бабам, легко ль живётся?
В домах своих мы – несмеяны:
Невзгоды нам застыт солнце
И быт нам наносит раны.

От быта устали бабы –
Квартира, семья, работа...
Мы всё-таки очень слабы,
Нам больше б тепла, заботы.

Нет, мы не отстанем в деле,
И вынесем все разлуки –
Вот больше бы нас жалели
Мужские сердца и руки!..

Мы трудно детей рожаем,
Расти́м их ещё труднее.
А вырастим – в жизнь провожаем,
И всё-то мы их жалеем.

И муж не забыт, ухожен –
Всю душу в семью мы вносим.
А сами с той ивой схожи,
Что зябнет в лугах под осень...

* * *

Прабабке Марии Гуриной

Хотя родилась я крестьянкой,
Рука и тонка и мала:
Прабабка была дворянкой –
В наследство передала.

И хрупкость моя, и ранимость,
И гордость – видать, от неё...
Ой, пани, тебе и не снилось
Моё житиё-бытиё!

Шановная полька-шляхтянка,
Тебе было б горько узнать,
Что правнучка дома – служанка,
Да в том не её вина...

Она и поэт, и художник –
В руках то резец, то перо...
Но женщина в доме – острожник,
И это, как мир, старо!..

* * *

Ты – февраль мой,
Метельный, нахмуренный:
На морозе
Не долго выстоишь!..
Не порадуешь солнцем –
Всё бурями,
Не согреешь,
А только выстудишь...

Чтоб не сбиться с дороги
Заснеженной,
Не увязнуть
В сугробах-наметях,
Надо
Образ лесных подснежников
Незабывно
Лелеять в памяти...

* * *

Бывает, и солнечный лес очень больно
Хлестнёт по лицу безобидною веткой...
Представь, что пошла я по жизни с тобою,
Как двое уходят в разведку...

Прошла соловьиной поры безмятежность.
И трудно меняется лето на осень,
И жёлтых деревьев певучую нежность
Ветрами в кюветы заносит...

А в жизни всё больше дождей да метелей:
Мечты вымерзают от стужи под корень...
Уж если и радость с тобой не поделишь,
То как же делить с тобой горе?!.

Душе одиночество осень приносит –
Бредёт по стерне по колючей босая...
В разведке – в беде ты, наверно, не бросишь...
Зачем же под крышей бросаешь?

МОЙ ДОМ

Мой дом, где я – слуга и пани...
Здесь мною созданный уют,
Здесь в каждой вещи сердца память
И тени прошлого живут.

Со мною книги и картины,
Цветы, закатный свет в окне,
И половицы скрип невинный,
И зайчик солнца на стене...

Пусть намело на крышу снегу
И ветер воеет за окном,
Подобен Ноеву ковчегу
Среди житейских бурь мой дом.

...Как страшно: бросить нажитое
И с чемоданом, налегке,
Бежать в неведомо-чужое –
Как будто к омуту в реке!..

* * *

...А ведь можно убить и без выстрела –
Ядовитым тяжёлым словом!..
Безоружному сердцу как выстоять
И не сделаться злым, суровым;
Не оглохнуть, не стать твёрдо-каменным;
Не ослепнуть к чужим невзгодам
И в терпении жить неприкаянным, –
Из какой надо быть породы?!.

* * *

Серпик луны
Ночь на тополь повесила –
В мае и в правду
Им нечего жать.
Дом белостенный,
А в доме невесело –
В доме как будто бы
Нечем дышать...
Тонко, свежо
Пахнет яблони цвет.
Вроде всё есть...
Только радости нет.

* * *

Н.К.

Помоги мне в тебя влюбиться –
Ты один, может, этого стоишь,
Чтобы сердцу в испуге забиться!..
Пусть хоть раз ещё небо кружится
Над усталой моей головою.
Помоги мне в тебя влюбиться...

Прикажи колдовскими глазами,
Укроти, усмири мою волю,
Чтобы песни вдруг вырвались сами
Из захлопнутой клетки в поле!
Ведь от песен – ни зла, ни боли...
Прикажи колдовскими глазами...

Не прошу у тебя я свиданий –
Хочешь, будь иль не будь мне другом...
Ты вдохни в мою душу сиянье,
Затяни моё сердце туго –
Дай мне чистых, высоких страданий!..
Не прошу у тебя я свиданий...

1971

ДОБРОТА

А меня полюбив, полюби
Землю с каждою стёжкой-дорожкой,
По которой снуют муравьи
И зверьки пробегают сторожно.

Не ломай на тропе над рекой
Наклонённую веточку ивы –
В этот миг, может, лёгкой рукой
Потянулась к тебе я счастливо.

И ромашку в лугах не срывай,
Пусть ей дольше под небом цветётся:
Может быть, это я – узнавай! –
Притаилась в ней капелькой солнца.

Не стреляй на заре над овсом
Перепёлку, вспорхнувшую с поля, –
Мы едины с землёю во всём,
А земля беззащитна от боли.

МУЗЫКА ЗОЛОТОЙ ОСЕНИ

Запечалится август,
И жёлтые листья
Только-только начнут
Под ногами вздыхать –
Оживает душа,
И певучие мысли
Зазвучат и заплещутся
В ритме стиха.

Но последние листья
Развеет ненастье –
Затихает и музыка эта во мне:
Будто что-то в душе
Обрывается, гаснет –
И живёт она, как в заколдованном сне...

Родилась я весной,
Когда взмывшие в просинь
Только пробуют жаворонки голоса.
А люблю я одну золотистую осень.
Да ещё василькового цвета глаза.

* * *

Летний дождь хоть и долог, тонок,
Сядет в травы – и не видать:
Пьёт земля каждым ртом зелёным
Эту чистую благодать.

Медоносный цветок в природе,
Неприметный издалека,
По наитью пчела находит –
У цветка глубина сладка.

Вот река в лозняках укрылась,
И не видно речного дна.
В речке главное – не открытость,
В речке главное – глубина.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Вечером клевер сложил три листка,
Кверху поднял – как персты для молитвы...
Светлая летняя ночь коротка.
Листья и травы рососою облиты.

Росам малиновым быть на заре,
Только лишь свет её в травы прольётся.
Ночь коротка, росам надо созреть, –
Чтоб отразить каждой каплею солнце.

ПРИЗНАНИЕ

– Обычно судьба оставляет свой след,
И летопись жизни читают на лицах...
Скажите, сударыня, сколько Вам лет? –
Однажды спросил меня рыцарь.

– Мой возраст?..
Ах, сударь, так я ведь – поэт.
Но, если угодно, готова признаться,
Что разуму, кажется, тысяча лет,
А сердцу –
Немного за двадцать...

ОСЕНЬ ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ

Ах, осень первоначальная,
Как трогает свет твой рдяный,
И дымка твоя печальная,
Что кутает лес, поляны.

На влажной лесной окраине
Осинки в огне и дрожи:
Зажгли их зазимки ранние,
А ветер гореть поможет.

Сивца купыри белёсые
Да спутанная осока...
Берёзы золотокосые
Не знают, не помнят срока.

Всё это родное, близкое,
На всём – тихий свет печали.
А в небе высоко, низко ли
Вчера журавли кричали...

«ВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДУШИ» (Нина Жибрик – Николаю Михееву)

Любовь, уважение, благодарность – кажется, именно этими словами можно выразить отношение всего круга наших писателей и поэтов к Нине Иосифовне Жибрик.

Любовь и уважение – и к её поэзии и прозе, и к ней самой – женщине, матери, наставнице молодых поэтов.

Нина Иосифовна по собственному поэтическому опыту знала, какова роль старшего товарища, учителя в жизни и судьбе поэта. В автобиографии она с благодарностью писала о своих учителях – известных московских поэтах Сергее Поделкове, Петре Нефёдове, Марке Лисянском, а также наших авторах – Валентине Колумбе, который редактировал её первую книгу стихов, марийском критике Сергее Ибатове, Миклае Казакове, Василии Столярове, особенно Семёне Вишневском. В п. Мочалище у Жибрик часто гостил Аркадий Крупняков¹.

С 1980 года строгим критиком её поэзии стал Юлий Халфин – московский учитель, воспитатель многих талантливых людей, в 2006 году вышла его книга о школьном поэтическом театре, в которой описываются основные принципы работы этого театра, пути вовлечения юного поколения в поэзию². Халфин, пишет Жибрик, «в поэзии был, как Бог в своих владениях». Даже когда вышла её книга «Вересковая поляна», – «то и за неё мне тоже от моего строго учителя “досталось на орехи”». «Вересковая поляна» – это 1987 год. Нине Иосифовне 54 года, т. е. несмотря на поэтическую зрелость, процесс учёбы продолжался – всю жизнь.

Нина Иосифовна была одной из тех, кто первым заметил молодого талантливого поэта Николая Михеева, кто его поддержал – одобрительным словом, рекомендациями его стихов к публикации в республиканских изданиях, более того – кто в письмах к нему развернул целую эстетическую программу словесного творчества. А это так было нужно Николаю, и сегодня молодым писателям и поэтам стоит вчитаться в честное, мужественное слово учителя.

И вот перед Ниной Иосифовной ранние, в большинстве своём ещё беспомощные стихи поэта из посёлка Алексеевский, но стихи с явными приметами таланта их автора. Нина Иосифовна понимает, что моло-

1 См.: Жибрик Н. А я природная, лесная... // Жибрик Н. Тропа к живой воде: Лирика. Йошкар-Ола, 2008. С. 494–523.

2 Халфин Юлий. Школьный Поэтический театр: Из опыта работы. М., 2006.

дому поэту нужен не только «разбор» его стихов, не только отметание «мусора», о чём ей постоянно говорил Юлий Халфин, но и указание ориентиров на пути в поэзию. Кстати, это понимал и Николай: «Учить меня надо на будущее, а не заставляя переделывать старые стихи» (Н. Михеев – Н. Жибрик, 19 июня 1984).

На республиканском совещании-семинаре «Литературная осень-83» Нина Иосифовна впервые прочитала несколько стихов Николая. Сразу после «осени» она написала Николаю письмо (13 сентября 1983), в котором предлагала прислать ей тетрадку его стихов. Эти стихи и стали содержанием первых писем Нины Иосифовны и Николая.

Одно из программных писем Нины Иосифовны, обращённых к Николаю, мы публикуем – с любовью, уважением и благодарностью.

«23/ХІІ-83

Николай! Здравствуйте!

Стихи ваши прочитала с радостью. В них много свежести и новизны образов. Они мелодичны, богаты и светом, и тенью, тонами и полутонами... А порою обжигают душу своей пронзительной правдивостью и незащищённостью чувства.

А главное – у вас живая душа поэта, остро чувствующая все оттенки и радости, и боли. А мастерство придёт – не беда, если что-то получается и не так...

Думается мне, что период “ученичества” вы благополучно миновали, т. е. успели переболеть многими “детскими болезнями” начинающих. В строчках чувствуется большая уверенность (не они вас подчиняют себе, а вы пытаетесь диктовать им свою волю – и небезуспешно), непосредственность.

Все удаchi и неудачи я отметила по строчкам. Может, я просто увлеклась, но, кажется, что неудач совсем не много, а хороших и удачных строк и целых строф гораздо больше. Главное, стихи искренни. Это очень важно! Правильно, – не надо бояться “души святого обнажения”, именно с ней, обнажённой и незащищённой, и надо идти к людям. Не беда, если кто-то, не понявший, и камень бросит... Иди – поймут! Примут! Полуправда, почувствовавшая ничью души не тронет. Значит – или всё, или ничего!.. Только так – а в поэзии тем более. Поэт должен писать, что называется, кровью сердца. И это больно – для него.

Да, к неудавшимся, пожалуй, можно отнести одно ст<ихотворе>ние: “Маленький 10-ый “В”. Главный его недостаток – сбита вконец ритмика (чего у вас почти не наблюдается в других стихах): попробуйте это ст<ихотворе>ние спеть на какую-нибудь мелодию – не выйдет, т. к. почти каждая строчка “звучит” сама по себе... Да и содержание “общее”, т. к. общими словами выражено (здесь и далее выделения автора. – И. К.), не вашими, а “газетными”, всем известными – так может сказать любой.

А вы скажите так, как только можете сказать вы один. Ведь сказали же:

*Сливы в белой тарелке – потухшие угли,
И подернулась каждая сизой золой...*

(На полях этой и последующей цитаты восклицательные знаки и знаки «плюс». – И. К.).

Точно, ёмко, выразительно, поэтично – удивительные строчки! И так всё просто!.. Вот так и надо вам писать – просто и точно – и к этому стремиться.

Или вот это, пронзительное и обжигающее:

*Говорил: “Больше всех в целом свете опасен
Сам себе ты в цепях опустившихся рук!..”*

Я так много наставила вам “восклицательных плюсов” и просто “плюсов” – если хорошо, значит, хорошо.

Есть отдельные строчки в хороших стихах, которые “не то” (найдёте).

Я как-то душою чувствую ваши стихи – каждую строчку воспринимаю “обнажённой душой” – и поэтому понимаю их сразу и принимаю.

Мне понятна и ваша высокая тоска, и ваша огромная боль (правильно – всё по большому счёту, не опускаясь до мелкого мещанского нытья!), мне близок этот “трагический фон” – я сама такая и терпеть не могу клоунского бодрячества (потому что, к сожалению, в жизни больше трагического, нежели смешного по-настоящему).

Короче – вы на верном пути. И теперь самое время не торопясь, взвешивая и серьёзно работать, т. е. писать, “как бог на душу положит” (не насилая себя “газетчиной” – для меня это вроде ругательства). Сейчас важно – не мешать вам расти самостоятельно: расти, как дерево в лесу – всеми ветками в сторону солнышка. И пусть ничто вас не страшит – не “корнает”, пускай солнышко само формирует вашу крону. Если ваши корни прочно вошли в родную землю, то ничто ваших веток не исправит (я имею в виду то “направление души”, что ли, которое приемлемо в поэзии хорошей и искренней, без фальши и “булыжника”).

А темы? Их вам жизнь подсказывает и будет подсказывать – смотрите и думайте, читайте и думайте, молчите и думайте!..

Поэт – это ещё и философ, мыслитель (а не воробей, чирикающий бездумно своё “жив-жив!”).

И, конечно, надо оберегать вас, помогать вам расти – как солнце, воздух и вода помогают расти тому же дереву в лесу.

Посмотрите мои замечания (что к чему), прочитайте мои стихи (я к тому, чтобы вы знали “какова кума сама”), и если вы принимаете мою

помощь (т. е. если я в самом деле могу вам помогать), мои суждения и отношение к вашим стихам, я готова помогать вам. Если что-то “не подходит”, я не обижусь (пусть вас не смущает то, что у меня четыре книжки и я – член Союза писателей СССР) – можем быть друзьями на-равных (пусть я и старше по возрасту – не беда). Я искренне хочу вам помочь.

Я почти ничего не знаю о вас, или знаю – от ребят – очень мало. Но вот передо мной ваши стихи – и я знаю уже вашу душу, т. е. ваше лицо поэта. И оно мне нравится! Вот почему я “ввязалась” и “отняла” вас у П-ва³ (который уже поднял на вас нечто вроде “дубинки”).

Договоримся, что вы пишете мне тоже искренне; с чем не согласны по моим замечаниям, спорьте, объясняйте, что именно это вы хотели сказать, и именно так, а не иначе. Т. е. будем (письменно) беседовать о ваших стихах. (Трудно загадывать, но, возможно, ближе к лету я смогу приехать к вам, если будет нужно для дела, т. е. для стихов ваших).

А пока спокойно (без спешки, главное) работайте. Думаю, вы и сами понимаете, что лицо поэта определяет его образ мыслей (мышления) и те слова – свои слова! – которыми он выражает свои мысли. Вот и вся тайна личности поэта, т. е. его индивидуальности! И чем точнее и проще выражена мысль, тем талантливей поэт. Но до этой Святой Простоты (у Пушкина) очень нелегко дотянуться! (Некоторые не доходят совсем – ломают себе ноги на собственной вычурности и известных “шаблонах-красивостях” – берегитесь этих “пеньков и кочек”!).

Что читать? Да всё, к чему душа тянется, тех, кто ближе по духу, по складу души. (Только упаси вас бог учиться по тем стихам, которые печатает “Комсомолка” или “Литературная газета”, не говоря о нашей “Мар. правде”!..»). Скажу сразу: все современные поэты “на пустом месте” не выросли. Все они от НИХ, великих и бессмертных, начинались, как Волга начинается из родников своих. Идите и вы к НИМ, великим. Ибо лучше учиться у самого Мастера, нежели у пятидесятого его ученика. Советую – для полнейшего литературного образования – прочитать всё, начиная от “Слова о полку Игореве” и – по ступенькам – от имени к имени – вплоть до Маяковского и Есенина.

Да, вам может быть близок и Пастернак, и Блок, и Брюсов (у него мастерство, образы – почитайте, посмотрите, как он “это делает”!), постучитесь в двери и к Батюшкову, и к Тютчеву, и к Фету... Не бойтесь, отзовутся и что-нибудь хорошее вам скажут все они. Читая их всех, найдёте себя, свой голос – свою тропинку в Страну Поэзию. Не бойтесь их влияния – потом пройдёт “чужое”, а останется только своё.

Для литературной учёбы – “как делаются стихи” – выпишите пару журналов (они есть свободно в “союз-печати”): “Литературная учёба” и “Вопросы литературы” – и хватит. Много мыслей приносит чтение книг из жизни замечательных людей – особенно музыкантов, художников,

³ Панова Владимира, литературного консультанта, которому стихи Николая не понравились.

писателей – это тоже Школа литературной учёбы, которая помогает и писать, и жить.

Вот что я могу вам посоветовать пока. Николай, я хотела бы (на недолгое время) задержать ваши стихи у себя, чтобы некоторые из них перепечатать (попробую написать рецензию на них и, если выйдет, дать её и некоторые ваши стихи в “Молодой коммунист” – конечно, обещать трудно, но попытаюсь, – могут и не взять ни то, ни другое – у газет свои законы).

После Нового года вышлю всё (и то, что “отняла” у П-ва, тоже с пометками – но там чуть слабее в целом – вы выросли немножко, – здесь, что вы прислали в письме, это хорошо видно мне). Буду ждать новых стихов и письма ответного.

Желаю вам в Новом году всего самого доброго и светлого и – удач в поэзии! Верьте в себя, мужайтесь духом и работайте! С искренним приветом Нина Жибрик.

24/ХП-83

Вчера казалось, что сказала всё, что собиралась сказать вам. Но мысли и ещё пришли...

Хочу продолжить разговор.

Не бойтесь раскрываться в стихах до конца, не сковывайте своих чувств боязнью, что “не поймут”. Конст. Батюшков (учитель Пушкина) говорил: “Живи, как пишешь, и пиши, как живёшь”⁴. Я считаю это основной заповедью поэта. Ибо самое ценное в художнике – искренность. И неподражаемость. Ещё Кристоф Глюк (композитор, живший в Вене в нач. 18 века) говорил своим ученикам: “Простота, правда и естественность – вот три великих принципа прекрасного во всех произведениях искусства”. Но, как выразился В. Жуковский: “Талант – ничто. Главное: величие нравственное» (это он к Пушкину). Ибо “жизнь – постоянная отдача долгов: собою – за себя” (Эраст Маркин). Так и только так!

Не осуждайте за цитаты – великие скажут вам лучше всё то, что я хочу сказать вам.

Вот ещё: “Я далёк от мысли всё упрощать. Я стою на точке зрения, что литературы должны вскрывать самые глубинные противоречия жизни, что трагические, драматические моменты нашей жизни должны находить всестороннее выражение. Но не для того, чтобы сломать человека, а чтобы, потрясая души, подвигать человека на новые свершения” (Гр. Коновалов⁵). Ибо в жизни – всегда, во всем – происходит борьба

4 Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – поэт, прозаик, переводчик. Н. Ж. цитирует «Опыты в стихах и прозе» Батюшкова, главу «Нечто о поэте и поэзии», в которой автор призывает «сделать науку» из образа жизни поэта: «Первым правилом сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живёшь. <...> Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы». (Батюшков К. Н. Соч.: В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 41). Вероятнее всего, Н. Ж. здесь и далее цитирует не оригинальные труды авторов, а их высказывания по какому-то сборнику афоризмов.

5 Вероятно, Коновалов Григорий Иванович (1908–1987) – русский советский писатель. Одно из самых популярных произведений автора – роман «Истоки» (1959).

света и тьмы. И свет необходим. Пусть это и для вас будет путеводной нитью. И ещё: “Страдание обостряет талант” (Это Поль Гоген, франц. художник). А вот что говорит Джон Констэбл (англ. художник): “В искусстве я черпаю бесконечную радость...”

Думаю, вы меня понимаете, к чему я всё это...

И скажу неожиданное: не бойтесь любить! Даже неразделённая, безответная, безнадёжная любовь – радость и счастье высокое!.. Лучше уж “костёр”, нежели “ледниковая тьма” души. (В моих стихах – все мои убеждения да и жизнь души – и я этого не боюсь сказать). Почему я заговорила о любви? Потому что вижу по стихам – вы её боитесь... А к чему? Великие утверждают: “И море, и Гомер – всё движется любовью”⁶. Не бойтесь сказать вслух:

*“Я люблю – и светло, и отчаянно,
Отрешённо и высоко...
Алый парус мой неприкаянно
Бродит по морю далеко!...”⁷*

Вот что говорят психологи:

“В любящем человеке раскрывается всё, на что он способен: богатство души, интеллектуальные и эмоциональные способности, созидательные и деловые качества. Если человек лишён переживаний настоящей глубокой любви, то он может прожить жизнь и не проявить всех своих способностей”.

И, как пример, судьба поэта (переводчика стихов поэтов Австралии, Кубы, стихов Эдгара По) Эдуарда Гольдернесса⁸ (жившего в Тбилиси в послевоенные годы). Он умер и похоронен в Москве (в 1967 году). Он – наш современник. И судьба его схожа с вашей. О нём вы можете прочитать на стр. 247–311 (“Удар молнии”) в книге Евгений Бóгата “Что движет солнце и светила”⁹ (Изд. в Москве в 1981 году). Пусть ребята поищут в библиотеках для вас эту книгу, и вы её обязательно прочитайте! Эта книга о Красоте и Мужестве человеческой души. Она даст вам очень много материала для раздумий о жизни вообще, о жизни человеческой души...

Всем, сказанным выше, я хочу дать вам некое верное направление души – для творчества, вроде большака, по которому вам теперь и идти. Мне показалось (по вашим стихам), что именно этот большак вы интуитивно и ищете душою...

⁶ Цитируется стихотворение «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915) О. Э. Мандельштама (1891–1938).

⁷ Н. Ж. цитирует собственное стихотворение «Остановленное мгновение».

⁸ Гольдернесс Эдуард Робертович (около 1927 – около 1970) – поэт и переводчик поэзии, живший в Грузии. Инвалид детства. В ответном письме Николай писал: «“Удар молнии” впервые прочитал в 78-м, в мой самый счастливый период. Позже перечитывал дважды. Когда узнал, что повесть вышла среди себе подобных в книге Богата, попытался достать. Но в библиотеках её не было» (Н. Михеев – Н. Жибрик, 20 января 1984).

⁹ Богат Евгений. Что движет солнце и светила. М., 1978.

Может, все мои “высокие материи” покажутся вам смешными! – что ж, воля ваша... Только я – вполне искренне говорю всё это. Душа моя живёт именно этим. Это только “серое” (то, о чём есть в ваших строчках – я понимаю, о чём они – и всё же...) насмехается над теми, кто способен жить, чуть пристав на цыпочках, чтобы видеть то, что чуть выше его забора, выше леса – там, в глубокой дали... “Серое” – низменно, гнусно, да.

Не думайте, что я живу, как птица в раю... Далеко не так. Я прошла и через боль, и через горе, и через ужасы войны. Я видела её близко – глаза в глаза – все три года в немецкой оккупации... Я родилась и выросла в Белоруссии, под Минском (Катынь тоже под Минском).

И такие Катыни у нас – через одну деревню. Наша деревушка (в 50 домов, среди полей, лугов и болот) уцелела чудом. У нас, в Белоруссии, каждый четвёртый житель погиб. Я счастливая, оказалась в числе первых троих... (Семья была партизанская – досталось)... В школу пошла в 12 лет, когда нас в 44 освободили (война началась – мне было 8 лет). Родной язык белорусский (знаю украинский, понимаю польский и немецкий). По образованию я биолог (в Минске, в университете, изучала лекарственные растения, и продолжаю изучать их всю жизнь). Лет 10 работала химиком в НИИ, затем корреспондентом заводской газеты. Стихи писала с детства (с лет 15). В Марийскую республику с мужем приехала, лет 25 тому назад (мы из одной деревни с ним).

Троих детей вырастила. Всю жизнь работала. И со стихами немного запоздала вроде (в Союз писателей приняли в 50 лет, по этой “Лесной кринице”¹⁰, вышедшей весной этого года). Стихи мои – “полевые и лесные”, но я убеждена, что “от природы и через природу” можно сказать всё. Поэтому у меня “езде травы”... Занималась ещё корневой скульптурой (последние годы работала художником – на дому – делала из корней всевозможные диковинные штуковины. Но в январе сломала правую руку, и от этой работы пришлось отказаться на время: в гипсе мне руку почти умертвили (висела угроза лишиться её до локтя), едва за полгода по больницам удалось её спасти... Перо держит хорошо, но ещё стамеской не владею. Хотя писать и левой выучилась хорошо).

Говорю вам о себе для того, чтобы вы знали, кто я: как можно доверять душу человеку, о котором ничего не знаешь – так ведь? (О вас мне рассказали ваши стихи почти всё).

Теперь ещё о деле. Присылайте мне свои стихи (если считаете это нужным для вас). По мере того как они будут скапливаться (не по 2-3, а так, как на этот раз – виднее, как человек продвигается и что у него получается). Не знаю, как пишете вы, но я черкаю много (есть до 9–10 вариантов – на моём языке, это каждый листок со ст<ихотворе>нием исчеркан до черноты, что уже не понять, что там, и переписан набело – и так до 10 раз. 5-6-7-е варианты уже обычно более или менее удовлетворяют меня). Правлю себя безжалостно – и не за один присест: полежат

¹⁰ Жибрик Н. Лесная криница: Лирика. Йошкар-Ола, 1983.

– почеркаю. Ещё полежат – ещё по нему мусор подмету... (А он всё равно остаётся – аж в книжку попадает – вот беда!.. У себя плохо видно – как в пословице: в чужом глазу и соринку вижу, а у себя – и бревно не замечаю). Надо учиться быть себе и критиком, и судьёй – это важно. Иначе с места не сдвинешься, пока не подтолкнут. Одним словом, писать – очень тяжёлое занятие – легче брёвна таскать, пожалуй. И неудачи будут, и разочарования, и боль – на это потребуется вся жизнь без остатка – это всё равно что идти по горячим углям босыми ногами!.. (Боль приходит потом, когда увидишь, что получилось “не то”).

Так что – желаю вам больше радости, меньше боли от стихов!

Да, как повелось, каждый год бывает писательская “Литературная осень” у нас. Года три подряд вела семинар. Плохо, что стихи не присылают заранее: в один-два дня разве можно 10-15 авторам сказать что-то дельное, читая “бегом” их стихи, или, что ещё бесполезнее, слушая, как ребята, робея, читают их сами. Улавливается только общее впечатление. А конкретно, карандашом по строчкам, ничего сказать нельзя. И ребята свои “грехи” повторяют из года в год и не растут совсем – они не знают, что у них “не так”!

Имейте и вы это в виду. Где-то к концу августа – началу сентября присылайте мне (домой) переписанные (от руки, не беда – на тетрадке) стихи – всё, что сами считаете нужным. На семинаре буду говорить о них вслух – они того стоят.

А пока – плодотворно вам трудиться!

Как верну рукопись (так будем её называть), напишите, как вы замечания мои восприняли и т. д. И вообще, пишите всегда, когда вам захочется написать мне. Буду рада помочь, рада отозваться. (Для вас время я найду). И ещё – как восприняли всё то, что я вам тут, в письме, написала – мне знать это небезынтересно. Только откровенно, искренне, правдиво. На этом должна держаться и наша беседа, и наша дружба (назовём нашу переписку так). Повторяю: единственно, что я хочу – это помочь вам писать хорошие стихи – просто так, от души – поддержать живые ростки, не дав им зарости бурьяном.

К сему – Нина Жибрик».

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВ

ЗАКУСИ ГОРЕ ЛУКОВИЦЕЙ

Повесть

(Продолжение. Начало в № 4, 2012).

ОТЪЕЗД

Прошла неделя, и то, чем жила Зоя последние дни, потеряло свою остроту. Работа с её обычными мелкими неприятностями, дневной суетой, ночными дежурствами и отравляющим сознание однообразием как будто подчинила её. Однако одиночество, словно серебристый шар, всё разрасталось и разрасталось вокруг неё. Оно требовало заполнения этой пустоты. И девушка, буквально каждый божий день, стала прокручивать ролик своих цветных впечатлений от путешествия на юг. В этом невидимом для окружающих кино было всё: и задумчивые прогулки с Владимиром по санаторию, и обжигающие ласки спешащих навстречу зеленоватых волн, и задушевные беседы за чашечкой чая с тётей Машей, и опьяняющая близость Дениса.

Иногда Зоя пыталась представить его за работой, но из этого ничего не выходило. Фиолетовый пиджак Дениса, его малиновые и ярко-зелёные рубашки и футболки, переливчатые галстуки и светлые брюки как-то не вязались с рабочей обстановкой. Нет, как бы ей того ни хотелось, но этот парень дома не усидит, ни сейчас, ни после. Уж он-то знает, что такое успех у женщин. И это беспокоило Зою. Мысли о сказочном принце, как накрытые ловким сачком бабочки, встревожено бились вокруг приманившего их лазеревого цветка, называемого счастьем. Кстати, Денис взял её адрес и обещал вскоре написать. "Интересно, чем же он всё-таки занят?" – гадала Зоя.

У неё появилась привычка припоминать все интересные разговоры, в которых она участвовала за время поездки. Они как-то сами собой свились в связанную своими концами нить, на которой заблестели речные жемчужины, и Зоя, перебирая их, время от времени обнаруживала новые неожиданные нюансы сказанного кем-то из её собеседников. И это давало ей прекрасный повод для размышлений.

Николаев Валерий Владимирович родился в 1953 году в Ленинграде. Автор 2 книг. Член Союза писателей России. Живёт в Йошкар-Оле.

Встретить такого душевного и умного человека, как тётя Маша, – это редкая удача. Хорошо бы с ней ещё хоть раз и без утайки поговорить о жизни.

Зоя не могла не думать и о Владимире. Почти каждая встреча с ним удивляла её каким-нибудь маленьким открытием. Его внутренний мир оказался гораздо богаче её первоначального представления о нём. Она заметила, что Владимир хоть и перестал прятаться за створками отчуждения, но и не спешил чем-либо хвалиться, и только вопросы к нему вынуждали его рассказывать о себе. "Он, безусловно, интересный человек, – думала Зоя. – Хорошо бы иметь его среди своих друзей. И хотя нам удалось о многом побеседовать с ним, но всё ж ещё остались вопросы, которые хотелось бы задать ему".

Двадцатого августа в почтовом ящике Зоя наконец-то обнаружила тоненькое измятое письмо. Однако оно было не от Дениса, а от бабушкиной соседки Дарьи Моховой. Новости были удручающие: бабушка Анфиса занемогла, и соседка просила мать девушки поскорее приехать в Ольховку и поухаживать за ней. И ещё приписала: "Поспешите навестить её, чтобы потом ни о чем не жалеть, да и меня не виноватить".

Зоя предвидела реакцию матери и, тем не менее, позвонила ей. Сообщила о содержании письма и спросила её, что она намерена делать. Мать со свойственной ей прямоотой ответила дочери:

– Что ты от меня хочешь? Чтобы я выбросила на ветер кучу денег, а потом неизвестно сколько торчала в Ольховке и, в конце концов, потеряла работу? А что если, как только я уеду, мама умрёт? Кто меня тогда на похороны отпустит? И что обо мне подумают люди?

– А что подумают о тебе твои мать и дочь, – вырвалось у Зои, – это тебя уже не волнует? Ты подаёшь мне дурной пример.

– Ты уж больно правильная! Сама-то когда у бабки своей была? А письма как часто ей пишешь? Я, может, и плохая, но тебя родила, и муж у меня есть. А теперь, моя умница, скажи, где твоя семья? Что ты в своей жизни вообще успела? Разве что на несколько юбок заработать?

Зоя не знала, что и возразить ей. Телефонная трубка едва не выскользнула из её мокрой ладони. Мать, как всегда, поставила дочь на место.

– Ладно, дочка, пустой это разговор. Ты там ближе, вот и навести бабушку и, в самом крайнем случае, дай мне телеграмму. Договорились?

– Хорошо, – обречённо вздохнула она.

Трубку положили. "И зачем только я позвонила ей? – подсадила Зоя. – Что с нами такое? Мы окончательно перестали понимать друг друга. Если я не выйду замуж и не уберусь из её дома, ох, и тесно же нам будет жить вместе. Почему же Денис не пишет?"

На следующий день, придя на работу, Зоя тщательно изучила график дежурств и отправилась к заведующему. Выслушав её, он сказал:

– Ох, и время же неудачное: сезон отпусков как-никак, и ситуация, Зоя Николаевна, скажу вам честно, почти безнадежная.

– Почти?

– Да, почти. Где ваша Ольховка находится?

– Недалеко от Волгограда.

– Хм. Ну, это меняет дело. Видите ли, голубушка, вчера наше серьезное начальство получило распоряжение: подобрать медработника для отправки в командировку, конечная цель которой – Волгоград. Думаю, этим грех не воспользоваться. Обсудим?

– Обязательно, Николай Иванович. Для меня это очень важно.

– Хорошо, тогда ввожу в курс дела. Предписано сопроводить инвалида войны из санатория...

– Некрасова? – перебила она его.

– Да, Зоя Николаевна, вашего бывшего подопечного.

– Вот не ожидала. Значит, он ещё там... и его нужно сопроводить в Волгоград?

– Верно. В одном из районов области принимается в эксплуатацию что-то вроде пансионата для ветеранов. Там сейчас полный аврал. И, естественно, не хватает рук. Наша задача: доставить этого капитана в областной Дом ветеранов и передать его вместе с сопроводительными документами им, а уж они потом сами доставят его на место. Ну как, Зоя Николаевна, сможете убить двух зайцев? Если вы в состоянии решить обе проблемы, то я похлопочу за вас.

– А к какому числу нужно его доставить?

– В распоряжении указано: в период с третьего по пятое, но, думаю, это не принципиально. Ну, как? Решайтесь, нужно спешить, пока не отдали приказом кого-нибудь другого.

– Мне это по пути, я согласна. Думаю, справлюсь.

– Вот и прекрасно. Пойду договариваться с главным; надо ещё и подмену тебе выпросить.

К обеду Зоя уже прошла инструктаж, получила командировочные деньги и предписание и пошла готовиться к отъезду. Вот тут-то у неё и возник главный вопрос – куда ехать в первую очередь: в Ольховку или в санаторий? Если сначала поедет к бабушке, может случиться так, что обстоятельства не позволят ей вовремя уехать от неё, и тогда она ничего не успеет и многих подведёт. Если же начнёт с санатория, то сможет увидеться с Денисом и тётей Машей, а также забрать и сопроводить Владимира. При острой необходимости она тотчас выедет с ним в Волгоград и, освободившись, поспешит в Ольховку. На том и порешила.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Принять решение было не легче, чем собраться и преодолеть около тысячи километров. Дома все приметы осени налицо, а здесь – ни намёка на неё, по-прежнему царствует лето. Зоя чуть ли не вприпрыжку шагала к знакомому домику, а внутри неё звучала мелодия беспечной песенки: "Я твердила о морях и кораллах..."

Тётя Маша, сидя за столом под яблоней, что-то писала. Зоя толкнула калитку. Та, мягко увязнув в траве и, не издав при этом ни звука, распахнулась непривычно легко, во всю ширь. Девушка шагнула во двор, хозяйка подняла голову.

– Зоенька! Вот так сюрприз! – Она встала и пошла гостье навстречу.

– Здравствуйте, тётя Маша. Я так рада вас видеть. – Они обнялись.

– Здравствуй, дорогая. Неужели отпустили догуливать?

– Да уж скорее в погоню отправили за тремя зайцами, чем в отпуск.

– Ну, тогда, детка, дело твоё почти безнадёжное.

– Что вы, тёть Маша, не дай Бог! Если не удастся отдохнуть – не беда.

Но уж других неудач не переживу: ведь я должна проводить Володю до Волгограда и дома непременно застать свою бабушку живой.

– Бедная девочка! В этот раз тебе выпала невесёлая миссия. Ну что ж, всё это жизнь.

Хозяйка, ласково коснувшись её плеча, усадила её за стол.

– У меня в термосочке чай на травках. Обожди минутку.

Шагнула через порожек кухни, зазвякала посудой.

Чай пили с лимоном, конфетами, ели бутерброды с сыром.

– Володю жалко... таких парней, как он, я уже лет двадцать не встречала.

Зоя с изумлением посмотрела на хозяйку. Та усмехнулась.

– Да-да, Зоенька. Мы продолжаем общаться: то я его навещаю, то он меня.

– Приятно слышать. Ведь я тогда хотела попросить вас об этом, да не решилась.

– Ты познакомила нас и довольно.

– Тёть Маша, вы тоже считаете его интересным человеком?

– Весьма. Он своеобразен, и как я поняла, деятелен и упрям. И ещё, по некоторым признакам, смел и решителен. В нём всего в меру: и воспитания, и интеллекта. И самое важное: он не пустоцвет, а личность.

– Я это тоже чувствую, но не совсем понимаю – всё-таки он детдомовский.

– Да, Зоенька, для воспитанника детдома это нетипично. Тут, вероятно, гены сработали. У него ведь тоже были родители и, видимо, не глупые. А жизнь, как он сам считает, – способ передачи опыта будущим поколениям. Вот тебе и весь ответ.

– Да, он любит пофилософствовать, – отметила Зоя.

– Согласна. Ты не поверишь, но я заслушиваюсь им, как первокурсница... Мне будет не хватать его.

– Я верю вам, потому что и сама частенько опираюсь на его слова. Тётя Маша, а обо мне он вспоминал?

– Миленькая моя, даже не сомневайся! Ведь ты в его глазах – воплощение всех достоинств. У нас не было ни одной встречи, чтобы мы не говорили о тебе.

– Вы преувеличиваете.

– Ничуть. Кстати, вчера он был у меня, заезжал попрощаться и, представь себе, оставил для тебя письмо.

– Тётъ Маша, вы шутите?

– Нет, моя дорогая. Если хочешь, убедись: оно на книжном шкафу лежит.

– Так вы не хотите мне отдать его?

– Зоенька, я не знаю, что в нём, но когда Володя оставлял мне конверт, он сказал: "Это написано для Зои. Если лет через пять-семь она взглянет к вам, отдайте. Надеюсь, оно кое о чём ей напомнит".

– Что ж, может, это и к лучшему, – ответила девушка. – Тогда через пять лет я забегу за ним.

Хозяйка улыбнулась.

– Вот и славно. Буду ждать. А пока располагайся.

– Спасибо. – Зоя взглянула на часы. – Уже полпятого. Тётъ Маша, вы не обидитесь, если я сейчас возьму книжку и сбегу на пляж. А вечером, как и прежде, за чашечкой чая мы обо всём поговорим с вами. Ну а дела я оставлю на завтра.

– Иди-иди, Зоенька. Понезжиться на солнышке – самое время.

Переодеваясь, девушка вспомнила о подарке. Со дна сумки она достала "Энциклопедию по кулинарии", отдала её хозяйке и выскочила за калитку.

Зоино место было не занято. Накупавшись, она добралась до топчана, улеглась на живот и раскрыла "Клеопатру" Хаггарда. Легко читаемая в иной обстановке книга, не увлекала. Захлопнув её и положив подбородок на руки, Зоя стала смотреть на улицу, по которой обычно приходил Денис. Из третьего по левую руку дома вышла молодая круглолицая женщина. Рядом с ней старательно косолапил голенький пухлощёкий малыш. На его кудрявой головке, придавая ему сходство с неким экзотическим фруктом, красовалась зелёная, чуть ли не кукольная, кепочка. Его матери не более двадцати пяти. Воздушные медно-золотистые волосы, румянец, проступающий сквозь ровный матовый загар, добрые счастливые глаза. Она красива, и с этим не поспоришь. Женщина, высоко подняв голову, кого-то высматривала на берегу, а мальчик просто вертел головой.

Они шли прямо на неё. И тут Зое захотелось поозоровать. Чтобы привлечь внимание мальчишки, она демонстративно сняла очки. Он это заме-

тил. Тогда она "сделала ему глазки" и "страстный поцелуйчик". Малыш, последние шажки не сводивший с неё глаз, вдруг отпустил палец матери, встал перед девушкой на четвереньки и полез целоваться. Зоя чмокнула его в нежные, как граммофончик вьюнка, губки и рассмеялась.

Его мать остановилась и тоже засмеялась.

– Борька, ты, что творишь, а? И это-то в полтора года. Что же я с тобой дальше буду делать? – И уже Зое: – Да, генетика – опасная вещь. Такого с ним ещё не бывало.

Кончиками пальцев Зоя коснулась его кудряшек, провела по розовой щёчке.

– Какой милый малыш.

Мать взяла его за руку.

– Если он уродился в Дениску, то ой-ёй-ёй! Намучаюсь я с ним, – покачала она головой.

Зоя привстала.

– А кто такой Дениска?

Женщина усмехнулась.

– Есть тут один... известный человек... с редкой профессией.

– Он ваш муж? – чуть поспешнее, чем следовало, спросила девушка.

– Слава Богу, не мой. Другая дура с ним мучается.

Женщина внезапно всмотрелась в её лицо.

– О-о! Так это никак вы подпортили ему репутацию?

– Я?!

– Ну да. Ведь это же вы отдыхали у нас недавно. Правильно?

– Да, я была здесь, в июне...

Уже предчувствуя нечто дурное, Зоя уточнила:

– Вы говорите о Солошенко?

– Ну да, о нём, горемычном.

– Извините, чем же я могла скомпрометировать его?

– Не поверите – своей беспримерной стойкостью, – хохотнула она. – Вы первая из его подруг, кого он так и не сумел соблазнить.

– О чём это вы? То, что было между нами, можем знать только мы одни.

– Да у нас, девушка, добрые вести не лежат на месте, впрочем, как и худые. Так что знают все, кому это интересно.

– Но от кого?

– Да от него же и знают, от Дениски. Он ведь, сердечный, переживает. Хотя, истины ради, после неудачи с вами он уже реабилитировался, причём дважды.

Зоя взволнованно села, неприязненно, чуть ли не враждебно взглянула на женщину.

– Понимаю, – сказала та, – сама такая была: доверчивая, как овца. Но свой паспорт Дениска вам не покажет, это я гарантирую. Зинка его ещё жива, в районке лежит.

– У него что, и дети есть? – подавленно спросила Зоя.

– В его семье нет. А вообще есть. В семьях отдыхающих я уже замечала его ребятишек – у меня глаз острый, – славные малыши. Да и Борька – парень хоть куда. Так что, если хотите ребёночка от Дениски, то в лучшем виде получится. Ну а во всём остальном полагаться на него не советую. Его миссия – нести людям праздник, улучшать род человеческий, а с пелёнками возиться – это, поверьте, не для него.

– Я уже поняла.

– Ну и ладно. Мы, пожалуй, пойдём. Прощайте.

– Прощайте.

Обида обезволила девушку. Она, пряча глаза, поспешно сдала свой топчан и кружным путём направилась к дому тёти Маши.

Значит, всё ложь?.. А я-то уже начала надеяться, что моё затянувшееся одиночество вот-вот закончится. За какие-то два месяца в своих упоительных мечтах я создала целый мир, в котором мы с Денисом всё делаем вместе: путешествуем, работаем, отдыхаем, покупаем новые вещи, находим себе друзей, растим своих детей; все вместе ходим на пикники или просто купаться, рыбачить...

И вот этот мир, вдохновенно возводимый мною, рассыпался. Господи, как же мне его жалко! За что я так наказана? Разве мало я ждала своего счастья?

А Денис... Бросить в беде близкого, хоть и нелюбимого человека, как это подло. К тому же, он уже дважды утешился. Каково? Ещё каких-то тридцать минут назад я была уверена, что смогу простить ему любой грех. Но нет. Видно я к этому не готова. Так что же такое любовь – прекрасная иллюзия, призрак счастья, раз при одном холодном прикосновении к ней она так стремительно исчезает. И не бесследно. В душе остаётся что-то противное, что отравляет мысли, убивает мечты.

Зоя шла и вспоминала недавние встречи с Денисом. Вероятно, ей повезло, что его философские сентенции иногда раздражали её. Если бы не это, всё могло быть гораздо хуже. Придя на квартиру, она тут же завалилась в постель. Лежала и копалась в своей судьбе. Почему именно ей так фатально не везёт? В чём же она виновата?

Спустя полчаса появилась тётя Маша.

– Ты что же это, девонька, никак заболела? – всполошилась она. Села на край кровати, приложила руку ко лбу Зои. Пристально посмотрела на неё.

Та отрицательно мотнула головой.

– А что же тогда такая скучная? Что-нибудь случилось?

– Устала, наверно, – равнодушно ответила Зоя.

– Да нет, голубка, что-то ты скрываешь от меня. Уж не наши ли парни тебя обидели? А то есть тут у нас парочка донжуанов, от этих лучше держаться подальше.

Заметив её внимание, продолжила:

– Один – коренастый с длинными пшеничными волосами и татуировкой на груди: "Ай лав ю". – Это Саня Титов. Он понахальней второго, попроще, и главное – холостой. Другой – Дениска Солошенко: статный, чернявый, волосы – что крупный каракуль. Влюблённый в себя Нарцисс с замашками аристократа. У него жена от рака умирает, а этому самцу и горя нет: знай себе амурничает. Бабы смеются: говорят, что наши парни обольщают девчонок по графику: штука в неделю. И у каждого свои методы, свой контингент. Эти прохвосты и вздоха твоего не стоят. Так что, если кто из них цепляется, не деликатничай. Или тебя что-то другое тревожит? А то Расскажи мне, девочка, – с нежностью погладила она её голову, – полегчает.

Зоя было стыдно признаться, что из-за своей скрытности она попала в такую нелепую ситуацию.

– Мне уже легче, спасибо. – Девушка поднялась и села на кровать. – Тётя Маша, как, по-вашему, у каждого должна быть любовь?

– Любовь?.. – задумалась она. – Я думаю... любовь – это удача, может быть, самая большая удача в жизни. Ведь человек приходит в этот мир, чтобы воспитать свою душу, а любовь почти всегда облагораживает и возвышает её.

– А если влюбишься в какого-нибудь лживого, недостойного человека?

– Отсюда, милая моя, и все трагедии. Нельзя давать воли чувствам, пока не узнаешь, чем дышит этот человек, что любит, о чём мечтает. Ты сначала загляни в тайники его души, а уж потом решай: сможешь ли ты с ним быть счастливой или нет.

– Как у вас всё просто: если подходит по всем статьям – влюбляйся. А что, если не успеешь и понять кто он, а уже тянет к нему, словно мушку на огонь?

– Так это, милая, не любовь. Это – желание, чистая физиология. Сейчас сплошь и рядом животную страсть отождествляют с любовью, и разобраться в этом, ой как нелегко. Но поверь мне, различие между ними преогромно.

Зоя понурила голову.

– Так в чём же оно?

– Видишь ли, со своим избранником тебе предстоит делить не только постель, но и радость, и горе, и досуг, и заботу. А на это не каждый человек способен. Поэтому его должны желать и душа, и рассудок, и тело. Если не будет этого – не будет и счастья. А тех, кто идёт на поводу у похоти, ждёт неизбежное разочарование. Любовь – это благословение ангела. Она обязательно должна коснуться души. Запомни это, милая.

– Я все поняла, тётя Маша.

– Ну и хватит об этом. Зоенька, а не сходить ли нам сейчас за арбузами?

– Да. Пожалуй, это повеселей будет, чем валяться в постели.

В торговой палатке они выбрали два арбуза: один невероятных размеров, а другой – средний. Втиснули их в сетки-самовязки и пошли домой.

Солнце, добросовестно отработав свой бесконечный летний день, полезло в море. И вода, и воздух вокруг него раскалились докрасна. Боже, как же это красиво.

Утром, провожая Зою в санаторий, хозяйка подала ей пакет с виноградом.

– Володе от меня привет. Да, представляю его реакцию на твоё появление, – улыбнулась она. – Ну, с Богом.

Вблизи ворот Некрасова не оказалось, на террасе тоже. Обходя уже третий корпус, слева от себя Зоя увидела великолепный клумбовый ансамбль. И планировка, и цветовая гамма удивляли своей оригинальностью. Это царство цветов одним своим краем примыкало к дороге, по которой шла она, а противоположным – к тротуару, проложенному вдоль корпуса. Поперечными же границами ему служили ряды декоративного кустарника.

В их тени на дальней дорожке Зоя и увидела читающего колясочника. Он сидел спиной к дороге, но все равно у неё появилась уверенность, что это – Некрасов. Она стала думать, как подойдёт к нему, что скажет; гадать, как он поведёт себя. Хотелось, чтобы обрадовался.

И тут её обгоняет зелёная в серебристый дождик иномарка, и останавливается как раз напротив его коляски. Распахивается задняя дверца, и выскакивает из машины девочка в лиловом сарафанчике. В руках у неё что-то похожее на фотоаппарат. Она стремглав бежит к колясочнику, оббегает его и бросается к нему на шею. Он тоже обнимает её, гладит.

Передние дверцы автомобиля приоткрываются.

"Нет, это не Владимир, – решает Зоя. – Ведь у него никого нет. Очевидно, это отец девочки. А где же тогда её мать?" Девушка, невольно замедляя шаг, смотрит на сидящих в салоне людей. "Кто они ему? Почему не хотят выйти из машины?" Подойдя ближе, Зоя слышит чудную, полную безысходной тоски мелодию, мгновением позже на её фоне неразборчивое бормотание мужчины и тут же сказанную резким тоном фразу женщины: "Вот же, дурочка влюбчивая, меня так не обнимает".

Пройдя мимо автомобиля, Зоя решила: "Видимо, в разводе. А дочка жалеет его. Вот ведь судьба".

У одной из скамеек она заметила приятеля Некрасова. Он узнал её, заулыбался, поздоровался.

– Не Володю, случайно, ищите?

– Да. Не подскажите, где он?

– Вы где-то разминулись с ним. Минут двадцать назад я оставил его возле клумбы. Он любит там бывать.

– У него всё в порядке?

– Всё. Только одичал он без вас: что-то читает целыми днями, пишет. И всё один.

– Спасибо. Рада была увидеть вас.

Он удовлетворённо кивнул. И Зоя отправилась в обратный путь. Невдалеке мелькнул лиловый сарафанчик, лязгнули дверцы. И мимо неё прошуршало весеннее авто, из окна которого смотрели вдаль не детские серьёзные глаза девочки.

Зоя свернула на поперечную дорожку, подумала: "Спрошу у мужчины, может быть, он видел Володю".

– Извините, – начала она и осеклась.

Это был Некрасов.

Он с задумчивой грустью глядел в книгу и не сразу отреагировал на её присутствие. За последние два месяца Владимир заметно посвежел, отрастил усы, бачки. От землистого оттенка на его лице не осталось и следа. Некрасов ошеломлённо вскинул глаза.

– Зоя?

– Она самая. Здравствуй, Володя.

– Здравствуй. Буквально три секунды назад я подумал о тебе. И вдруг – ты. Вот неожиданность.

– А почему ты вспомнил обо мне?

– Только что прибежала ко мне проститься моя юная знакомая. Однажды мы невзначай встретились и так привязались друг к другу, что сейчас физически ощущаю её потерю.

– Я мельком видела эту девочку. Ей лет четырнадцать?

– Пятнадцать. Мечтает работать корреспондентом. Ох, и хватка у неё! За две недели как бы непреднамеренно выпотрошила из меня всю подноготную, – улыбнулся он.

– И что же, мы с нею так похожи?

– Нет. Но осталось то же чувство потери.

– Мне показалось, девочка очень переживает.

– Детские драмы – обычное дело. Сколько их ещё у неё будет?

Внезапно раздался негромкий пластмассовый щелчок. Владимир с некоторым удивлением скосил глаза на чёрный предмет, лежащий в его нагрудном кармане, и улыбнулся.

– Из Веруни определённо получится хороший журналист.

– Так это что – её диктофон?

– Её. И отметь: она подарила его мне включённым.

– Хороший подарок, – заметила Зоя, – и не дешёвый для школьницы.

– Да, подарок редкий. Такая вещь нынче стоит около ста двадцати тысяч рублей, – никак не привыкну к этим сумасшедшим деньгам. Но так уж получилось, что я, зная её мечту, тоже приобрёл для неё дикто-

фон, чуть получше. И она тут же, не упуская случая, включила его на запись. – Владимир непроизвольно вздохнул. – Да, она – чудный ребёнок. Не поверишь, но именно её доверие разительным образом изменило моё отношение к жизни.

– Я очень рада за тебя. Ну что, погуляем?

– Буду счастлив, – ответил он.

В этот раз они разгуливали особенно долго. Говорили вроде бы о вещах отвлечённых, но каждое слово каким-то немислимым образом влияло на психическое состояние девушки. Она почувствовала себя значительно лучше. У неё даже появилось ощущение беззаботной лёгкости. Зоя шла и думала: "А ведь та девочка пусть и по-детски, но любит Некрасова. И тётя Маша обожает его. Они обе находят в нём нечто интересное для себя. Это приятно".

РАЗРЫВ

Засыпая под стрекотание кузнечиков, Зоя рассеянно думала о том, что к встрече с Денисом она ещё не готова: не перепсиховала, а хотелось бы выглядеть спокойной. И этот короткий роман закончить как можно достойней.

С утра пораньше она с тётей Машей работала в саду. Они срывали яблоки и остатки груш. Позже занимались подготовкой плодов к варке варенья и компотов.

К одиннадцати Зоя освободилась, привела себя в порядок, взяла арбуз, немного фруктов и направилась в санаторий. Выйдя из калитки и пройдя десяток шагов, она вдруг увидела Дениса, сидевшего на скамейке у соседнего дома. В животе у неё похолодело, в ногах появилась усталость. Он был всё так же обворожителен и ярок: в розовой борцовской майке, жёлтых шортах и стильных очках. "А вот и великий соблазнитель, – мелькнула у неё едкая мысль. – Ну, уж нет. В этот раз его чарам я не поддамся".

Денис резво поднялся и, улыбаясь, пошёл Зое навстречу.

– Доброе утро, мадам, – попытался он её поцеловать.

– Доброе, – уклонилась она от поцелуя.

– Я сегодня прохожу мимо и вдруг слышу в саду твой голос, думаю: галлюцинации. Прислушался... – нет, сущая явь. Ты сегодня приехала?

– Позавчера.

Денис удивлённо отшатнулся.

– Позавчера? Чем же провинилось наше побережье? Или что-то случилось?

Зоя куснула губу. "А что, если он и в самом деле всерьёз любит меня?"

– Зайка, объясни мне, что же всё-таки изменилось за эти два месяца?

– Настроение.

– Извини, конечно, что не писал... Но я о тебе думал. Честно.

– Только обо мне?

– Ну, разумеется, не только. Я всё-таки журналист. У меня множество творческих контактов. И с этим ничего не поделаешь, можно только смириться.

– Категоричное условие, – заметила Зоя.

– Ну, извини. Такова реальность, издержки профессии, так сказать.

– Да, серьёзный аргумент.

– Так почему ты не купаешься?

– Вчера была. А сегодня тётя Маше в саду помогала. Сейчас вот, – кивнула она на сумку, – иду в санаторий друга навестить.

– Нового друга или всё того же? – с ехидцей спросил он.

– Некрасова.

– Так тебя, что же, к нему навечно прикомандировали? – съязвил Денис.

Желая позлить его, Зоя ответила:

– Пока не знаю.

Тот ошеломлённо взглянул на неё, но тотчас овладел собой.

– Кто б меня навестил с такой сумкой продуктов. Уж как бы я был ему рад.

– Я думаю, тебе это ни к чему. Сад у тебя есть, деньги, связи, море в двух шагах. Так что не прибежняйся.

– Ладно-ладно, – примиряюще сказал он. И протянул руку к сумке. – Позволь тебя проводить?

Не проронив и слова, Зоя отдала ему сумку. По его лицу было видно, что он усиленно пытается понять причину столь решительной перемены её отношения к нему. Не желая разговора на эту тему, она стала задавать Денису ничего не значащие для неё вопросы. Большой ли у него дом? Сколько в нём комнат? Какие в его саду деревья, ягоды? Дружит ли он с соседями? По ответам чувствовалось, что он окончательно сбит с толку. Подойдя к воротам санатория, она, не останавливаясь, пошла дальше. Денис молча последовал за ней.

Владимир, видимо, давно ожидал её. Его коляска стояла в густой тени декоративного кустарника у первой же на центральной аллее скамейки. Её великолепный эскорт он воспринял без особого воодушевления.

Зоя подошла к Некрасову, и взглядом призывая его к заговору, тепло улыбнулась и протянула ему руку.

– Здравствуй, Володя. Извини, не могла раньше.

Он с особым изяществом взял её руку за пальцы, поднёс к губам и, кольнув короткими усиками, бережно поцеловал её.

– Здравствуй, Зоя. Я очень рад видеть тебя. И вас, – кивнул он Денису.

Тот, демонстрируя взаимное радушие, осклабился. Зоя взяла у него

сумку, вынула пакет с фруктами.

– Это тебе привет от тёти Маши. – Она сунула пакет в дорожный карман коляски. – А вот этот арбуз предлагаю съесть прямо сейчас. Не против? – посмотрела она на парней.

Те согласились. И все они в поисках укромного местечка отправились вглубь парка. Первая же убегающая от аллеи тропка привела их на уютную полянку с двумя составленными буквой "г" скамьями. На одну из них постелили газету. Денис точными быстрыми движениями мастерски разрезал арбуз на розовые искрящиеся доли. Все взяли по одной. Дольки арбуза таили в себе не только красоту, но и глубокую свежесть. Какое-то время молодые люди молча наслаждались вкусом. Вероятно, пытаясь наладить хоть какое-то общение, Денис кивнул на книгу, прижатую корешком вверх к боковой стенке сиденья.

– По-прежнему читаете?

– Да, – ответил Володя. – Хорошее средство от депрессии. Кстати, здесь, на юге я особенно пристрастился к чтению.

– А что за книга?

– "Кутузов" Раковского.

– Любите читать о войне?

– Я бы не сказал. Этот роман, скорей, исторический. И та война не похожа на современную.

– Если бы не ранение, вы бы ещё служили в армии?

– Конечно.

– На войне, наверное, стрелять интересней, чем в тире?

Владимир поморщился.

– Денис, вам ведь не десять лет... Я бы не хотел повторять банальности, но всё же напомним: война – не развлечение, а беда, причём и для победителей и для побеждённых.

– С этим не спору. Но всё же она – естественное продолжение политики. Разве не так?

– Я думаю, мирное решение проблем куда естественней. А война – демонстрация человеческой глупости и бессилия политиков. И ничего более.

– Но я знаю, что в горячие точки многие даже просятся.

– Не утрируйте. Тех, кто старается не попасть туда, значительно больше.

– Но ведь были же добровольцы! Я это сам видел по телевизору, – с неуместной горячностью заявил Денис.

– В чём вы меня хотите убедить, что на войне хорошо?! Так это, извините, полная чушь. А любителей приключений там не больше одного на сотню. Да и те после первых же боевых потерь становятся серьёзней.

– Если вы все относитесь к войне серьёзно, почему же тогда армия так бездарно воюет?

– Потому что она вынуждена не только исправлять ошибки полити-

ков, но и подчиняться, опять же, их непродуманным решениям. Кстати, у Кутузова были те же проблемы.

– А я думаю, дело в другом, – настаивал Денис. – Хотите, скажу?

– Ну, попробуйте.

– Дело в том, что армия стала неуправляемой. Офицеры – пьяницы и психопаты, а солдаты – дети, отловленные из песочниц. На что она вообще годится?!

Зоя с Владимиром переглянулись. Стало очевидным, что Денис заговаривает ссору. Она попыталась урезонить его.

– Денис, тебе не кажется...

– Зоя, мне важно знать, что думает по этому поводу бывший офицер, – запальчиво перебил он её.

Глаза Дениса были холодны, как серая декабрьская галька. Что его могло так взвинтить? Девушка растерянно посмотрела на Владимира, и тут заметила у него на шнурочке подаренный ею камешек. Вот оно что. Ревность причина его нападок. Ну-ну.

Вместо ответа Владимир спросил:

– Денис, а вы сами-то в каких войсках служили?

Тот с плохо скрываемой неприязнью процедил:

– Я в армии не служил. По здоровью не прошёл.

– Хм. А физические данные у вас – дай Бог каждому: торс, бицепсы, рост.

– Что вы меня нахваливаете, как жеребца перед забегом, – вспылил Денис. – Намеряете, что я уклонился от призыва?

Владимир выдержал паузу и спокойно сказал:

– Так вот, насчёт армии... Она далека от идеала, это правда. И у наших офицеров нервы не самые крепкие, согласен. Когда семья не устроена, не обеспечена всем необходимым, благодушествовать может только кретин.

– Вы, может быть, и кутежи их оправдаете?

– Чепуха. Пьют они не больше других. К слову, от пьянства вся страна не просыхает. И там, где встают станки, открываются спиртзаводы. Вероятно, это чиновникам на руку. Управлять виноватым населением куда проще.

– А вы не уходите от ответа.

– И в мыслях нет. Мне тоже не по душе видеть в зоне боевых действий дистрофиков с шестиклассным образованием. Но что же делать, если такие патриоты, как вы, не в состоянии исполнить свой долг перед страной?

Лицо Дениса посерело.

– Я смотрю на вас и думаю, – голос у него стал нервно подрагивать, – во всём этом позоре вы готовы обвинить всех, кроме себя.

Володя усмехнулся.

– Чует кошка, чьё мясо съела. Вы почти угадали. В дискредитации армии виноваты многие и, прежде всего – журналисты.

– Ну вот, я же говорил! – возмутился Денис.

Арбуз к этому времени доели. И Зоя убрала корки и размякшую газету в пакет. Девушка вопросительно взглянула на Владимира. В ответ он чуть заметно кивнул и стал вырывать на аллею. Денис не унимался.

– Наша-то в чём вина? Мы были всего лишь вашим зеркалом.

– Да. Но кривым зеркалом. Иначе в нём были бы видны и успехи армии.

– Да их просто не было у вас! – вскричал Денис.

Злобное выражение разительным образом изменило его лицо. Удивительно, но Владимир и сейчас остался спокойным.

– Откуда вам знать об этом? Чтобы судить об армии, для начала надо побывать в ней. А вы не только пороха, даже солдатских портянок не нюхали.

– Мне это ни к чему. Я и так могу добыть нужную мне информацию.

– Я уже понял. Вы из той категории журналистов, которые, узнав у штабного ефрейтора о предстоящей операции, своим преждевременным трёпом предупреждают бандитов и тем самым подставляют наших ребят под пули.

– Я никого не подставлял. И не надо безосновательно обвинять меня в этом. К слову, хранить секреты – это ваша обязанность, а наша – находить источники информации и оперативно использовать их.

– Верно. Но нельзя же не думать и о последствиях своих сенсаций. Ведь ваши нелепые домыслы и прогнозы влияют не только на рейтинги печатных изданий, но и на результат боевых столкновений.

– Знаете, быть свидетелем важных событий и не воспользоваться этим – для журналиста непозволительная роскошь.

– Понятно. Значит, по-вашему, нагнетать в обществе психоз, а частую и провоцировать бандитов – это нормально?

– Горячие новости всегда кого-то обжигают, – ответил Денис.

Некрасов в упор посмотрел на него.

– Не там вы их добываете. Они должны обжигать врагов, а не своих. Наши ребята говорят: есть журналисты, а есть пираньи. Судя по всему, вы из их стаи, и мне это неприятно.

Дениса передёрнуло.

– Я рад, что мы всё выяснили. В свою очередь хочу сообщить вам, что вы мне тоже не очень симпатичны. На этом и прощаюсь, – он сделал энергичный полупоклон. И, уже обращаясь к Зое, бросил: – Я подожду у ворот.

– Хорошо, – ответила она.

Владимир с усмешкой посмотрел вслед Денису.

– Не разговор получился, а склока. Ведь из-за таких наши ребята

в засады попадают. Ты уж извини, Зоя. Но своими вопросами он меня сегодня раззадорил.

– Ничего, зато мы кое-что новое узнали друг о друге.

– Это да. Однако всё равно неловко. А ты о чём думаешь?

– А я почему-то вспомнила нашу давнишнюю беседу о литературе. Ты меня тогда удивил, когда прочитал стихи именно Бунина, а не чьи-либо другие.

– Что же тут удивительного?

– А то, что накануне той встречи я тоже читала Бунина и, затеяв разговор, собиралась поделиться впечатлениями именно о его стихах. Что это, случайное совпадение? Или ты прочитал мои мысли?

– Ну что ты, Зоенька, у меня никогда не было сверхъестественных способностей. Может быть, лептонная почта сработала?

– Это что ещё за почта такая?

– Общение на уровне элементарных частиц, – улыбнулся Владимир, – когда оба настроены на одну волну.

Погоуляв ещё минут пятнадцать, молодые люди расстались.

Денис ожидал Зою на скамье у ворот. Девушка присела рядом.

– Наговорились? – с раздражением спросил он.

– Да, – односложно ответила она.

Он покосился на неё.

– Сердишься? Извини. Что-то нервы сегодня на взводе.

– Денис, а как здоровье... твоей жены?

Он вздрогнул, колюче взглянул на Зою и досадливо хмыкнул.

– Хм. А какое тебе до неё дело?

– Ты прав, – она беззаботно улыбнулась, – мне не должно быть никакого дела ни до неё самой, ни до тебя – её мужа.

– Я её не люблю! – озлобленно сказал он. – И скоро раз и навсегда освобожусь от этой стервы.

– Так отзываться о женщине может только низкий человек.

– Да что ты о ней знаешь?

– О ней – ничего, но о твоих победах...

– Зоя, как ты не понимаешь? Всё, что со мной случилось до встречи с тобой, не в счёт! Это лёгкие увлечения, не более.

– А после моего отъезда?

Он словно поперхнулся.

– Нашла к кому ревновать... Да они все просто курицы! А с тобой у нас всё по-настоящему. Пойми же, только ты мне нужна!

– Не понимаю. У тебя есть жена, дети, любовницы... Я узнаю об этом случайно. И после всего этого я ещё должна тебе верить? Извини. Как-то не получается. Да и вообще, начинать серьёзные отношения с такой чудовищной лжи – плохой знак. Я в тебе ошиблась. И очень крепко.

Денис вскочил. Лицо его побледнело.

– Ну, знаешь, подобной глупости я от тебя не ожидал. Другого такого шанса у тебя не будет.

– Как и у тебя. Однако жить в ожидании измен я не хочу. Так что, прощай.

Денис стиснул зубы и молча ушёл в посёлок.

"Вот и всё, – подумала Зоя. – Был Диомед – и нет. С мечтами о принце покончено".

Она медленно брела на квартиру. Целое скопище мыслей одолевало её. Зоя думала, что ещё недавно в характере Дениса её устраивало почти всё. И лишь последние двое суток вернули ей былую зоркость. Сейчас за его привычками: высоко держать голову, всё время поглядывать по сторонам, вплотную подходить к собеседнику, она усмотрела его жадное желание понравиться всем и каждому. Это манеры соблазнителя. А его цинизм, вывихнутая логика, раньше существовавшие как бы сами по себе, теперь естественным образом дополнили и прояснили его сущность.

"А какой симпатичный малыш у той женщины... и подумать только, Денис – его отец. Если бы мы с ней случайно не встретились (а может, всё и не случайно?), то я бы, вероятно, трепетала сейчас в его объятьях. Ужас! Не дай Бог такой слепоты... Единственный, кто меня понимает, так это Володя. С полунамёка уловил моё настроение. И в который уже раз! А спорщик он ещё тот. Странно, сегодня я почти не участвовала в их разговоре?.. Может быть, от уверенности, что Володя поставит его на место? Или от наивной фантазии, что предмет их спора не армия, не политика, а я. Признаться, мне нравилось, что они спорят.

Пожалуй, хорошо, что всё так закончилось. Может, это и не потеря вовсе?.. А как там... бабушка?"

Зоя ещё не пришла ни к какому решению, а ноги уже несли её к санаторию. Нужно выяснить: есть ли возможность уехать уже завтра. Да и, конечно, поговорить об этом с Володей.

В администрации удивились такой спешке, но вошли в её положение и пообещали к десяти утра документы подготовить, а бро ня на билеты у них есть.

Тётя Маша перебирала козий пух. Известие о поспешном отъезде Зои и Владимира застало её врасплох. Оно огорчило её. Но хозяйка тут же всё убрала и немедленно принялась застряпню. К вечеру запах сдобы витал и на кухне, и в доме. Как ни отказывалась гостья, но стараниями тёти Маши огромный пакет был доверху наполнен фруктами и выпечкой. А потом хозяйка и её гостья допоздна пили чай и разговаривали.

Ночью Зою одолевали впечатления прожитого дня. Мысль о том, что она может опоздать к бабушке, с постоянством почтового голубя возвращалась к ней и возвращалась. "Нет. Этому не бывать, – решила она. – У меня в запасе как-никак целая неделя, так что еду в Ольховку. А там уж – по обстоятельствам".

Тётя Маша, провожая их, напомнила ей: "Не забывай, тебя ждёт письмо".

В ОЛЬХОВКЕ

Володя, узнав, что они едут в Ольховку, радовался как дисциплинированный ребёнок. Сердце Зои тоже сладостно щемило: ведь она не была дома целых семь лет.

Её посёлок расположен в тридцати пяти километрах от райцентра, где остановился поезд. Дорога туда не асфальтирована, и автобусное сообщение по многим причинам не регулярное. Поэтому она сразу после выгрузки пошла искать попутку. И, к счастью, тут же нашла её. Водитель ЗИЛа, только что посадивший свою семью на поезд, ехал в нужном им направлении и согласился подвезти. Радовало ещё и то, что не встретилось ни одного человека, кто бы им отказал в помощи.

К бабушкиному дому они добрались около пяти вечера. Выгрузившись и попрощавшись с водителем, остались у калитки одни.

Владимир с жадным любопытством осмотрелся.

– Уютное местечко.

Место было действительно завидное: окраина посёлка, но не дальняя, занятая под сады и огороды, а лицевая. Дома, стоящие по одну сторону улицы, словно замороженные смотрят своими блестящими глазами на тихие воды красавицы-речки. По обеим сторонам дороги и кое-где по склону берега растут деревья. До воды от забора – метров двадцать. Напротив некоторых домов – дощатые мостки. Вода в реке светлая, с зелёными островками водорослей, течение едва заметно.

– Берег для езды на коляске крутоват, – пробормотал Владимир. – А ведь хорошо бы порыбачить!

– Пырыбачим ещё, если настроение будет.

– Однако без снасти только блох ловить.

– Удочки – не проблема. Найдём, если надо будет.

Зоя отворила ветхую от времени калитку. Сердце болезненно сжалось. Основательно заросший травой двор; в конце его, вероятно, выросшее из брошенной косточки вишнёвое деревце; штакетины, прикрученные проволокой к покосившемуся забору, палисадник с буйно разросшимся розовым кустом, свесившимся во двор, – всё свидетельствовало о том, что хозяйка состарилась и давно отошла от всяких дел. Жалость и глубокая нежность захлестнули душу девушки. Подумать только, в этом дворе прошло всё её детство.

Оставив Владимира во дворе, Зоя вошла в тихий сумрачный дом. В коридоре пахло плесенью, и почти ничего не было видно. Она с опаской открыла дверь в комнату и первое, что увидела, – огонёк зажжённой лампадки под образами; от сердца отлегло – жива.

– Бабушка! – с нетерпеливой радостью позвала она.

Гнетущая тишина, начавшая было наваливаться на Зою и уже мурашково коснувшаяся спины, отпрянула. Нехитрые по своей природе звуки: шорохи, поскрипывание кровати и покряхтывания – наполнили дом жизнью. Зоя нащарила рукой выключатель, щёлкнула им – свет не зажёгся.

– Кто там пришёл? – послышался приближающийся старчески блёклый голос. – Ты чья будешь?

– Бабушка, это я, Зойка, – сдавленно проговорила девушка и шагнула к ней навстречу.

– Кто? Зойка?! О, Боже! Внучечка ты моя родная.

Они обнялись. Бабушкино тщедушное тело, хрупкое, как у подростка, нервно подрагивало. Зоя гладила её невесомые волосы и улыбалась сквозь слёзы: "Успела".

– Бабушка, а я не одна приехала, – сказала она. – Пойдём во двор, я тебя со своим другом познакомлю.

– С другом? А чего ж это он в дом не заходит? Ну, пойдём-пойдём, – пробормотала она и неуверенными шажками зашаркала вслед за внучкой.

– И давно ты живёшь без света? – обернулась к ней Зоя.

– А почитай с осени. Крыша-то у меня худая. Дождями всё заливало. Так видать что-то там и сломалось.

– Почему же не попросишь кого-нибудь отремонтировать? Со светом всё-таки удобней.

– А на что он мне? Глядеть-то уж не на кого.

Зоя только вздохнула. Они вышли во двор. Бабушка, увидев Владимира в инвалидной коляске, направилась к нему.

– Здравствуй, внучек!

– Здравствуйте, бабушка.

– Знакомьтесь, – сказала Зоя, – это Володя, а это – моя бабушка Анфиса.

– Рад знакомству, – сказал Некрасов. – Как у вас хорошо. Душа замирает.

– Да-а, у нас тут неплохо, – согласилась бабушка. И с непосредственностью, присущей ребёнку, поискала под пледом ноги Володи. – Ах ты, горе моё! У тебя что же, совсем ножек нет, милый?

– Нет, бабушка. Отходил я своё, – с грустью сказал Владимир.

– А я ить тоже обезножила, вся сила ушла. Таскаюсь вот, как улитка. Уж думала, не увижу своих, – заморгала она повлажневшими глазами. – А тут и вы, слава Богу. Господь услышал мои молитвы. А то и дочка четыре года глаз не кажет, и внучка... уж забыла, как выглядит.

Бабушка поджала губы, всхлипнула и потянулась к Зое. А та стала гладить её худые острые плечи, реденькие лунного оттенка волосы, её бледные морщинистые щёки, и жалость непривычной дрожью отозвалась в её груди.

– Говорила, что выучишься и вернёшься, – жаловалась старушка, – а сама и глаз не кажешь. Ни письма, ни открыточки не шлешь, будто я померла уже.

"Какая же я дрянь! – раскаянно думала Зоя. – Даже с Новым годом не поздравила её. Последний раз... когда же это было?.."

– Бабушка, а ты посылку мою прошлой осенью получила?

– Посылку? Какую посылку? Что-то не припомню.

– Да с орехами, мёдом и конфетами. Ты должна была получить её ко дню рождения.

– А-а-а. Была, была посылочка. Почтальонка приносила. Теперь помню. Я её тогда открыть не сумела да под койку и задвинула. Думала, кто зайдёт, я и попрошу его открыть. Так никто и не зашёл. А потом я захворала и забыла о ней. Вот же ворона! А я ведь конфеты люблю. Забыла... Э-эх! Совсем обеспамятела, – засокрушалась бабушка Анфиса.

– Бабушка, нам нужно гостя в дом завезти. Где бы взять пару досок?

– А в сеннике посмотри. Там, на шифере должны быть.

Доски оказались впору: лёгкие и широкие. Дом, простоявший около пятидесяти лет, сильно осел; и порожек стал невысок. Положили на него доски, и Владимир сам въехал в дом. А Зоя внесла их вещи.

Первым делом решили наладить электричество. Выкрутили пробки, осмотрели их – одна оказалась сгоревшей. В кухне на вбитом в стену гвозде Зоя нашла моточек многожильной проволоки. Владимир, орудуя ножом, зачистил проводок и в пробку поставил "жучка". Вкрутили её, и тотчас появился свет.

Холодильник, стоящий тут же в коридоре, не проявил ни малейших признаков жизни. Заглянули в него, а там – царство плесени. Захлопнули дверцу. Выдернули вилку из розетки. В комнате картина не менее удручающая. Углы запаутинились. Стёкла в посудном шкафчике, сама посуда, зеркало, лампочки – сплошь засижены мухами; пыль повсюду.

– Бабушка, а газ-то у вас есть?

– А куда ж ему деться? – Родители твои провели и газ, и воду. Плитка в кухоньке, а вода – в садочке, колонка там у нас.

В доме и на кухне ничего съестного не оказалось. И это летом-то?

"Боже мой! Какая нищета, – думала Зоя. – Там, в городе, я покупаю свежий хлеб, выбираю по вкусу масло, сыр, колбасу. Балую себя финиками, бананами, пирожными, а тут – ни картошины в доме, ни килограмма крупы. Ничего, хоть шаром покати. Не понимаю. Ведь получает же она пенсию. Что ж это, протест?" Стыд обжигал девушке щёки.

Она набросила на себя старенькую кофточку, косынку и, взяв кастрюлю, метнулась в огород. Трава – по пояс, а местами и выше. Но деревья – яблони, сливы и груши – ещё сохранили свою силу и, словно бросаая вызов лебеде, сурепке и крапиве, были почти все усыпаны плодами.

Протаптывая в зарослях дорожку, Зоя устремилась к яблоням. Де-

вушка сорвала одно из яблок, чуть потёрла его о кофточку, откусила. Сочное кисло-сладкое яблоко мгновенно вернуло её в детство. Тогда для неё это было самое доступное и любимое лакомство.

Нарвав фруктов, Зоя перемыла и принесла их в дом. Бабушка с интересом расспрашивала гостя о его прежней жизни. Она выглядела утомлённой, но, любопытство брало верх. А Владимир обстоятельно рассказывал ей о детдоме, своей учёбе, о местах, где ему довелось побывать. Поставив на стол фрукты, Зоя пошла на кухню вскипятить воду.

Минут десять спустя с чайником возвращаясь в комнату, вдруг слышит: "Так вы что ж, собираетесь расписаться?"

"Господи, что она несёт?!" – Зоя испуганно попяtilась за косяк.

– Что вы?! – воскликнул Владимир. – Это невозможно. Мы просто друзья. Зоя сопровождала меня в дом инвалидов, и ей очень захотелось проведать вас. Меня же не бросишь в поезде, – вот ей и пришлось со мной тащиться.

Зое резануло слух ожесточение, с которым он сказал это.

– А почему невозможно? – допытывалась бабушка. – У тебя что же, уже семья есть, или Зойка тебе не нравится?

– Нет, у меня – никого. А Зоя?.. Разве она может не нравиться. Честно скажу, такой девушки, как она, я ещё не встречал. Но предложить ей выйти за меня замуж не могу. Не по совести это. Нет, об этом я и не заикнусь.

– Ну да, ну да, миленький, понимаю. Только вот Зойку жалко, не дай Бог, свяжется с дурным человеком. А душа-то у неё хрупкая, как стебелёк. Девчушка она ласковая, заботливая. Я скучаю по ней больше, чем по дочке. Хорошо, что вы приехали. Забываю спросить, а надолго?

– Не знаю. Дней на пять, наверно.

– Как на пять? – всполошилась бабушка. – А кто же меня хоронить будет?

Зоя стукнула тапочкой о порожек и решительно вошла в комнату.

– Всё беседуете? – беспечно спросила она. – Давайте кофе пить.

Стол накрыла быстро: заварила кофе, сделала бутербродов со шпротами, нарезала помидоров, огурцов, достала баночный сыр и халву. Пригласила к столу. Только вдруг замечает, что бабушка кофе не пьёт, а лишь смачивает губы, кусочки от бутерброда отламывает, но тоже не ест, за чашку прячет.

– Бабушка, а ты почему кофе не пьёшь?

– Да, детка... кофе мне в голову ударяет. Я потом водички попью.

– А почему ничего не ешь?

Она нервно дёрнула сухоньким плечиком.

– Зубов у меня нет. Потом размочу хлебушек и съем.

– Ну, хлебушек можно и на потом отложить, а рыбку-то жевать не обязательно: положи её в рот, она и растает. Или сыр ешь ложечкой.

– Что-то не хочется мне, – призналась Анфиса Георгиевна. – Душа не принимает.

– Бабушка, а душу бутербродами и не кормят. Ты поешь для здоровья.

– Не могу я, Зоенька. Не неволь меня.

Зоя, уже догадываясь о причине её отказа что-либо съесть, спрашивает:

– Бабушка, а что ты обычно ешь?

– Я? Хлебушек... хлебушек ем, молочко пью, водичку сладкую.

– А где ты молочко берёшь?

– Так невестка Моховых Даша приносит мне через день по литру. В первый день пью свеженькое молочко, а во второй – простоквашу.

– Ну и где твоё молоко?

Бабушка потупилась. Помолчала. Вздохнула.

– Отказалась я, внученька. Мне уже... не нужно.

– Как не нужно? Что ещё за новости?

– Зажилась я, Зоюшка. Никому от меня никакой радости. Даже ты, кровинка моя, дорожку ко мне забыла. Помирать я нынче наладилась. Ты бы задержалась, миленькая, похоронила бы меня по-людски. А-а? – пытливо заглянула она ей в глаза. – Ладно, внученька?

– Бабушка, ну что ты такое говоришь?! – глотая слёзы, воскликнула Зоя. – Как я могу тебя забыть? Ведь я же приезжала к тебе и ещё приеду!

– Ах, Зойка, Зойка. Ты ко мне ехала, почитай, семь годочков, а я за тебя каждый день молилась, вспоминала тебя. Через пять денёчков ты снова уедешь, и уже навсегда. Не дождусь я тебя больше, голубонька моя, не дождусь.

Зоя горько плакала, сознавая, что бабушка-то права. Забрать её с собой? Но как? Она так слаба. Поезд останавливается на три минуты. Надо успеть найти свой вагон, погрузить вещи, посадить Володю, бабушку. Нет, это нереально.

– Бабушка, родная, мы же не на похороны ехали, а посмотреть на тебя, чем-то помочь. Давай покушаем вместе, а потом что-нибудь и придумаем.

– Вы, детки, не искушайте меня, нельзя мне, а то я опять в силу войду. А на что мне это? Приготовилась я уже.

– Нет, бабушка, – сказал Владимир, – без вас больше и крошки не возьму.

– И я тоже не буду есть. Умру, но не буду! – с ожесточением заявила Зоя.

– Свят, свят. Бог с вами. Хватит мне и своих грехов. Ладно уж, покушаю немножко.

Так уговорами они и добились того, что бабушка немного поела. Ощувив слабость, она прилегла отдохнуть.

Зоя окинула взглядом комнату: работы непочатый край. "Сбегаю к соседке, – решила она, – и за уборку. А гость пусть нашим воздухом подышит".

– Володя, – обратилась она к нему, – ты пока почитай, пожалуйста, во дворе, а я кое-что по хозяйству сделаю и порядок наведу.

– Хорошо, – ответил он.

Владимир вырулил из дому, свалив при этом одну из досок, разместился у куста розы лицом к закату и открыл купленный им в дороге роман Никитина. А Зоя, прихватив пару сувенирных вещиц, направилась к Моховой.

Даша под вишней чистила картошку. Увидев Зою, махнула ей рукой.

– Заходи, соседка. С приездом!

Девушки поздоровались. Зоя положила на столик сувениры. Даша кивнула.

– Спасибо. Я видела, как вы приехали. Уже и курочку зарезала для вас, а то, я знаю, у бабушки ничего нет.

– Спасибо за заботу.

Они с интересом взглянули друг на друга. Короткая причёска Дарьи ещё больше округляла её и без того круглое лицо. Правильные черты лица, смоляные волосы и большие чёрные глаза делали её похожей на болгарку. Она лет на пять старше Зои. Та была ещё подростком, когда Даша куда-то уехала, потом уехала учиться и Зоя. И вот прошло лет пятнадцать. Как же они обе изменились!

Даша рассказала, что помогали бабушке как могли. В эту зиму они через день протапливали у неё печку. Иногда Даша готовила ей, чаще приносила из дому. А последнее время ничего кроме хлеба у неё не берёт. Говорит: "Устала я. Зажилася". На уговоры не поддается. Характер. Вот Даша и написала.

– Что же мне делать? – произнесла Зоя.

– Выход только один, – сказала Даша, – какое-то время приглядеть за ней.

– Но я же не могу остаться – у меня работа.

– Решай сама. Но если бабушку сейчас не выходить, через пару недель приедешь на похороны. А ведь она могла бы ещё пожить.

– Да-а. Не знаю, что и делать. Пойду пока порядок наводить.

– Подожди. Дам овощей и курочку.

Заходя во двор, Зоя ещё раз внимательно взглянула на постройки – всё было старое: и дом, и кухонька, и сарайчик. Вдруг подумалось: не станет бабушки, и дом, выстроенный руками деда, в котором выросла её мама и она сама, окончательно осиротеет. Он уже сейчас изменился. Раньше в нём пахло хлебом, яблоками, чабрецом, а сейчас только сыростью и плесенью. Дом тоже умирает. И что со всем этим будет?

Для всех Лихачёвых этот клочок земли – та самая родина, по которой душа тоскует и кости плачут; то место, которое свято памятью о предках. А для остальных – просто участок со старым домом и запущенным садом. Новые хозяева, конечно же, снесут ветхие постройки, всё перепланируют по-своему, построят что-то своё, и станет всё совершенно неузнаваемо. Как жаль!

Зоя подошла к Владимиру.

– Ну, как настроение?

Он захлопнул книжку.

– Да какое тут настроение. Как подумаю, что старушка морит себя голодом... места не нахожу. Нужно как-то поддержать её.

Зоя беспомощно развела руками.

– А я не знаю, что делать, ума не приложу. Только сейчас вдруг осознала, что жизнь бабушки во многом зависит от моего решения. Страшно ошибиться... Если задержусь – наверное, останусь без работы. А уеду, и она умрёт – как потом с этим жить? Нет, выхода я пока не вижу. – Она чуть помолчала: – Володя, уже восемь. Пара часов у меня есть. Ты ещё почитай, пожалуйста. А я приготовлю суп и в доме уберу.

– Хорошо-хорошо.

И Зоя ушла в дом. Уборка затянулась. Глядя на внучку, и бабушка взялась за тряпку. Убрали паутину, пыль, промыли стёкла. Бабушка быстро выдохлась и легла отдохнуть. Между тем суп сварился. Провозившись с холодильником около часа, Зоя привела его в порядок. Протёрла пол и стала стелить постель. Спина девушки уже горела от усталости, каждая её клеточка молила о пощаде. Непреодолимо потянуло прилечь.

"Боже, как же я сегодня устала! – простонала Зоя. – Если сейчас не выпрямлю позвоночник, стану сестрёнкой Пиноккио. Мне нужна всего лишь минуточка покоя – и я буду спасена".

Сон, как быстрое течение реки, мгновенно подхватил её и унёс... в детство. И всё там было так замечательно, радостно и беззаботно, что Зоя снова почувствовала себя счастливой. Но постепенно смутное беспокойство поубавило её счастье. И вдруг Зоя очнулась. С трудом приходя в себя, осмотрелась, взглянула на часы и испугалась: было около двух ночи.

Страх не оставил ей ни секунды на размышление. Она стремительно выскочила во двор. Живой, полный ароматов воздух тут же окутал её. Коляска, блестя никелированным ободом, стояла всё там же: у куста вьющейся розы. А вокруг – темень и тишина.

Владимир обернулся на шорох. Девушка виновато призналась:

– Володя, я уснула. Прости меня, дуру. Не обижайся, пожалуйста. Ладно?

– Да чепуха, – хриловато ответил он.

– Я так уработалась сегодня, что не заметила, как это случилось. –

Зоя обеспокоено провела ладонью по его голове. Волосы были влажные. – Ты не замёрз? Не сердись на меня?

– Не волнуйся. Я даже благодарен тебе. Мне удалось увидеть такую чудную зарю – от начала и до самого конца. А ночь? Такого чистого звёздного неба я в жизни не видел. Всё как-то не было времени хорошенько рассмотреть его. И такой благодатной тишины я тоже не помню. Да и аромат розы – это настоящее чудо. Какое же счастье всё это видеть и чувствовать. Спасибо тебе, – губами он коснулся её руки, – ты мой ангел. Я ещё раз убедился, что жизнь стоит того, чтобы за неё держаться.

Девушка наклонилась и поцеловала его в небритую щёку. "Что же я делаю? – подумала Зоя. – Вот ненормальная". И как-то по-домашнему сказала ему: "Пора в дом. Вот-вот роса упадёт, а ты ещё и не ложишься". И покатила его в дом.

РЫБАЛКА

Бабушка спала в первой комнате на своём привычном месте – рядом с печкой. Во второй стояли панцирная кровать и старый диванчик с подложенными под него кирпичами вместо ножек. Решили, что на диване будет отдыхать Владимир, а Зоя – на кровати. Через пару минут все уже спали.

С утра пораньше Зоя сходила к Даше и договорилась с ней насчёт молока и яиц. Ещё она успела сбежать в магазин за хлебом, крупой и маслом. Завтракать сели в девять. Бабушку опять уговорили поесть. Куриный суп с добавлением специй волей-неволей разжигал её аппетит. Кажется, Зоина уловка удалась.

Убрав со стола посуду, Зоя по просьбе Володи нашла ему на смену кое-какую одежду. А за инструментом они отправились в сарай. Однако открыть его оказалось нелегко. Двери, едва приподнятые над землёй, заслоняла стена лебеды. Зоя минут десять орудовала лопатой, срезала траву вместе с дёрном. Замок, сломанный давным-давно, открылся лёгким рывком. Петли со стреляющим скрежетом неохотно поддались. Зоя, освободив от хлама проход, обронила Владимиру: "Осматривайся", – и ушла в дом.

Обследовав сарайчик, Володя вернулся в приподнятом настроении. Он показал старенькую телескопическую удочку с поплавком из гусяного пера.

– Рыбалка обеспечена.

– Замечательно, – отреагировала девушка.

– Зоя, у твоего дедушки настоящая мастерская: верстак с тисками, ножовки, рубанки, стамески, топоры. И всё на своём месте, да ещё и в смазке. Есть даже нивелир и отвесы – хоть дом строй!

– Знаю. Пока дедушка был здоров, он всё время что-нибудь мастерил. И наш дом, и все постройки – его рук дело. А теперь вот всё пришло

в негодность.

– Я тут... клочок наждачки отыскал и отвёрточку, – произнёс Володя. – Надо бы попробовать запустить холодильник. Надеюсь, дело в контактах. Сыро у вас в коридоре. Поможешь?

Больше часа Некрасов и Зоя провозились с холодильником. Над газовой горелкой они высушили реле – чёрную коробочку с контактами, зачистили наждачной бумагой все клеммы и контакты, осмотрели и привели в порядок электрическую вилку. Когда же, наконец, холодильник, включённый в сеть, усердно заворчал, Зоя воскликнула: "Ура!" Правда, любое прикосновение к нему было болезненно. Володя пояснил, что пока сырой – будет "кусаться", а как подсохнет – пойдёт.

Эта маленькая победа воодушевила Зою. Теперь можно и продуктов подкупить. И она ушла в магазин. По пути встретила одного знакомого, второго, а потом ещё и свою школьную подружку. Так в разговорах незаметно и время пролетело. Вернулась через два часа. Владимира застала за чтением.

– Представляешь, а я свою школьную подружку встретила, Любку, – оживлённо сказала она. – Наговориться не могли. Уже восемь лет замужем, двое детишек у неё: мальчик и девочка. Располнела. Сама учителем в начальных классах работает и заочно в Ростове учится. И хоть дальше райцентра выезжала считанные разы, живёт вполне счастливо. Приглашает нас в гости.

– Спасибо. Но думаю, лучше сходить тебе к ним одной.

– Ну, нет. Я уже ей пообещала, что мы вместе придём. Так что имей в виду. Кстати, а чем наша бабушка занимается?

– Я вскрыл ей твою посылку, так что она теперь разбирается с ней, – ответил Некрасов.

– Пойду, пообщаюсь, – сказала Зоя и вошла в дом.

Бабушка сидела за столом и задумчиво жевала финик. Девушка стала выкладывать на стол продукты и незаметно наблюдать за ней. Реакция на них у неё была что надо. Особенно на солёную кильку. "Ничего-ничего, бабуля, – подумала Зоя, – мы ещё разбудим у тебя интерес к жизни".

Владимир увидел маленького мальчишку, позвал его и попросил в чём-то помочь ему. Паренёк с готовностью согласился. Оставив велосипед во дворе, они направились в мастерскую, где долго что-то пилили и стучали.

Обедали все вместе. Оказалось, что Василёк – ученик второго класса, сын Зоиной сверстницы. Внешне он неказист: узколиц, бледен, худощав, но чуть поговоришь с ним – проникаешься симпатией.

После обеда, поработав ещё пару часов, они наконец-то выбрались из мастерской. В руках у Василька были две небольшие, но аккуратно сделанные скамеечки. "Одна – для бабушки, – сказал Владимир, – а другая, Василёк, – твоя. Сам решишь, кому её подарить".

– Спасибо, – просиял он. Улыбка так и растягивала его тонкие губы.

Мальчик привязал своё приобретение к багажнику велосипеда, попрощался и уехал. А Володя и Зоя со своей скамеечкой направились в дом. Бабушка, получив этот незамысловатый подарок, была очень расстроена: гладила рукой по отшлифованной поверхности, с удивлением осматривала широкие ножки скамейки и, не скрывая недоумения, пробовала её на вес.

"Доска сухая попалась, – пояснил Некрасов, – поэтому и скамейка лёгкая. А ножки такие сделаны для устойчивости, не провалятся даже на огороде".

Бабушка с трудом опустилась на скамеечку, посидела на ней. "С такой хоть в гости ходить", – заметила Анфиса Георгиевна. – Глядя на её смущённое лицо, молодые люди заулыбались. Подумалось: много ли нужно человеку для хорошего настроения?

Уже шёл седьмой час, и Владимир уговорил Зою выйти с ним порыбачить. Он всё сделал сам: привязался к деревцу, спустился по склону к воде и ловко забросил леску. Зоя была уверена, что ей здесь быстро начучит, но почти тотчас началась поклёвка.

– Окунишко балует, – флегматично предположил Некрасов.

Подсёк, и леска тут же вытянулась в струну, а конец удилица круто изогнулся и завибрировал. "Ничего себе – окунишко!" – воскликнул он. И стал подтаскивать рыбу к берегу. И вот сквозь толщу воды стали видны смутные очертания рыбины, она казалась очень большой. "Только бы не сорвалась", – как заклинание шептала Зоя.

– Зоенька, иди наподхват. Если удастся вытащить её на берег, гони прямо во двор, – пошутил Володя.

Зоя спустилась к самой воде. И Владимир волоком вытащил рыбину на траву. Рыбина высоко подпрыгнула, забилась хвостом о землю и сорвалась с крючка.

– Зоя, держи её, уйдёт, – азартно проговорил Володя.

Девушка, понимая, что в эту минуту всё зависит от её сноровки, упала коленями на траву и, как сумела, прижала рыбину к земле.

– Молодец! Теперь хватай её за жабры, и она наша.

Нащупав скользкую голову, Зоя с трудом ухватила рыбину за жабры.

– Не бойся! Бери её поглубже, – отчаянно жестикулировал Некрасов.

– Ну, всё, рыбонька моя, допрыгалась! – Зоя торжествующе подняла над головой бьющегося сазана.

– Молодец, Зоя! Не будь сейчас тебя рядом, не было бы у нас и улова.

Зоя поднялась и подошла к Владимиру. Он с жадным восхищением рассматривал рыбину.

– В вашей речке и такой сазанчик? Удивительно.

– А это точно сазанчик?

– Однозначно. Видишь: усы, крупная, с ноготь, тёмно-золотистая

чешуя, ну и форма, конечно. Интересно, сколько же он весит? – озадачился Некрасов.

– Что-то около килограмма. Пойду бабушке покажу, пусть порадуются.

– Хорошо, – сказал Володя, – а я, если не возражаешь, ещё порыбачу.

Рыбка оказалась как нельзя кстати: бабушка была просто в восторге.

– Живая? Как же вы такую большущую рыбину поймать-то сумели? Ох, и давно же я не видывала чуда такого.

– Да, повезло. Вдвоём еле справились. Сейчас водички для неё принесу.

Через минуту сазан уже плескался в ведре. Чуть погодя, Зоя снова вышла к Некрасову. Он показал ей двух окуньков. В течение часа они поймали ещё пять рыбёшек, самая крупная из них – краснопёрка, длинной с ладошку. До заката ещё было время, но комары вынудили рыбаков удрать домой. Рыбу почистили и сунули в холодильник. Попили чаю и вскоре улеглись спать.

ДАНИЛОВЫ

Минула вторая ночь, а решение всё не приходило. После завтрака Зоя пошла в магазин. В посёлке никакой привычной с детства активности. Некогда известный колхоз-миллионер, наполнявший трудовой жизнью три посёлка, съёжился до размеров полеводческой бригады. Люди остались без работы, без денег, без надежды.

В магазине царил та же сонная одурь, что и в посёлке. Накупив муки, крупы, масла, Лихачёва вышла на улицу.

– Ба, Зоя Николаевна, неужто это вы? Ра-ад, рад вас видеть.

Перед девушкой с бутылкой пива в руке стоял матёрый человечиче: грудь, плечи, ноги – всё мощное, как у памятника. Щекастая физиономия Федьки Журавлёва, старшего брата её одноклассницы, расплылась в радушной улыбке.

– Привет, Федя. И мне приятно земляка встретить. Ты стал ещё здоровее. Поделись опытом, как тебе удаётся так хорошо выглядеть? – пошутила она.

– Так меня же не в конце месяца зачинали в суете и спешке, а в самой серёдке, ну и зарабатываю хорошо. В Сибири шоферу.

– Молодец! Наверно, с родней приехал повидаться?

– Да ну их! – отмахнулся он. – Жениться хочу.

– Здорово. И на ком же, если не секрет? – сорвалось у неё с языка.

– Да хоть на тебе и сегодня.

– Вот это номер! – опешила Зоя. – Ну, ты и кавалерист. Представляю, как мои сейчас удивились бы: сбегала девка за мукой, а заодно и

замуж выскочила. Да за самого видного парня в посёлке.

Зоя деланно рассмеялась. Фёдор поморщился.

– Да слышал я, что ты с женихом приехала. – И, не замечая удивления девушки, продолжил: – Не понимаю: зачем себе жизнь ломаешь? Что, тебе здоровых парней не хватает? Вот я, к примеру, чем плох? И ты мне подходишь.

Фёдор, согнув ручищу крюком, обхватил её за плечи.

– Стоп, стоп, стоп! – Зоя выскользнула из его объятий. – Во-первых, не нахальничай! А во-вторых, Федя, сообщаю тебе: ты мне не подходишь.

– Это чем же?

– Прости за грубость, но ты мне очень напоминаешь Винни-Пуха.

– По характеру, что ли? – заулыбался он.

– Да нет, Федя. У тебя тоже опилки в голове.

Мгновение, и улыбка исчезла. Фёдор набычился.

– За придурка держишь?! – рывкнул он и разнёс бутылку о тротуар.

Зоя, опасаясь его новых выходов, неловко извинилась и заспешила домой.

"Псих, – подумала она. – Как бы чего спьяну не натворил".

Вернувшись из магазина, девушка с головой окунулась в работу. Владимир с утра не выходил из мастерской, а Зоя выстирала занавески, сварила уху, нажарила блинчиков. Приготовив обед, позвала Володю. Он выбрался на свет весь в мелких щепочках и прозрачных серпантинках стружек.

Бабушка села за стол в праздничной блузке. Но глаза её выражали мучительную тревогу. Зоя и Владимир, понимая её душевное состояние, говорили о соседях, давних знакомых, погоде, и всё время осекались в разговоре, когда тема касалась будущего. Зоя даже и не предполагала, что оно занимает в их мыслях так много места. Эта проблема, что большая заноза, загнанная под ноготь, ни на минуту не позволяла расслабиться. Пообедав, они опять занялись каждый своим делом.

Около пяти вечера стали собираться в гости. Вот тут-то и пригодился Зоин запас сувениров. Для мальчика в нём нашлась модельная машинка, а для девочки – алый пластмассовый флакончик духов, выполненный в виде губ, сложенных для поцелуя. Попросили бабушку не волноваться, если вдруг припозднятся, и отправились в гости. По пути Зоя забежала в магазин и купила пару шоколадок и коробку конфет.

Узкая улочка оказалась накатанной и короткой. Из огородов, обтянутых панцирной сеткой, свешивались над дорогой ветви абрикосовых деревьев. Возле нужного им дома с кучи песка проворно сполз мальчуган в синей панаме и подошёл к ним. Значительно посмотрел на них, вытер ладошку о крошечные трусики и протянул её Владимиру.

– Данилов... Ванюша.

Зоя чуть не прыснула. Владимир, тоже напустив важности, пожал ему ручонку, но представился просто:

– Дядя Володя. Что строишь, Ванюша?

– Гараж, как у папки.

– Нужное дело. А для начальника гаража у нас есть новая машина.

И Зоя подала ему модельку. Малыш взглянул на машинку и улыбнулся.

– Ну, Ванюша, а теперь веди нас в свой дом.

– Нет, это не мой дом, а папкин, – возразил мальчик. И пояснил: – Мой будет рядышком. Подождите, я собаку прикручу.

Малыш распахнул калитку и направился вглубь двора. Загремела цепь, послышалось недовольное ворчание собаки.

– Заезжайте! – ликующе прозвенел голос Ванюши. – Она не достанет.

Гости с некоторым опасением проникли во двор. Блочный дом с высоким фундаментом и весёлыми окнами вблизи показался ещё более основательным. Пару раз гавкнула собака, и тут густой мужской голос прикрикнул на неё. Это навстречу им спешил хозяин. Чернявый, роста выше среднего, кавказской наружности. Лицо его весьма выразительно: длинные баки, усы подковкой вниз, большие, чуть навывкате, глаза с сонно подрагивающими веками. Он вытер о спортивные штаны руку и подал её Володе.

– Данилов... Сергей.

Тонкий шелковистый ус Владимира дрогнул.

– Володя. А это Зоя, – покосился он в сторону своей спутницы.

– Я уже понял, – улыбнулся Сергей, – проходите. Сейчас мы обитаем в старом доме, – кивнул он в сторону мазанки. – Летом в нём как-то привычней.

Данилов откинул с двери тюлевую занавеску. Владимир преодолел невысокий порог. И гости очутились в просторной комнатке с печью, кухонным шкафчиком, диваном и роскошно накрытым столом.

– Располагайтесь, где вам будет удобней. Люба вот-вот освободится. А я, чтобы не скучали, сыграю.

Сергей вышел, Зоя села справа от Владимира. Через минуту с гармонью под мышкой вернулся хозяин.

– Батино наследство, – с гордостью пояснил он. Бросил ремень на плечо, пробежался пальцами по кнопочкам и заиграл "На сопках Манчжурии".

Тут же появился Ванюшка. Его глазёнки сияли весёлым любопытством. Было видно, что он боготворит отца и хочет абсолютно во всем походить на него. Во время "Дунайских волн" вошли Люба со Светланкой. Зоя познакомила их с Владимиром, и после обмена обычными в таких случаях любезностями и подарками началось застолье.

Рагу из индюшатины, салаты, домашнее вино, ягодный пирог и многое другое, – всё это свидетельствовало о радушии хозяев. Угощаясь, вспоминали школу, рассказывали друг другу смешные истории, анекдоты.

ты. Ребятишки так и вились возле отца с матерью, то забирались к ним на колени, то что-то шептали родителям по секрету; а те лишь потискивали их и целовали. В этом доме явно царил культ ребёнка.

Уже тогда, в разгар веселья, Зою начал покалывать шип обиды на свою судьбу. Именно обиды, а не зависти. Потому что Зоя никогда не смогла бы полюбить такого мужчину, как Любин муж, и своих будущих детишек она видит похожими на себя, и свой дом представляет несколько иным. Словом, в её жизни всё должно соотноситься с её мечтами и представлениями. И как окоченевшему от холода человеку порой не справиться с ознобом у открытого огня, так и её взволнованной душе стало непривычно зябко возле чужого счастья, и в который уже раз с особой остротой захотелось своего.

Любаше, конечно же, повезло. Она смогла построить своё маленькое независимое государство, где все дорожат друг другом. Зоя смотрела на весёлую возню малышей, хлопоты подруги, довольное лицо о чём-то рассказывающего с решительными жестами Сергея, и ей вдруг захотелось плакать.

"Боже мой! Чего это я так расслабилась, вино в голову ударило, что ли? Надо что-то делать", – спохватилась она и тут же предложила:

– А давайте споём.

Все замолчали. И Зоя, чтобы не утонуть в своей тоске, запела: "Гори, гори, моя звезда..." Взрослые стали неуверенно подпевать. Ванюша как заворожённый смотрел прямо в лицо гостье. А Светланка выбежала во двор и через два куплета влетела в комнату с гитарой. Лак на гитаре почти вытерся, но струны были на месте. Люба взяла рушник и поспешно вытерла её от пыли.

Песня окончилась. Девочка протянула Зое гитару и замирающим от волнения голосом проговорила:

– Под гитару будет ещё красивей.

Зоя в замешательстве взглянула на детей: они ждали чуда. "О, святая наивность! Я же не волшебница, чтобы всё уметь".

– Светочка, прости...

И тут руку протянул Владимир.

– Вот чёртов рефлекс, – смущённо пробормотал он, – сама потянулась. Позвольте. Даже не думал, что когда-нибудь ещё возьму её в руки.

Некрасов принял гитару, осмотрел её, подушечками пальцев легонько постучал по корпусу и улыбнулся. Затем он неловко втиснул инструмент между собой и подлокотником коляски – при этом ему пришлось развернуться вправо – и взял несколько аккордов. Гитара была расстроена.

Владимир минуты три крутил колки: то в одну сторону, то в другую, натягивая и ослабляя струны, – и вскоре зазвучали чистые и стройные созвучия. Он кивнул, взял аккорд и, как бы приглашая остальных, громко запел:

"Светит незнакомая звезда..." Это под Зоин голос. И уже на второй строке она подхватила песню. Потом одну за другой они спели ещё десятка два хороших добрых песен. И вдруг Зоя заметила, что поют только они с Некрасовым, а семейство Даниловых, обняв друг друга, слушает их. Потом Владимир исполнил свой романс на стихи Бунина "Только камни, пески..." Хорошо получилось. И вот он запел песню, слов которой Зоя не помнила – "У беды глаза зелёные..." Он пел её так, будто рассказывал о своей неудавшейся судьбе, и некоторые слова отдавали такой горечью, такой болью, что подступали слёзы. Но вот песня закончилась, и Владимир протянул гитару девочке.

– Спасибо. Гитара хорошая.

Несколько мгновений было тихо.

– У нас в доме давно не было такого замечательного вечера, – с подкупающей искренностью призналась Люба.

Гости в свою очередь, поблагодарив хозяев за щедрое застолье и тёплый приём, выбрались во двор, а потом и на улицу. Сергей вынес сумку, наполненную продуктами.

– Здесь кое-что бабушке, да и вам в дорогу.

Солнце, словно оранжевый мяч, пересёкший линию горизонта, скатывалось в короткую ночь. Даниловы пошли проводить гостей. Люба придержала подругу за локоть, и когда они поотстали от мужчин, виновато спросила её:

– Зоя, ты меня, конечно, прости, но неужели ты ещё не поняла, что вы созданы друг для друга? – Та умоляюще взглянула на подругу, но Люба продолжала: – Скажи честно, если бы вы встретились лет пять назад, ты бы вышла за него?

– Думаю, да.

– А если бы позже с ним случилось то, что случилось, ты бы бросила его?

– Ты что, Любка, в своём уме?

– А почему же тогда уходишь от него сейчас?

При всей нелепости вопроса Зоя не знала, что и ответить.

– Зойка, милая моя, оставайтесь здесь. Мы будем дружить, как и раньше; поможем огород вам посадить, дом отремонтировать.

– Ладно, Любаша, извини, – отстранилась Зоя. – Спасибо тебе за всё и за совет тоже.

Даниловы остановились, распрощались и ушли.

– О чём это вы говорили с Сергеем? – спросила Зоя.

– Я попросил его, чтобы он бабушке пару тонн угля привёз. И на следующий год тоже, если будет необходимость.

Они замолчали. Ей вспомнились спетые им слова: "И нельзя мне даже облаком плыть по небу над тобой..." И вдруг подумалось: "Нельзя", не в этом ли всё дело? Конечно, в этом... потому и молчит.

– Володя, а почему ты не говорил, что на гитаре играешь? – спросила Зоя.

– Ты тоже ни разу не обмолвилась, что любишь петь, – ответил Некрасов. И добавил: – И всё же... зря ты взяла меня к Даниловым. Так недолго и равновесие потерять.

Зоя вздохнула: он прав. Ну, вот и калитка. Добрались.

Владимир, несмотря на вечер, переоделся и забрался в свой сарай что-то доделывать. А Зоя, пока кормила бабушку, делилась с ней впечатлениями о встрече. Потом взяла принесённые продукты и начала укладывать их в холодильник и, как со всеми случается, стала вспоминать самые интересные моменты этого яркого, как праздник, вечера.

И вдруг слышит: кто-то возится со щеколдой на калитке. Выходит на порог и в сгущающихся сумерках с трудом узнает Фёдора Журавлёва.

– Это ещё что за новости? – возмутилась Зоя. – Тебя сюда приглашали?

Калитка распахнулась, чуть покачиваясь, во двор вошёл Фёдор.

– Не шуми! – "хлопнул" он лапичей по воздуху. – Я, может, извиняться пришёл.

– Извиняться надо на трезвую голову. Стой на месте! – прикрикнула она.

Он остановился.

– Ты знаешь, Зойка, я дома поскандалил. Хочу у тебя на квартире пожить. Не бойсь, не обижу.

– Я чуда не заказывала. Так что иди к своей сестре и удивляй. И свободного места для ночлега у нас нет.

– А мне много места и не надо. Ты в калидоре какую-нибудь пальтушку брось на пол и хватит.

Его настырность начинала злить Зою.

– Повторяю для особо одарённых: на постой мы никого не пускаем. Коридоры у нас не для ночлега. И для чужих людей места у нас нет.

– Ну, так выходи за меня – стану родственником. Одну, как купчиху. Все обзавидуются. За мной горя не будешь знать.

– Притормози, дальнбойщик. Я же тебе уже сказала: ты мне – не пара. Что ещё не ясно?

– Зойка, ты сама сказала, что я парень хоть куда. Про Винни-Пуха я шутку понял. Ты мне будешь век благодарна...

– Фёдор, у меня нет попугая, чтобы он специально для тебя повторял одну и ту же фразу. Я смогу тебе быть благодарной только, если ты сейчас же уйдёшь. Уходи, ради Бога.

– А вот и не уйду. Ну, и чего ты мне сделаешь? – осклабился он. – Может, в объятых задушишь?

– Сейчас я удовлетворю твоё любопытство! – разозлилась Зоя.

Она вбежала в коридор и начала срывать с вбитых в стены гвоздей целые охапки верхней одежды. "Вот оно где!" – обрадовалась она. В са-

мом углу стволами вниз висело дедово ружьё. Зоя рванула двустволку с гвоздя, переломила её. В левом стволе желтел патрон.

Из-за куцей занавески выглянула во двор. Фёдор стоял посреди двора. "Вот нахалюга!" С ружьём в руках она вышла во двор. Глаза Фёдора округлились.

– Ты это... чего?

– Федя, запоминай, последний раз тебе говорю. Во-первых, я тебе не пара. Во-вторых, места у меня в доме для всякой алкашни никогда не было и не будет. И последнее: если ты ещё раз сунешься в наш двор, я из тебя сделаю огородное чучело.

– Ты чего, Зойка, умом повредила? Я вот сейчас отберу у тебя берданку, да как дам тебе ею по седалищу...

– Фёдор, не испытывай судьбу, уноси ноги подобру-поздорову.

– Хочешь на испуг взять? – фыркнул он. – Не выйдет. У твоего деда патронов-то отродясь не было. Ты загляни в ружьё – оно уже ржавчиной заросло.

– Ну всё, Фёдор, моё терпение на исходе. У тебя – пять секунд на всё. А это – последнее предупреждение.

И она, взяв правее, нажала на курок. Сноп огня оглушительно ударил в землю. По всей округе мгновенно всполошились собаки. Фёдор попытался.

– Ты что это делаешь?! – истошно завопил он. – Вот сучка! Ты же меня чуть не убила!

Зоя демонстративно взвела второй курок и повела стволом в сторону калитки.

– Всё... всё понял. Вижу. Ты мне не пара, точно не пара. Дура полумная.

– Три секунды...

Фёдор, словно испугнутый зверёк, шарахнулся в калитку, остервенело толкнул её, затем рванул на себя и, ударившись об неё, с отчаянным воплем исчез в темноте.

С невиданной доселе сноровкой в проёме двери показалась бабушка. Из сарайчика поспешно выкатился встревоженный Владимир. Увидев Зою с ружьём, спросил:

– Что случилось?

– Федя Журавлёв приходил свататься, – сказала она. –

– И что? – спросила бабушка.

– Отказала.

Владимир ухмыльнулся.

– Да, Зоя Николаевна, претендентам на вашу руку не позавидуешь. Даже чуточку жаль их становится. Ещё на одно объяснение хватит пороуху?

– Нет. Патроны кончились.

– Вот и хорошо, – сказала бабушка. – А то доозоруюешься – потом по селу одни зайки будут бегать.

Все рассмеялись. Бабушка немного постояла и ушла в дом. Собаки вскоре успокоились, и стало слышно, как в тёмных кронах деревьев по-свистывает ветер.

ВЕРОЧКА

Зоя оперлась о спинку коляски.

– Володя, а что за письмо ты оставил для меня у тётки Маши? Ведь она мне его так и не отдала. Сказала, приедешь через пять лет, тогда и отдам.

– Когда ты уехала, я и задумал сочинить поэму. Загадал, если справлюсь с этим, то и другие проблемы решу.

– Ну и как, справился?

– Вроде бы, да. Я запечатал её в конверт и отдал тётке Маше – для тебя. Она называется "Зов моря". Последние дни я часто ходил на вёслах и многое узнал о нём. Мои впечатления, мысли, переживания, – всё в этой поэмке. Я представил себе, что когда-нибудь, лет через пять-семь ты со своей семьёй заглянешь к тётке Маше, и там найдёшь моё письмо. Вскроешь его, и тогда моя поэмка напомнит тебе о твоём первом путешествии к морю.

– Ты мне её прочитаешь?

– А стоит ли? Ведь тогда сюрприза уже не будет.

– Ничего. То письмо я всё равно прочту.

– Твоя воля. Тогда, сделай одолжение, принеси мой диктофон.

Зоя сходила за ним, подала его Володе. Некрасов пояснил:

– Я был на берегу и там сделал эту запись.

Положил диктофон сбоку от себя и нажал клавишу. В ту же секунду их ночь наполнилась дыханием далёкого моря. Скандально покрикивали чайки, погромыхивали друг о друга борта лодок, изредка похлопывали о берег волны, перекатывалась галька.

Владимир приглушил звук и начал читать. С первых же слов этой поэмы Зоя ощутила своё присутствие в ней. Узнала и посёлок с развешенными рыбацкими сетями, и паруса яхтсменов, и песни Рафаэля. И чуть ли не физически почувствовала нежность, с которой автор относится к морю и, в конечном счёте, к ней. И всё поняла: эта поэма о ней.

Когда Владимир окончил читать, Зоя сказала:

– Грустная история. Но она мне понравилась. Спасибо.

– Пожалуйста, – ответил Некрасов. Он включил диктофон на полную громкость, и они дослушали шум прибоя до конца.

– Море каким-то странным образом влияет на мою психику, – сказал Володя. Я становлюсь недопустимо сентиментальным для мужчины.

– Ничего. Это характер не портит.

Владимир поднялся до восхода и засобирался на рыбалку. Зоя, разбуженная его вознёй, вышла вслед за ним во двор. Было зябко. На востоке пламенела заря. Девушка не удержалась от восклицания:

– Боже! Какую же красоту мы просыпаем!

Они вышли на берег. Володя занял своё привычное место, настроил удочку и забросил леску в воду. Поплавок едва виден. Заря завораживала. Какой-то невидимый гениальный художник во всю ширь горизонта рисовал волшебную картину. На сумеречном холсте мазок за мазком появлялись самые неожиданные и нежнейшие краски: светло-зелёная, лимонная, малиновая, светло-оранжевая.

И тут начался клёв. Рыбаки тотчас забыли об этой чудной заре. И к семи утра рыбы на уху уже наловили. Всё портили окунята: хватали наживку, как ошалевшие, а сами-то со спичечный коробок, одним словом, вредители.

Зоя немного озябла и, оставив Володю, пошла на кухню начистить картошки для ухи. Вспомнила о вчерашнем впечатлении от прочтения им, как он выразился, поэмки. Захотелось ещё раз послушать живой шум Чёрного моря, крики чаек. Зоя сходила за диктофоном. Нажала на кнопку "Плэй" и спохватилась. "Ах да, плёнка же закончилась". Вынула кассету и поставила её другой стороной. И снова включила диктофон.

Медленная и величественная мелодия заполнила тесное пространство кухоньки. Зоя мгновенно вспомнила её. Эта музыка звучала в машине родителей той девочки. Мелодия просто божественная. Она так взволновала Зою, что та слушала её, забывая дышать. Мелодия представлялась ей большой гордой птицей, кружащей среди гор в предгрозовой сини. Но вот птица устала и села на одну из вершин.

"Дядя Володя, – неожиданно раздался голос девочки, – это моя любимая мелодия: "Адажио" Альбини. Я дарю её тебе. Помни обо мне". Раздался звук щелчка. Затем послышался шорох торопливых шагов, и снова голос девочки:

– Здравствуйте, дядя Володя.

– Здравствуй, Верочка, – ответил голос Владимира.

– А я пришла прощаться.

– Грустное известие.

– Уезжаем прямо сейчас. Еле уговорила маму. Сказала, если сейчас не остановитесь, сбегу в дороге.

Володя рассмеялся.

– Ты не уговорила, а вынудила сделать это. Нельзя так, Верочка.

– Я знаю. Но уехать, не увидевшись с тобой, я не могла. Дядя Володя, я дарю тебе этот диктофон с записью одной мелодии, и не вздумай отказываться. Кладу тебе в карман, позже послушаешь.

– А я и не собираюсь отказываться. Кстати, и тебе есть подарок. Держи.

– Вот это да! – воскликнула девочка. – Профессиональный?

– Говорят, что да. У него в комплекте есть и выносной микрофон. Послышались несколько кнопочных щелчков и звук поцелуя.

– Делаю первую запись. Спасибо, дядя Вова.

– И тебе, Веруня, спасибо. Как я понял, ты с мамой всё конфликтуеть?

– Да. Она постоянно унижает меня. И вообще, она жестокая.

– Верочка, хочешь знать, что я об этом думаю?

– Да.

– Ты мне поверишь, что я честен с тобой?

– Я тебе верю больше, чем кому-либо на свете.

– Ну, так слушай, девочка. У плохих и жестоких матерей очень редко вырастают хорошие, способные к любви и состраданию дети. Сейчас она ведёт себя, как любая растерявшаяся мать: ревнует тебя ко всем, и больше всего на свете боится потерять тебя.

– А чего ей бояться? Я уже большая.

– Верочка, о том, что ты выросла, знаешь пока только ты. А мама нервничает оттого, что не поймёт, что же изменилось? Ведь ты, если вдуматься, снова впадаешь в детство: ведёшь себя как строптивый ребёнок. Не правда ли?

– Не знаю.

– Ну, хорошо. Я тебе советую, сделай так, чтобы твоя мама заметила, что ты уже повзрослела, и вот увидишь – ваше непонимание исчезнет.

– Дядя Володя, но она и слушать меня не хочет. Всё психует и психует.

– Вера, а ты поставь себя на её место. Ведь то, что она сейчас видит, не понравилось бы ни одной из матерей: её родная кровинка целых две недели не отходит от безногого, в два раза старше её дядьки. Кого это не встретило бы? Разве что плохую мать. Так что ты уж не обижайся на неё.

Девочка глубоко вздохнула.

– Я помирюсь.

– Вот и молодчина. Это уже взрослый поступок.

– Дядя Володя, я никогда не забуду, что ты для меня сделал.

– Верочка, ты сделала для меня не меньше. Ко мне вернулась уверенность, что я живу не напрасно, понимаешь?

– Нет. Это всё равно меньше, чем жизнь.

– Чтобы ты не чувствовала себя уж слишком обязанной мне, я кое в чём признаюсь тебе. Но ты услышь об этом и сразу забудь. Договорились?

– Ладно.

– В тот день, когда меня потянуло выйти в море, я подумал – всё это неспроста. И на всякий случай у своего товарища оставил для одного человека письмо. Моря я не боялся – я тогда уже всё знал о нём. И потому грёб и грёб, пока не начал терять берег. Я не был уверен, что мне хочется вернуться. И в тот момент, когда наши с тобой жизни висели на волоске, мы встретились. Кто к кому был послан? Я лично не знаю.

– А я знаю: ты – ко мне. Это я звала, я умоляла кого-нибудь прийти ко мне на помощь! И ты один услышал, нашёл и спас меня.

– Однако же трудно тебя в чём-то убедить.

– Дядя Володя, ты думай что хочешь, но я уже давно всё решила: когда мне исполнится восемнадцать, я найду тебя и заберу к себе.

– Ничего себе новости! – воскликнул Володя. – Это ж надо придумать такое. Веруня, милый ты мой человек, теперь уж послушай и меня. Если когда-нибудь по какой-то минутной слабости я приму от тебя такую жертву, то, как только опомнюсь, тотчас покончу с собой. Обещаю.

– Ты что?! – с болью в голосе воскликнула девочка.

– ...Так что даже и не думай об этом. Выброси эти глупости из головы раз и навсегда. Смело влюбляйся в сверстника, выходи за него замуж и живи на радость себе и своим близким. Тогда и я за тебя порадуюсь.

– Дядя Володя, но я не смогу быть счастливой, зная, как тебе плохо.

– Верочка, ты меня прости, но трудности, пожалуй, самое последнее, что может огорчить меня в жизни. А моё счастье?.. Ты меня не спрашивала, но я уже влюблён в одну девушку. Кстати, тогда именно для неё я и оставил на берегу своё письмо.

– А она? Только, пожалуйста, не ври.

– Она?.. Ну, если честно, она без ума от одного ловеласа, буквально ослеплена им. И поэтому она больше никого и ничего не замечает вокруг.

– Как же это? – с отчаянием в голосе спросила девочка.

– Видишь ли, такое случается: сердцу ведь не прикажешь.

– Дядя Володя, а кто эта девушка?

– Одна моя знакомая. Её здесь нет. Уехала.

– Навсегда?

– Да. Навсегда.

– Она красивая?

– Очень. Но главное, душа у неё что родник: сколько ни пей – никогда жажды не утолишь.

– Ты тоже классный. Как она не почувствовала, что ты её любишь?

– Всё дело в привычке, Верочка. Эта девушка всегда видела во мне только больного. Да и я сам стал ощущать себя чем-то, за чем нужно присматривать.

– Зачем ты так, дядя Вова?

– Затем, чтобы не привыкать к этому жалкому состоянию. Я должен вернуть себе статус уважающего себя человека.

– Ты вернёшь его, я знаю. Конечно, вернёшь. Ты такой сильный, находчивый. Я помню, как ты меня спасал.

– Да, обязательно верну. Я настырный.

– Мне пора, дядя Вова. А можно, я всё своим расскажу? Мне не нравится, что они плохо о тебе думают.

– Конечно. И помни: не я тебе жизнь подарил, а твоя мама.

– А ты?

– Ну, а я лишь помог тебе её сохранить. Будь счастлива, моя дорогая.

– И ты... Я так хочу, чтобы она вернулась и всё-всё поняла о тебе.

– А что? Вот возьмёт да и вернётся. Ладно, милая, до свиданья.

Приблизилось чьё-то горячее дыхание.

– До свиданья, – всхлипнула девочка.

– Береги себя, Веруня.

– И ты – себя.

Послышался удаляющийся шорох шагов. А дальше – шелестовое дыхание рощи, жужжание пчёл, птичий щебет. Приближающийся стук каблучков... и уже её, Зоин, голос: "Извините..."

«Боже мой, – прошептала Зоя. – Что же мне со всем этим делать?»

Подготовив всё необходимое для ухи, Зоя снова вышла к Владимиру. Они порыбачили ещё немного. А когда клёв прекратился, Володя смотал снасть, сложил удочку и выбрался на дорогу. И тут прямо перед ними останавливается проезжающий мимо "Москвич". Из него вылезает священник, невысокий бородатый, в тёмной приталенной рясе, и широкими шагами топаёт прямо к ним. Подходит и, улыбаясь откуда-то знакомой ей улыбкой, протягивает к Зое свои руки, берет её скулы в тёплые ладони...

– Ну, здравствуй, лягушонок.

И чмокает её в лоб. Рот у Владимира по-детски приоткрылся.

– Батюшка?... – едва справляясь с изумленьем, Зоя вглядывается в лицо своего школьного друга.

Геляев улыбается ещё шире. И она, как привычный отзыв на пароль, нерешительно шепчет ему:

– Привет... мандаринчик, – и целует его в щёку.

– Здравствуйте, сын мой, – подаёт он руку Некрасову.

– Здравствуйте, батюшка, – в некотором замешательстве отвечает тот.

– Будем знакомы: Анатолий – друг детства этой очаровательной дамы. Все школьные годы мы опекали друг друга как брат и сестра.

– Владимир, – коротко представился Некрасов.

– Вы не удивляйтесь нашему экзотичному приветствию – это всё школа. Как-то лет двадцать назад наша молоденькая учительница Любовь Николаевна спросила нас: какими сказочными героями нам хотелось бы побыть в течение одного дня. Мы с Зоей без особых претензий заявили, что она хотела бы побыть лягушкой-путешественницей, чтоб увидеть хоть что-нибудь новенькое, а я – китайским мандарином, мудрым и молчаливым.

– Какими же мы тогда были наивными, простодушными, – вспомнила Зоя.

– Да-да, – улыбнулся Геляев. – И всё же в какой-то степени мы осуществили свои намерения. К слову сказать, большая часть ребячьих кличек появилась у нас именно после того урока. Не так ли, Зоя?

– Да, Толя, всё так и было. Если бы ты знал, как я рада тебя видеть!

– Не сомневайся, знаю. Ведь я рад не меньше. Как-никак с выпускного не виделись. Мы с тобой так хорошо дружили, что даже странно, почему не наладили хоть какую-то переписку? Чем это объяснить?

– Я думаю, с раннего детства мы привыкли смотреть друг на друга глазами близких людей, почти родственников. И наше общение было настолько естественным, что мы не отдавали себе отчёта, насколько дороги друг другу.

– Пожалуй, – согласился Геляев. – Однако сыграла свою роль и моя ранняя женитьба. Она решительно пресекла все наши возможные отношения.

– Да. Так оно и есть, – заключила Зоя. – Но это всё в прошлом. А что будет завтра – всё в наших руках.

– В руках Господа, – уточнил Анатолий.

– Толя, ты зайдёшь к нам? Хотелось бы поговорить.

– Сейчас не могу – меня ждут на складе. Нужно кое-какие материалы получить, для ремонта церкви. А вот через часик заеду. Обязательно.

– Ну, хорошо, ждём, – обрадовалась Зоя.

– Не прощаюсь, – махнул рукой Анатолий, прыгнул в свой автомобиль и уехал.

– Любопытный характер, – задумчиво произнёс Владимир. – Ещё, по сути, ни о чём не говорили, а уже располагает к общению.

– Он с детства такой, – заметила Зоя. – С ним всем хотелось дружить.

Бабушка, узнав об ожидаемом госте, разволновалась. "Отец Анатолий приедет ко мне чай пить, а у меня и вареньица-то нет. Вот незадача". Её было просто не узнать: она словно помолодела. И пока не приехал Анатолий, всё суетилась: что-то вытирала и поправляла.

Батюшку встретили во дворе.

– Всё, располагайте мной. Да, забыл спросить: вы надолго?

– Мы проездом, – виновато сказала Зоя, – заехали бабушку проведать. Не завтра, так послезавтра надо уезжать. Только она так плоха, не знаю, как и быть.

– Печально всё это, – погрустнел батюшка. – А я, признаться, надеялся насладиться общением с вами. Ах, как бы мы заружили!

– Толя, и мне жаль, честное слово. Но хватит о грустном. Расскажи лучше, как ты стал священником? Увидела тебя – глазам не поверила. Ведь ты был, как я слышала, преуспевающим журналистом. И вдруг...

Отец Анатолий, приподнимая пальцами свои длинные тёмно-русые пряди, задумчиво сгрёб их на затылке. Медленно возвращая руку назад, он смешивал их с волосами своей густой округлой бороды.

– Видишь ли, журналистика – азартная сфера деятельности: ты стремишься влезть в личину то одного, то другого. Вначале, окунаясь в самую гущу событий, мне казалось, что я полнее познаю мир. Но однажды это ощущение исчезло. Чем глубже я проникал в психологию общества и особенно политической элиты, тем большее разочарование постигало меня.

Лицемерие, алчность, сатанинский энтузиазм, с которым они глумились над всем, что ещё недавно было свято для страны, опошление всего без разбора обескураживали. Они, каждый на свой лад, стали переписывать историю России, лишая её заслуженной славы. Помню, ещё подумал: сколько же иуд в моем несчастном Отечестве!

Вот тогда-то меня и потянуло в христианство. Библию заново не переписывают. Всё остаётся, как было. И тот факт, что в ней не устраняют противоречий, свидетельствует не о слабости её, а о достоверности. Ибо никто из смертных не в состоянии охватить своим умом необъятное. Это – книга книг, учебник христианской любви.

– И вы довольны своим выбором? – спросил Володя.

– Да, сын мой. Кто постиг, как сладко любить Господа, тот уже не отступится от веры. Вместе с верой во Христа ко мне вернулась и вера в людей. Я понял: избегать надо не их самих, но пороков, ими творимых. Господь согрел сердце моё теплом благодати своей, и в служении нашему Спасителю, в отличие от журналистской практики, мне ни разу не пришлось сожалеть о чём-то сделанном или сказанном мною.

– Анатолий, а где ты сейчас обитаешь и что у тебя за семья?

– Мой дом в Подгорном, служу иереем. Жена Елена. Двое парней. Живём хорошо, хотя и не без трудностей. Ну, а у вас как дела? – осторожно спросил Анатолий.

Зоя несколько сконфузилась.

– У меня пока всё без перемен: живу в родительском доме, работаю медсестрой. В июне мне довелось сопровождать Володю в санаторий, а вот теперь – из него. Ну, хватит нам тут секретничать. Пойдёмте в дом, а то бабушка заждалась.

СОВЕТ, КОТОРОГО ОНА ЖДАЛА

Войдя в комнату, батюшка перекрестился на образа, благословил бабушку. Чуть погодя началось чаепитие. Хозяйка потчевала гостя конфетами и финиками и жаловалась, что не была в церкви по причине нездоровья уже три года. Батюшка увещевал её не роптать на судьбу и уверял, что Господь в своих милостях её не оставит. Бабушка умиротворённо слушала отца Анатолия.

– Владимир, ну а как вы относитесь к вере? – вдруг спросил он Некрасова.

– С уважением, – ответил тот. – Но, к сожалению, сам ни во что не верю.

– К сожалению?

– Да. Ведь с верой и жить, и умирать легче. Это понятно.

– Но вы всё-таки ищете веры?

– Пожалуй. Но безуспешно. Восхищаясь чем-то совершенным, встречая хороших людей, думаю: Бог есть. Но видя несовершенство мира, царящие в нём произвол и несправедливость, делаю вывод, что его нет. Может, всё дело в том, что меня научили сомневаться, а нужных мне доказательств я пока не нахожу.

– Владимир, не вы, а лишь Господь может приоткрыть свою тайну. И чтобы уверовать в него, вам будет достаточно и одного его знака. А пока подумайте, много ли доказательств, и какие вы находите в том, что у человека есть душа и совесть?

– Мне в этом и не нужно никаких подтверждений. Я сам не раз ощущал укоры совести, когда ненамеренно обижал кого-нибудь, и сам чувствовал боль души, когда у меня на глазах гибли мои товарищи. В том, что есть совесть и душа, лично я не сомневаюсь.

– Хорошо. Вы в этом убеждены. А теперь, пожалуйста, поразмыслите: легко ли убедить в этом человека, который ни разу не испытал угрызений совести и не почувствовал в себе ни единого движения души?

– Вряд ли, – ответил Некрасов.

– Вот так обстоит дело и с обретением веры: вы не придёте к Богу до тех пор, пока сами не будете готовы к этому.

– Батюшка, – бабушка умоляюще сложила ладони на груди, – вы бы что посоветовали ему. Он ведь, сердешный, и во сне покоя не знает, всё воюет.

– Не волнуйтесь. За тем я и здесь, чтобы со всеми вами поговорить. И спасибо вам, матушка, за хлеб-соль. – Он поднялся из-за стола.

– И вам спасибо, батюшка, что угощением не погнушались. Вы приехали, и у меня такое просветление на душе, что плакать хочется. Храни вас Господь!

– Оставайтесь с Богом, – осенил он её крестом и вышел из дому. Зоя и Владимир последовали за ним. Солнце только набирало силу. Розовый куст так и манил к себе. Они подошли к нему, оперлись о забор и залюбовались цветком. Бледно-розовые лепестки, ещё влажные от росы, источали такой тонкий и нежный аромат, что они, вдыхая его, улыбались от счастья.

– Когда я вижу такое безукоризненное, непогрешимое творение природы, – нарушил молчание Владимир, – я удивляюсь несовершенству человеческой души. Если и то и другое создано Богом, почему цветок тысячелетиями остаётся источником чистоты и наслаждения, а душа человека – причиной всех его бед?

– Потому что душа подчинена воле человека. Бог, создавая его по своему подобию, оставил ему полную свободу воли. И в том, что мы не можем правильно распорядиться этой свободой, и часто используем её во зло, виноваты только мы сами. Бог здесь ни при чём.

– Знаете, батюшка, я не могу забыть эту проклятую войну ни на один день. И почти каждую ночь мне снятся однополчане в свои самые трагические минуты. Снятся и совершенно чужие мне люди: то незнакомый солдат с остановившимся взглядом и остывающей на губах улыбкой, то наполовину придавленное бетонной плитой крохотное тельце девочки, то вытащенные из горящего дома обожжённые старики.

И ещё мне снится, как я с Виктором Мирошниченко, моим случайным знакомым, откапываю его отца, наспех похороненного знакомым чеченцем в воронке от снаряда. Это было в самом Грозном в одно из перемирий. Тут мы с Виктором и познакомились. Парень вернулся домой из Таганрога, куда увёз подальше от войны своих родных: мать, жену и двух дочерей. У них был собственный дом на Советской, напротив здания суда. В доме была всего лишь одна пробоина, а отец пропал.

Мы поспрашивали соседей, нашли очевидцев гибели отца и, наконец, раскопали его. Изуродованное тело было завёрнуто в одеяло. Виктор попросил меня поискать в левом кармане брюк отца документы – так было условлено. Там они и оказались. Но похоронить отца ни на одном из городских кладбищ нам не удалось, они оказались заминированными. И тогда мы похоронили его перед кладбищем, рядом с памятником.

Эти воспоминания давят на меня, взвинчивают нервы. Хочу забыть всё это, но не выходит. И ещё я нередко спрашиваю себя: как могут санкционировать убийства и разрушения люди нравственные? И не слишком ли часто у руководителей государств возникает необходимость в кровопролитии?

– Владимир, я вполне понимаю вас и сочувствую вам, – задумчиво произнёс Анатолий, – и будьте уверены, разделяю ваши сомнения и тревогу. Полагаю, что вера в необходимость решения вопросов военным путём у государственных деятелей должна быть такой же сильной, как у Авраама, готового принести в жертву собственного сына.

– Золотые слова, батюшка. Думаю, что у нас поубавилось бы "патриотов", если бы каждый голосующий за войну обязан был отправить на неё своего сына или внука. А нет таких – то и лично съездить в командировку.

– Вот с этим я согласен. Это бы заставило их чаще вспоминать о цене человеческой жизни. А по поводу ваших кошмаров у меня есть один совет: найдите себе такое дело, которое захватило бы вас безраздельно.

– Хорошо. Спасибо. Я что-нибудь придумаю.

Стало слышно лёгкое посвистывание ветерка. Все смотрели на розочки, доверчиво подставляющие горячим лучам свои атласные лепестки, и, находясь в плену их влажного упоительного благоухания, молчали.

– Между прочим, роза – символ молчаливости, – блеснула эрудицией Зоя.

– Вот оно что! – воскликнул Владимир. – А я в толк не возьму, почему мне так хорошо возле этого куста думается?

Зоя, понимая, что Анатолий вот-вот засобирается в обратную дорогу, пригласила его в сад за яблоками. Они подошли к яблоне. Анатолий ласково взял Зою за подбородок.

– Ну, что, лягушонок, если я не разучился угадывать твоё настроение: тебе уже не хочется путешествовать?

– Не знаю, – с отчаянием сказала она. – Понимаешь, мне нужно принять серьёзное решение, а я никак не отважусь. Ты мне поможешь?

– Конечно. Насколько я понимаю, речь идёт о Владимире?

– Да. Только я не знаю, что и сказать тебе.

– Это неважно. Вы давно знакомы?

– С середины зимы, – ответила она. – Он очень интересный человек...

– Я заметил. Очевидно, за это время вы многое узнали друг о друге и, по всей видимости, духовно сблизились. Я прав, Зоенька? – Она кивнула. – И ты, девочка, привезла его в родительский дом...

– Это случайно.

– Вряд ли. Думаю, все, кроме тебя, давно уже поняли, что ты привезла его на смотрины.

– Нет! Но... Федька так и подумал. И к Даниловым мы ходили вместе... Анатолий ласково потрепал её волосы.

– Вот видишь.

– А знаешь, Толя, – Зоя вздохнула, – я пыталась изменить ситуацию, хотела устроить свою жизнь иначе, но у меня ничего-ничего не вышло. К тому же Володя полон достоинств: чуткий, умный, решительный, словом, у него есть всё, что я искала в мужчине. У него всегда есть, чем удивить. Но если бы ты знал, Толя, как я панически боюсь, что однажды не выдержу трудностей. Я в таком смятении. Понимаешь, у меня до сих пор практически не было ни забот, ни серьёзных проблем. И вдруг такая ответственность.

– А ты, Зоя, не страшись: я уверен, Божие содействие тебе не изменит. И потом, не нужно особой пронизательности, чтобы заметить, что Некрасов так влюблён в тебя, что ревнует ко всем без исключения, – усмехнулся Анатолий. – А любовь питает души. Она для счастья – самое важное. Да и бабушка воспрянет духом. Она ещё и тебе поможет, вот увидишь.

– Спасибо. Прямо камень с души. А то сомнения одолели: сердце желает одного, а рассудок требует другого. Страшно ошибиться.

– А ты верь, Зоя, своему сердцу и мужеству Володи, и у вас всё будет замечательно. Я это чувствую.

– Хорошо. Спасибо, Толя. Мне стало чуть спокойней.

– Ну, тогда давай так, – сказал Геляев, – сегодня ты посоветуешься с бабушкой и поговоришь с Владимиром, а завтра около полудня я заеду к вам. Если вы решитесь, готов обвенчать вас хоть завтра. На всякий случай я приглашу своего друга с машиной.

Зоя молча уткнулась в плечо Анатолия.

Когда с пакетом яблок друзья вышли из сада, Володя внимательно посмотрел на них и чему-то улыбнулся. Прощаясь, Анатолий благословил всех и уехал.

Владимир укатил в сарай, а Зоя отправилась к бабушке. Она стояла на коленях под образами и молилась. Услышав шаги Зои, бабушка ещё два-три раза перекрестилась и, опершись о стул, с трудом поднялась.

– Ну, что, Зоюшка, проводила батюшку?

– Да, бабушка. Он велел спросить у тебя совета.

– О чём же это, внученька?

– Бабуль, Володю ты уже немного знаешь, что он, по-твоему, за человек?

– Так это сразу видно. Хороший он человек, добрый, уважительный, – ответила бабушка и ободряюще взглянула на Зою.

– Бабушка... я хочу выйти за него замуж. Что ты на это скажешь?

Лицо старушки осветилось улыбкой. Она подошла к Зое, непослушной рукой погладила её волосы.

– Ну и умница. Надумала-таки. Знаю-знаю, нелегко тебе это далось. Но я одобряю. И где же вы жить с ним собираетесь? – дрогнул её голос.

– Здесь, – ответила Зоя, – вместе с тобой.

Бабушка всхлипнула и судорожно обняла её.

– Спасибо, спасибо, тебе внученька. Слава Богу! – перекрестилась она.

– Бабушка, только Володе пока ни слова.

– Ну, конечно, милая, конечно.

Окончание следует.

КОНСТАНТИН СИТНИКОВ

ЖЕНА ПОМИРАЕТ

Рассказ

Врач Алексей Алексеевич Жуйко, психотерапевт старой закалки, остался в санатории на ночное дежурство. Это был высокий старик с короткой бородкой и насмешливыми серыми глазками. Чтобы скоротать ночь, он взялся отвечать на письма больных, которых когда-то лечил психотерапией.

«Наша медицина, – писал он размашистым почерком одному такому больному, – забывает приставлять к человеку голову. Она лечит желудок, печень, почки, а ведь все болезни от головы. Человек сам наяривает себе плохость, доводит себя до невроза, а потом горе-врачи назначают ему глицин или новопацит, вместо того, чтобы просто поговорить с ним. Уверен, любой невроз лечится словом и только словом...»

Вдруг Жуйко оборвал себя на полуслове и прислушался. По коридору приближались быстрые шаги. И вот – короткий сухой стук в дверь. Так во втором часу ночи стучать в кабинет дежурного врача могут только в одном случае –стряслась беда.

– Алексей Алексеевич, вы не спите? Там женщине плохо.

Вид у дежурной сестры был виноватый, недовольный и встревоженный.

Через минуту Жуйко уже размашисто шагал по коридору.

– Обратился муж, – торопливо рассказывала медсестра, семена рядом. – Я отослала его обратно, а сама за вами. Больной двадцать восемь лет. Со слов мужа, страдает хронической сердечной недостаточностью. Приступы два-три раза в месяц. Видимо, очередной криз.

– Посмотрим, – коротко бросил психотерапевт. – Далеко ещё?

– Да мы пришли. Вот, двести двадцатый.

Жуйко вошёл в комнату без стука, громко спрашивая с порога:

– Ну, что случилось?

Навстречу ему метнулся от постели плюгавый мужчинка в серой пижамке, с плаксивым личиком.

– Доктор! Жена помирает.

Ситников Константин Иванович родился в 1971 году в Тульской области.

Автор 2 книг. Живёт в Йошкар-Оле.

На скомканной постели громко стонала молодая женщина с закрытыми глазами. У нее была симпатичная розовая мордашка, искажённая гримаской боли. Женщина с трудом разлепила веки и обратила на доктора горестный взгляд.

– Ну, голуба, – обратился к ней Жуйко, присаживаясь на стул рядом с постелью и щупая у больной пульс, – что ж это ты помирать вздумала?

Как человек далеко за шестьдесят он имел привычку говорить большим «ты». Когда-то он был сельским, или, как он сам называл себя, земским врачом, а потому более-менее разбирался во всяких болячках, мог вырвать зуб и даже принять сложные роды. С минуту он сжимал запястье больной пальцами, глядя на часы. Потом сунул в уши рога стетоскопа и попросил мужчину расстегнуть сорочку на груди жены. Пульс и сердцебиение у умирающей были в норме.

Хмыкнув, Жуйко убрал стетоскоп.

– На что жалуешься? – спросил он больную.

– Сердце, – прошептала симпатичная женщина. – Совсем плохо.

– Слабость, утомляемость, одышка?

– Да, доктор.

– Давно?

– Давно уже, с юности.

– С юности, говоришь, – недоверчиво повторил Жуйко. – А личико у тебя, голуба, розовое. Хорошее личико. Не бывает при сердце такого личика. А, что скажешь?

Женщина молчала.

– Ну, а началось у тебя это как?

Вместо женщины ответил муж.

– Это я во всём виноват, доктор, – вздохнул он. – Как мы поженились, я ей дня продыху не давал. И готовить-то, и стирать, и полы мыть – всё ей приходилось. Вот и надорвалась, бедняжка. Й-эх, кабы я знал! Да теперь-то уж поздно! Загубил я её!

Он сокрушённо замолчал, тоскливо глядя куда-то на край постели. Больная, по-видимому, была во всём согласна с мужем.

С минуту Жуйко молчал, думал.

– Вот что, – сказал он наконец. – Никакой сердечной недостаточности у твоей супруги нет. Пульс нормальный. Отечности, синюшности в конечностях не наблюдается. Здоровое у тебя сердце, голуба, и помирать тебе нету никакого резона.

Женщина удивлённо нахмурилась и, казалось, даже обиделась.

– Как же нету, – сказала она, – если плохо мне?

– А это ты, голуба, сама себе плохость наяриваешь. Два-три раза в год, говорите, у неё приступы? – повернулся Жуйко к сестре, выжидательно стоявшей в дверях.

– В месяц.

– Ах, в ме-есяц, – не то сочувственно, не то насмешливо повторил Жуйко. – Оно и понятно. Такая нагрузка! И полы-то мыть, и щи-то варить. Небось, ещё и за детьми приглядывать заставляет, изверг.

– Нет у нас детей, доктор, – сказал мужчина. – Нельзя ей, слабенькая она.

– Нельзя?

– Нельзя.

– Точно нельзя?

– ???

– Ну так бросай её к чертям собачьим, – предложил вдруг Жуйко, подмигивая медсестре. – На что тебе такая жена! Ни носки постирать, ни мужа обласкать!

– Ну, это вы тоже, доктор... как-то того, – растерялся мужчина. – Вы лучше сделайте что-нибудь. Видите, плохо ей. Укол какой-нибудь...

– Укол – это можно, – согласился Жуйко. – Только ведь не поможет.

– Как так не поможет? – забеспокоился мужчина.

– Не поможет, и всё. И вообще, – Жуйко хлопнул себя по коленям и поднялся, – щадить я вас не буду, скажу прямо: медицина здесь бессильна.

– То есть как бессильна? – ещё больше забеспокоился муж.

– А так, – спокойно проговорил Жуйко. – Готовьтесь к худшему.

Муж охнул. Больная воззрилась на доктора с испугом и удивлением.

Жуйко продолжал, обращаясь к женщине:

– Видно, придётся тебе, голуба, таки помирать. Ничего не попишешь. Только вот какое дело, голуба. Помирать-то оно, конечно, хорошо. С другой стороны, сама подумай, сколько хлопот ты мужу доставишь. Гроб покупать надо – раз. И не простую домовину, тут цинковый нужен. Везти тебя домой на самолёте – два. Опять же расходно... Да и нам сколько неприятностей! Но делать, видно, нечего. Помирай!

Муж наконец опомнился.

– Как так помирай? Вы что, доктор, сбрендили? – Он так и кипел от возмущения. – Вы лечить должны, а не «помирай!» говорить.

– Да что я могу поделать, – оправдывался Жуйко, – если медицина бессильна? Самое большее, что я могу, это дожидаться наступления кончины и выписать свидетельство о смерти. Это я сделаю – извольте.

Он снова сел на стул и приготовился ждать.

Но ждал он не долго. Видя, что женщина не собирается помирать, он дёрнул её за рукав сорочки:

– Ну, чего не помираешь? Взялась помирать, так помирай уже. Некогда мне тут сидеть, рассусоливать с тобой.

– Что вы меня торопите, доктор! – возмутилась женщина. – Не могу же я вот так, по вашему заказу, взять и помереть.

– Почему не можешь?

– Ну, я не знаю... помереть как-то так, ни с того ни с сего...

– Как это «ни с того ни с сего»? У тебя же сердце больное, – напомнил Жуйко. – У тебя же приступы два-три раза в месяц!

– Ну и что? Разве может человек вот так взять и помереть?

– А чего ж не может? Ты же помираешь. Вот и помирай. Ручки на груди сложи и помирай с богом.

Жуйко взял её руки и сложил на груди крест-накрест, но женщина с негодованием раскинула их в стороны.

Жуйко снова сложил, женщина снова с негодованием раскинула.

Так они боролись несколько минут, пока оба не покраснелись и не запыхались. Теперь окончательно стало ясно, что умирать молодая женщина не собирается, по крайней мере, сегодня. От румянца её симпатичное лицо стало ещё симпатичней, просто красивым. Это заметил даже муж.

– Ну, посмотри, какая у тебя жена красавица, – сказал ему Жуйко.

– Тебе бы с ней детишек нарожать, да побольше. А тебе, голуба, я вот что скажу. Брось ты это дело – помирать! Своей смертью ты ещё лет сорок не помрёшь. Это я тебе как земский врач говорю.

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

«ЭТА ПАМЯТЬ, КАК ПРОВОД
ПОД ТОКОМ...»

Й

Тайком,
    урывками,
        украдкой,
Но всё-таки любовь была,
Как буква странная – «и краткое» –
В названии Йошкар-Ола.
Она и страстная, и кроткая,
И невесомая, как дым,
И по звучанию короткая,
Как миг, что неостановим.
Он и горькая, и сладкая,
И уводящая за край,
Действительно, такая краткая,
Как слово грустное «прощай».
И в память краткого прощания
Такой далёкою весной –
Твой город странного звучания
С «и краткой» буквы прописной.
Душа моя, молитвой вычисти,
От грешных чар обороня,
Его природное язычество,
Заворожившее меня.
Я не хочу гневить Всевышнего,
Переходить в тоске на крик:
Чтоб ничего не брякнуть лишнего,
Леденчик суну под язык.
Смогу за новыми утратами
Припомнить прежние дела
И радостно во рту раскатывать:
Йошкар-Ола,
    Йошкар-Ола...

Фокин Валерий Геннадьевич родился в 1949 году в Оричевском районе Кировской области. Автор более десяти книг, в том числе книги прозы. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской литературной премии им. Н.А. Заболоцкого и межрегиональной премии Василия Шукшина. Живёт в Кирове.

УЧИТЕЛЬ

«В начале было Слово...»

Я позволю себе,
я позволю –
 Попрошу я, умерив свой пыл:
 «Отпусти мою душу на волю», -
 Как Учитель у Бога просил.
 Превозмог он смиренную долю,
 Из последних немислимых сил.
 «Отпущу свою душу на волю» -
 Сам решил он.

И сам отпустил.

Я замру от нахлынувшей боли
 По своей бесприютной душе,
 Только что же ей делать на воле,
 Если сил не осталось уже?..
 Помогают стихи Кузнецова –
 До сих пор я учусь у него.
 Но спасает лишь Божие Слово –
 То,
 что стало Началом Всего.

ДОТ

При обсуждении моих стихов в поэтическом
 семинаре Юрия Кузнецова на ВЛК
 одна поэтесса съязвила:
 «Фокин – вечный солдат,
 не созданный для мирной жизни, -
 он всю ночь будет дот строить,
 чтобы утром было куда грудью бросаться.»
 На что Юрий Поликарпович философски вздохнул:
 «А что их строить – их и так хватает...»

Ночь темна.

Хоть я вздыхаю тяжко,
 Только ты не торопи рассвет,
 Ведь на свежестиранной рубашке
 Ни единой пуговицы нет.
 Но однако спьяну или сдуру,
 Или с горя, кто тут разберёт,
 Чтобы грудью лечь на амбразуру,
 Я себе ещё дострою дот.
 А затем на миг замру у дота,
 Как герой решающего дня.
 Только в доте нету пулемета,

Да и нет гранаты у меня...
Рано не буди меня, подруга,
Ран вчерашних зря не береги
И пришей мне пуговицы не туго –
Легче рвать рубаху на груди.
По утру без трепета и страха
Я шагну решительно вперёд...
Почему же вся в крови рубаха?
И откуда лупит пулемёт?!

КЛЯТВА

Были тучи, как из стали,
Папа был. И я при нём.
И глядел товарищ Сталин
На сиротский детский дом.
На линейке все стояли.
Рядом с папой я стоял.
Клятву мальчики давали.
Клятву девочки давали.
Папа клятву принимал.
В клятве все слова знакомы.
Я всегда был в курсе тем –
Сын директора детдома,
Хоть и маленький совсем.
Рядом папа молодой.
Он с войны пришёл живой.
Не погиб он на войне.
Повезло.

Ему.

И мне.

Я рождён под мирной сенью.
Год седьмой после войны.
Утро. Праздник. Воскресенье.
Воскресение страны.
Мы тогда ещё не знали,
Сколько ждёт нас в жизни бед.
А на папиной медали
Всем знакомый силуэт.
«Я клянусь, товарищ Сталин...»
Бьют вождя в селе сломали,
Чтобы не было следа.
Но на папиной медали
Он остался навсегда.

КРУГОВОРОТ

«Не делай добра,
не получишь зла»
Народная мудрость

Сожму кулак, да так, что хрустнут пальцы.
Когда я злой, то ты меня не тронь.
Хоть было трудно, всё же я пытался
Не бить в ответ, а протянуть ладонь.
Не выношу я шёпот за спиною,
Упрёки мне, когда не при делах.
Уж лучше пусть молчание стеною –
Порой спокойней в четырёх стенах.
Таится взрыв в молчании неброском,
Я стал мудрее, хоть ещё не стар:
Когда я в детстве занимался боксом,
Меня учили, как держать удар.
И всё-таки тогда ещё – со школы
Сумел я осознать наверняка:
Страшнее не удары, а уколы,
Особенно когда исподтишка.
И уж совсем мне пакостно и туго,
Когда товарищ лупит наповал.
Когда-то я держал его за друга,
Да вот, похоже, сам не удержал.
Нет, я не злюсь, но я понять пытаюсь
Обид и бед сплошной круговорот,
Когда, подобострастно улыбаясь,
Вчерашний враг мне руку подаёт.
Я парадоксы разгадать не чаю,
Мне в жизни на ответы не везло,
И потому, когда я отвечаю
Добром на зло –
то получаю зло...
Прощу я всех,
и всё-таки запомню,
Как вздрогнут вдруг, преодолая страх,
Перед моей протянутой ладонью
Заклятый друг
и закадычный враг.

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО МОНОЛОГА

Нелепы, как посмертные румяна,
бумажные венки казённых фраз.
Из жизни мы уходим слишком рано,
зато так долго помнить будут нас.
Всю жизнь мы убегали от печали,
как от тюрьмы и нищенской сумы.
И если б нас так больно не пинали,
наверно б, меньше спотыкались мы.
Цветы должны расти не на могиле -
им надо небо с четырёх сторон.
Слова,
    что мы при жизни заслужили,
скажите нам до наших похорон.

АЛЕКСАНДР ТОКАРЕВ

ПАШКИНА ДОРОГА

Повесть

1

«Шанхаем» обитатели двухквартирных бараков прозвали старую часть Игарки. Некоторые из бараков «поплыли» на вечной мерзлоте, по-варнацки окосев на один бок. Чернели они под стеклянным от морозной лютости небом, и жители их были такие же скособоченные, кто – телом безруким, безногим, кто – душой. Почему-то любили в «Шанхае» замерзать у собственного порога. Выйдет, шатаясь, мужик в свой остывший двор, встанет у жёлтой наледи, намёрзшей на одинокий столб, а там взглянет на пронзительные звезды да на зелёный тусклый след полярного сияния, и то ли тоска его возьмёт, то ли удаль. Пойдёт мужик с песнями на дорогу, повинуюсь, может быть, памяти, генной линии, идущей от лихого Есмень-Сокола – озорника с кистенём. А на обратном пути не рассчитает мужик свои силы, уткнётся мёрзлой ряхой в тот же столб да там и заснёт. Ладно, приятель выйдет – жизнь друга спасёт, пусть и без руки тому жить придётся...

По «Шанхаю» всегда бродили слухи. «Слышь-ка, позавчерась у Стукалова, пока он был в отсутствии, тещу топором зарубили за пять рублей!» – торопилась сказать юркая на морозе бабка такой же калёной подружке. «Без тебя знаю, слыхала уже! – отстреливалась та и выкладывала свою версию: «Не зарубили, – испыряли ножами, страшно смотреть. Сорок раз били!..»

Висели над этой негромкой жизнью сизые туманы, скулила метель, краснели морозы за пятьдесят, когда плевать, что стеклом кинуть, а в домах-бараках жили люди, приехавшие когда-то с материка заработать денег, да так и оставшиеся по привычке в непростых этих местах. Кто-то ещё по сталинской статье лямку тянул, а по отпущению приписанных грехов, не смог уже вернуться к прежней жизни.

Токарев Александр Владимирович родился в 1959 году в Йошкар-Оле. Автор 2 книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Йошкар-Оле.

Они уезжали навсегда. Так сказала мать. Терпение её лопнуло, когда посеревший от запойной безысходности отец, то ли всхлипнув, то ли хохотнув, швырнул гранёным стаканом в них, сжавшихся на постели. Стакан, ударившись о стену, рассыпался осколками на старом ватном одеяле вместе с крошками штукатурки. Так же рассыпалась и прежняя жизнь.

В скудном мире небогатых людей свой уголок и твёрдая зарплата значат очень много. И поэтому обещанная матери квартира, пусть и на краю света, да шальные по-северному деньги позвали их властно, не давая времени на спокойное раздумье. Они и не раздумывали: взяли самое необходимое и, таясь, не прощаясь с отцом, сели в поезд.

– Приедем, Павел, одену тебя, как куклу, конфетами закормлю-у!

Глаза матери, обычно тоскливые, светились сейчас ожиданием нового. Она тискала застеснявшегося Пашку и совала ему купленную в привокзальном магазине шоколадку. Пашка гудел, оглядываясь на путчиков:

– Чего ты, мам, маленький я что ли?

– Маленький, маленький ты мой! – легко смеялась мать.

И было простое счастье в том, что за окном вагона качались сосны, пухли сугробы, подрумяненные морозным солнцем, на столике позвякивали стаканы в подстаканниках, пахло душисто на весь вагон особенным поездным чаем. Пашке было уютно смотреть, как в стакане, растворяясь, исходят пузырьками куски рафинада. Он дул на чай и всё равно обжигался.

– Домой, наверное, едете, к папе? – доброжелательно улыбнулась женщина, которую Пашка назвал про себя директоршей за солидную полноту и взгляд поверх очков.

– ... Да-да, – не сразу ответила мать, и в глазах её мелькнула знакомая Пашке тоска. Он сразу возненавидел «директоршу».

От Красноярска до Игарки им пришлось лететь самолётом. Пашке, кроме как с кровати, летать не приходилось. Он смотрел на двухмоторный Ил-14, стоящий на бетоне, и не верил, что эта массивная на вид машина сможет поднять в воздух себя, их с матерью, людей, кучу чемоданов, загруженных в брюхо самолёта. У Пашки заныло где-то в районе желудка, как перед дракой или выходя к доске с невыученными уроками. Он затоптался на месте.

– Пошевеливайся, посадка идёт! – подталкивала Пашку мать.

Рядом вышагивал крупноносый бородач в унтах. Он, глядя на порозовевшую от мороза мать, компанейски хохотал и выговаривал Пашке уверенным тоном:

– Струсил, пацан, то-то же, Север не любит хлипаков! Но ничего-ничего, с такой мамой не пропадёшь!

Он снова захохотал, косясь на мать. Пашка снизу вверх смотрел на его раззявленные губы, смёрзшиеся в сосульки усы. Неожиданно для себя он огрызнулся:

– Сами вы трусил, хоть и большой!

Мать выдохнула:

– Как ты разговариваешь со старшими, сынок?! Не смей больше так!.. Вы только не подумайте, что он грубиян, – заторопилась она, обращаясь к бородачу. – Устал, парнишка, просидели с ним в аэропорту сутки. Всё погоду ждали.

Мать говорила тем же заискивающим тоном, что и перед пьяным отцом, и Пашка ненавидел этого толстомордого, как ту «директоршу».

Бородач напряжённо захохотал, темнея глазами и выплёвывая клубы пара:

– Правильно-правильно, пацан. В морду надо, в харю!.. Не кулаком, так словом, только так!..

Мать ускоряла шаг, подгоняя перед собой Пашку.

В салоне пахло почти как в поезде: чем-то душно-служебным, наверное, от полотняных накидок на креслах, истрёпанных сотнями людей. Квадратные оконца были полузадёрнуты обычными выгоревшими занавесками, и эта домашность как-то сразу расположила к себе мать. Она турнула Пашку с кресла и поправила накидку.

Бородач сидел на соседнем кресле через проход. «Знал я его... Что?! Да видали!..» – доказывал он кому-то рядом. Пашка показал кулак его затылку и, нырнув под руку матери, сунулся к окну.

За окном, чуть сзади, виднелось крыло самолёта с гладко зализанной в нём капсулой двигателя. Винт с четырьмя лопастями был беспомощен в не подвижности, но в мускульном изгибе лопастей чувствовалось предназначение рвать воздух.

– Лёха, дальше погоды нет, пусть раздаст пакеты!.. – слышалось со стороны кабины.

Принесли пакеты, о назначении которых Пашка узнал позднее, все заторопились, задвигались, возясь с ремнями. Винт двигателя повернулся и сразу куда-то исчез, слился с морозной дымкой, висящей над аэродромом. В ушах гукнуло от шума двигателей, самолёт качнулся, вырuling на взлётную полосу, потом, взревев ещё сильнее, начал разбег.

Пашку вжало в кресло, он вытянул шею, отыскивая землю, но она пропала. Смотреть туда было страшно. Борт самолёта казался слишком тонким, а за ним – бездна!..

Гул двигателей стал постепенно стихать, вязнуть в ушах. Это почему-то стало неприятно Пашке. Он сглотнул, в ушах пискнуло, словно прорывались мягкие заглушки, и вновь басово, на полную мощь запели моторы. Но уши закладывало с неумолимой периодичностью, и Паш-

ке надоело сглатывать. Он приноровился держать рот открытым, как на приёме у зубного врача. Это помогало.

Внизу тянулись леса с пролысинами заснеженных болот и озёр. Иногда самолёт накрывал своим гулом семейство лосей – несколько точек на ленте-просеке. Они метались на белизне снега и уходили в сторону. Наползали и пропадали в лесах маленькие деревеньки, редкие зимовья по берегам замёрзших рек.

Потом самолёт поднялся выше облаков, и седая дымка исчезла. В окна ударил солнечный свет, заголубело небо над пухлой поверхностью розовых облаковых полей. Это зрелище вначале поразило Пашку, он даже подтолкнул задремавшую, было, мать, но вскоре привык, устал от нежно-сладкой красоты, как привыкают ко всему, и сам засопел, уткнувшись головой в окошко.

Проснулся он от ощущения беды. Самолёт проваливался в пропасть. Мать сидела бледная и, уставившись в одну точку, тербила кофточку на груди, словно ей было душно. Увидев, что Пашка встрепенулся, она слабо повела рукой: «Спи-спи, сынок, легче...» Она не договорила и зажала рот. Самолёт подкинуло вверх, как на взлёте, и – снова пропасть!.. Потом его накренило, трягнуло. «Неужели мы падаем?! – шалея от страха, запаниковал Пашка. – Но почему никто не кричит? Нет, мама сказала бы, она знает...»

Пашка посмотрел по сторонам. Все сидели спокойно. Кто-то дремал, кто-то уткнулся в какие-то свёртки. Пашка узнал в них пакеты, которые принесли перед взлётом. Он понял... Дело-то обыкновенное, раз никто особенно не волнуется. Наверное, это и есть воздушные ямы, о которых упоминала ворчливая уборщица в аэропорту. Не каждый, мол, переносит это.

Страх прошёл. Осталась хвастливая пацанья гордость: взрослые оказались слабее его, Пашки, даже мама...

Он посмотрел туда, где сидел «толстомордый», как окрестил его Пашка. Того рвало мимо полного пакета. Пашка презрительно отвернулся.

Они где-то садились. Слышались тревожные голоса: «Дальше нельзя... Я не помню такой погоды... не первый год...» Потом всё же взлетали, и снова самолёт проваливался в бесконечность, выныривал и снова падал.

Бородач ушёл, шатаясь, в хвост самолёта и больше не показывался в салоне.

Вскоре самолёт свалился на крыло, делая круг над россыпью домиков-коробочек, над длинным, мутно чернеющим в сумерках островом посреди широченной стыллой реки. Земля набегала, укрупняясь в деталях. А потом забилась она живым пульсирующим телом где-то под брюхом самолёта.

«Приехали!..» - почему-то испугалась мать.

Выходили из самолёта, словно в полусне. В ушах ёкало, пищало, а в лицо Пашке ударил неожиданно тёплый ветер.

– Мама, это Север? – спросил он, не веря. Ему казалось, что они чудом вернулись назад в свой город, в февральскую оттепель, где сырое небо набухает над шиферными скатами домов, ночи светлы, и тенькает настойчиво в подоконник студёная капель.

– Север-север, сын, Игарка, – рассеянно говорила мать, вглядываясь в сумерки и, похоже, сама не верила в сказанное...

2

Они тоже поселились в «Шанхае». С обещанной квартирой, как это водится, пришлось подождать. Соседкой через стену у них была тётя Капа. Она жила с сыном Робертом – безруким инвалидом, красивым белоголовым парнем с нервными губами. Случалось, по любой пустяковине бросал он назад свои белые волосы и лез вперёд узкой грудью, выплёвывая матерщину.

Таким его Пашка увидел, когда Роберт, пропивший до копейки свою пенсию, с наскока бил тётю Капу розовыми культяпками и требовал «шайтан воды для разгону». Тётя Капа, отводя его жалкие огрызки толстой рукой, говорила ласково: «Уймись, шпана, не рви себе и мне душу...» Потом они вместе плакали и пили разведённый спирт. А Пашка, приглашённый тётей Капой на чай, боялся прикоснуться к чашке и варенью. По стенке-переборке бегали тонконогие тараканы. Тикали часы. Тётя Капа, отнеся пьяного Роберта в постель, сидела с Пашкой у жарко горящей печи. «Не бойся, – шептала она. – Он добрый, только вот непутёвый, задиристый, как воробей. Тяжело ему без рук. Жена его бросила, а теперь не пускает и детей к отцу повидаться. Он не сильно меня бьёт, придуряется больше», – извинялась за сына тётя Капа и подкладывала Пашке куски свежеиспечённого сдобного хлеба.

У матери что-то не ладилось с работой. Она возвращалась невесёлая и замёрзшая. Пашка собирал на стол, и они пили чай с окаменелыми сушками. Вечера начинались почти сразу же за мутными рассветами и поэтому тянулись долго, нескончаемо. Пашке казалось, что весь мир погрузился в сонный зимний вечер, и жизнь вокруг замерла.

В один из таких вечеров к ним зашёл Роберт.

– Разрешите? – спросил он казённо, уже войдя и стукнув локтем в косяк.

– Пожалуйста, Роберт, заходите, присаживайтесь.

Роберт, стараясь не выказывать культяпок, сел в кухоньке на табуретку.

– Вы извините, Нина Александровна, я всё гляжу: вы скучная ходите не один день. Думаю, найду, узнаю по-соседски, в чём беда? Я ведь здесь в этом клоповнике всех знаю, кого с детства, а с кем по делу позна-

комился, по прошлой службе. Все пьют и взять не побрезгуют, кишка-то у них имеется, извините за грубость. В общем, не стесняйтесь, выкладывайте начистоту.

Мать растерялась.

– Ну, чем вы мне поможете, Роберт?

Они заговорили о чём-то Пашке непонятном. Слышно было: «Главбух?.. А-а, этот... Что вы думаете, он святой?.. Завтра же позвоню, всё будет нормально, рыбку он ест, не беспокойтесь...»

Потом Роберт, дёрнув рукавом, словно заканчивая разговор, решительно предложил:

– Всё, Нина Александровна, договорились. А сейчас давайте-ка за знакомство, для души... у меня есть. Возражений не принимаю! – замолтал головой Роберт на протестующий жест матери. – Это будет не соседски. Тем более на улице люто и вы невеселы. И ради бога, не подумайте, Нина Александровна, я не алкаш какой-нибудь!

– Нет-нет! – замахала руками мать. – Я и не думаю, просто я не пью, совсем... Если только вам составить компанию...

Мать, нерешительно взглянув на Пашку, достала банку тушёнки, нарезала хлеб. Подумав, нарезала кольцами лук, полила его маслом.

Роберт молча наблюдал за ней. Потом подозвал к себе Пашку.

– Ну-ка, парень, как тебя?.. Павлуха? Загляни сюда.

Он показал кивком на оттопыренный карман.

Пашка достал из кармана бутылку коньяка.

– А теперь сюда... – Роберт показал на другой карман. Там лежал газетный свёрток.

– Разверни, – приказал Роберт.

В свёртке оказались крупно нарезанные куски жирной розовой рыбы.

– Озёрную семужку не пробовали, Нина? – спросил Роберт, любуясь сочным пластом рыбьей мякоти.

– Не приходилось...

– Ну, вот и попробуем заодно, не зря, значит, пришёл.

Он придвинулся к столу.

Мать достала рюмки, открыла винтовую пробку. Налила полную рюмку Роберту, себе – на донышко. И со страхом смотрела на Роберта. Тот резко, до появления вдавли, сжал рюмку культишками и опрокинул её в рот. Так же он ухватил и вилку. Закусив ломоть рыбы, он принялся его пережёвывать, добираясь зубами до самой жиринки у брюха.

Вскоре мать заалела, перестала обращать внимание на руки Роберта. Они о чём-то говорили, спорили, возвращаясь к теме работы.

Пашка попробовал рыбу и, удивляясь её нежному вкусу, вьелся не на шутку, облизывая жирные пальцы.

Рядом стукнуло. Пашка, дёрнув от неожиданности головой, увидел опрокинутую рюмку, пятно жарко пахнущего коньяка на клеёнке.

Мать, прижатая Робертом к стене, с ужасом и то ли с гадливостью, то ли с жалостью в глазах пыталась оттолкнуть его. Тот, хрипя и алая нервными скулами, культёй резко рвал её кофточку, добираясь до груди.

– Роберт, опомнись-опомнись, прошу тебя! – высоко кричала мать.

Пашка головой вперёд бросился на это распалённое безрукое существо. Скрипнула на зубах плотная ткань, прорвалась и уступила место тому, что легко поддавалось и сочилось кровью. Потом он молотил куда-то кулаками, а на его плечи уже жёстко опустились холодные культы Роберта. Сжали и ослабили...

Тётя Капа была Роберта по-бабьи, но тяжело, обрызгиваясь кровью и плача.

Уводя сына, крикнула матери сломавшимся голосом:

– А тебя... Тебя кто сюда звал, чистая?!

Ночью на «Шанхай» упала пурга, о которой синоптики говорили ещё за неделю. Ветер, срываясь с наметённых снежных гребней, нёсся разгульно вдоль улиц, бил в окна настойчиво и сухо, выл в расчалках антенн.

Пашка, прижимаясь к матери, слышал, что где-то вторят ветру, то-скливо, страшно, тонко. Может быть, ему казалось?..

3

С утра мать и тётя Капа разводили слёзную мокреть на кухне, смешно кивая друг другу головами в знак сочувствия. Они как бы соревновались в этом торопливом сочувствии. Была неловкость и недосказанность в женском горестном разговоре.

Пашке надоело их слушать. Он вышел во двор и поразился мягкой тишине. За ночь намело не сугробы, а целые горы снега. Дома уютно попыхивали печными дымками из этих снеговых гор, сравнявших крыши с гребнистой целиной. Кое-где уже протаптывались узенькие дорожки – люди прошли ещё потемну на работу. Над селением зависло серо-розовое небо.

Метель принесла короткое тепло, по-видимому, с далёкого, но могущественного океана. Радуюсь теплу, пушистые северные лайки-хаски и такие же пушистые беспородные дворняги спали на снегу, уткнувшись носами в хвосты.

Бесцельно бродя по улицам, Пашка вышел к маленькому одноэтажному магазинчику. Около него стояли какие-то измятые личности, коих предостаточно везде, разве что, наверное, за исключением щепетильной иноземной стороны.

Но, словно подчёркивая местный колорит, отличие от прочих мест, к магазинчику лихо подлетела оленья упряжка. С нарт поднялся шустрый коротконогий старик с тёмным вываленным лицом. Он быстро оглядел разношёрстную публику маленькими глазками и что-то отры-

висто крикнул в меховую кучу, лежащую на нартах. Куча шевельнулась, и оттуда испуганно вынырнула женщина. Поправив чёрные волосы, она стала отсчитывать деньги из кожаного кошель. Старик сердито крикнул и, вырвав кошель из её рук, пошёл в магазин, раскорячивая ноги в оленьих унтайках. Вслед ему заголосила женщина, ей вторила тоненьким подголоском такая же черноволосая девчонка, юрко, словно зверёк выглянувшая из той же меховой кучи.

Пашка смотрел на оленей. Они ему не понравились в своём естественном неоткрыточном облике: безрогие, с потёртостями на округлых боках, какие-то маленькие... Олени испуганно топтались на снегу и отрывисто фыркали.

Вскоре в дверях магазина показался старик с ящиком водки в руках. Сверху лежали какие-то свёртки. Женщина и девчонка заголосили ещё громче, а измятые фигуры у магазина оживились: «Эй, братуха, плесни каплю на излечение, голова бо-бо!.. А-а, идол деревянный, дождёшься от него!..»

Старик сел на нарты, ловко открыл бутылку и приложился нетерпеливо к горлышку. Потом, оглядев заблестевшими глазами невольных зрителей, повторил процедуру, цокнул языком, погрузил водку и продукты на нарты, и так же лихо унесли олени это странное семейство в белую бескрайность, где люди жили привычной им жизнью, не зная другой.

Пашка от нечего делать зашёл в магазинчик, и ему сразу же бросилось в глаза крупно написанное на ценнике – «ананасы мороженные». Вот тебе и край земли!..

Ананас Пашке довелось есть только один раз в жизни. Пах он свежей клубникой и ещё чем-то неземным, как тогда показалось Пашке. Он вгрызался торопливо в сочные ломти, обрамлённые жёсткой рифлёной шкурой, от соприкосновения с которой потом чесалось вокруг рта. И завидовалось ему тогда искренне рекламному белозубому негру, висящему на стене в спальне, который, наверное, ел ананасы каждый день: на завтрак, обед и ужин. По крайней мере, Пашка делал бы именно так на его, негра, месте...

Этот рекламный плакат с негром подарил Пашке один лётчик, нередко приходящий к отцу. Лётчика по утрам трясло, начиная с пальцев и кончая бровями, щеками и уголками рта. Выпив, он преображался и начинал рассказывать необычные истории, вначале нервно и сбивчиво, а с выпитым – уверенно и интересно. Голос его переставал дрожать, тело из дряблого становилось плотным и осанистым. Пашке казалось невероятным, что этот слабый человек, подверженный пагубной страсти, может управлять самолётом. Но, как потом выяснилось, он был не лётчиком, а штурманом, видел сквозь фонарь кабины и чужое небо, разрывы зенитных снарядов и дымные следы «Стингеров». Тогда предпочитали молчать об этом, но штурман часто был пьян и не сдержан на язык.

(Позднее, во времена афганской войны, он совершал полеты с грузом «200» и где-то сгинул. То ли сбили его, то ли пострадал за свой язык...)

Пашке нравилось, когда к отцу приходили охотники. Они увлечённо говорили о собаках, ружьях, дичи. Слушая их, Пашка словно втягивал ноздрями дым костров, чувствовал холод студёных осенних рек, слышал тоскливый крик гагары над озером. Он любил рассматривать фотографии, на которых были люди в брезентовых плащах и ватниках, увешанные патронташами, подсумками и прочей охотничьей снастью. От фотографий, казалось, пахло кислым пороховым дымом.

Однажды они с отцом были на разливе. Мутные воды с шелестом неслись мимо затопленных берёз и дубов. Весь мир был залит влажной тишиной, свежестью проталин, горечью оживающей коры и запахом сочащегося берёзового сока. Сок стекал в банку по аккуратно вырезанной в коре ложбинке. Пашка смотрел на ленивые капли, падающие в банку, и, не выдержав, пил то небольшое сока, что успевало скопиться. Отец, смеясь, доставал точно такую же банку, но наполненную до краёв. Они пили сок. Где-то осторожно крякала утка. Отец, прижав ладони ко рту, подражал её кряканью, но утка испуганно смолкала. Отец конфузился, и они смеялись, а потом ехали домой на старом мотоцикле и пели какие-то непонятные громкие песни, каждый свою, стараясь перекричать рёв двигателя.

После таких поездок отец, словно спохватившись, начинал заниматься с Пашкой по утрам зарядкой, и тогда они вставали чуть свет, голышом бегали по комнате, размахивая руками. Отец кряхтел, выжимая гири. Вспотевшие, они стояли под холодным душем, от струй которого Пашка старался уклониться, ознобиво пищал и ёжился, покрываясь гусиной кожей. Растёртый докрасна полотенцем, он наполнялся удивительной лёгкостью и страшно хотел есть. Они сидели на кухне и ели прямо со сковородки шипящую глазунью, посыпанную зелёным луком.

Все ушло, осталось там, в заснеженном сейчас городке, где на ветвях рябин пыжились красногрудые ухари-снегири. Ушло и то, о чём не хотелось вспоминать. Позади остались ночи без сна, спешная готовка уроков в подвале при свете запылённой лампочки, и то невыносимое ожидание, когда время словно прессовалось в тягучий страх.

Вначале было ожидание. Когда в окна заглядывала ночь, мать надевала на Пашку старую шубку, готовясь уйти, и они смотрели, как на улице давится сырым снегом февральская метель. А потом во входную дверь ломилось тяжёлое тело, и вместе с его ударами начинала нервно трястись пружинная кровать под матерью. Пашка прижимался к матери и знал, что сейчас взовьётся клокочущий пьяный крик, отец, распшвыривая вещи, закрипит половицами, и шаги его будут приближаться к ним... Вот сейчас...

Пашка замер от привычного, всплывшего откуда-то неожиданно ясного страха, словно не было долгих дней дороги, временной протяжённости, в которую уже успели войти новые люди и события, плохие и хо-

рошие. Он мотнул головой, отбрасывая наваждение, и снова уставился на витрину.

– Ананасы едят! – почему-то буркнул он, ни к кому не обращаясь.

– Чего тебе, мальчик? – небрежно кивнула продавщица из-за прилавка.

– Так... Ничего...

– Ну, иди тогда, не вертись под ногами!

– Жалко вам?

– Иди-иди...

4

Пашку определили в школу, в четвёртый класс. Школа была деревянная, насквозь пропахшая остуженными сеньями и немудрёным столовским супом. Здесь так же, как и в той Пашкиной школе, носились по коридору пацаны, стоял на переменах нескончаемый гвалт.

«Это ваш товарищ. Его зовут Паша Лобов и с сегодняшнего дня он будет учиться в нашем классе», – кратко представила Пашку скучающе уставшая учительница с заживающими после обморожения пузырями на лице.

Она указала Пашке место за партой и принялась чего-то писать. Класс настороженно смотрел, оценивая новичка.

На перемене к Пашке подошли двое.

– Ну, Паха, давай знакомиться, – вроде бы миролюбиво посмеивался тот, что пониже.

– Ладно ты! – оборвал его второй.

Пашка из перешёптываний на уроке узнал, что его зовут Лысым, видимо, за просвечивающую сквозь светлые волосы розоватость.

– Пойдём, поговорим, – Лысый толкнул Пашку плечом.

Они пошли во двор. Пашка знал, что сейчас будет, и чувствовал лёгкую дрожь волнения и азарта. Всё было схоже: и эта учительница со скучным лицом, и это – «пойдём, поговорим», и даже двор был чем-то схож с тем, заваленным досками, двором Пашкиной школы, где частенько они, пацаны, выясняли свои отношения.

– Давай здесь, – остановился Лысый и сразу с разворота ударил Пашку в подбородок.

Потом они катались в снегу, задыхаясь от морозного воздуха и злобы. От Лысого пахло табачной вонью, он слабел и пытался отползти от Пашки, но Пашка в остервенении вдавливал его в снег. Сзади ударили. Пашка ткнулся носом в Лысого и ослеп от ударов, посыпавшихся на него с двух сторон.

– Ну-ка, отвали, шакалы! – крикнули где-то недалеко. Удары прекратились.

Пашка сел, отряхиваясь от снега и зажимая кровоточащий нос. Рядом с ним стоял Роберт.

– Ну, чего ты затылок-то подставляешь? – насмешливо кривился он. – Вот и завалил он тебя по-шакальи.

Пашка сплюнул кровью.

– У нас один на один принято, и сзади не бьют.

– Где это у вас? А-а, ты ведь с материка, с Луны, значит... Запомни, в жизни нет правил, здесь бьют, когда выгодно... – Роберт замер, словно прислушиваясь к себе. – Нет, Павлуха, наверное, ты прав, но затылок береги на будущее. Дойдёшь до школы?

– Дойду, – хмуро бросил Пашка и пошёл в класс.

Роберт смотрел ему вслед.

Пашка опоздал на урок. Во время звонка он ещё умывался, разглядывая в зеркале разбитую губу. Стукнув в дверь с табличкой «4-а» класс, он вошёл под пристальными взглядами своих новых одноклассников. На передней парте хихикнула девчонка.

– Так, – строго сказала учительница. – Начинаем с опозданий, Лобов? И что это у тебя с лицом?

– Упал, Маргарита Андреевна, – оправдывался Пашка.

– Упал?.. – учительница, пристально глядя на него, махнула рукой, садись, мол, и, поднявшись из-за стола, как-то непривычно просто обратилась к классу.

– Ну, что, ребята – детки малолетние... Как звери в лесу, да?.. Как в армии деда?.. Прописали новичка? Молодцы... Я знаю, кто это сделал, но не буду его при всех поднимать. Пусть потрудится и признается сам, иначе он трус. Нет желающих? Начинаем урок. Сегодня у нас с вами их два подряд получится, за пропущенные на той неделе из-за морозов. Так что я подожду.

Пашка никогда ещё никого не бил в лицо. Не били и его. Школьные драки, там, где он жил, походили больше на борцовские поединки, с тычками в грудь, подножками, вознёй на земле. Здесь же всё было непонятно, жёстко. И он, принимая эту жёсткость, решил драться по-настоящему. Нутром он понял, что если оставить всё, как есть, это повторится и будет ещё более унижительным, чем сегодня. Пашка, холодея то ли от страха, то ли от решимости, проигрывал в уме все варианты мщения. Вот он подходит...эта противная рожа рядом... Нет, он не знал, как бьют в лицо, но знал, что делает это.

На перемене Пашка подошёл к Лысому и, не выдержав томления, ударил его прямо здесь, у парты, целя в испуганно блеснувший глаз. «Ой-ой!..» – шарахнулись с визгом девчонки. На Пашку бежал низкорослый, уверенно замахиваясь и словно наперёд зная, что его испугаются. Пашка пнул низкорослого в колено. Тот, корчась, ушёл в коридор. Пашка отбросил руки Лысого и ещё раз ударил его в лицо, потом ещё и ещё... Он уже не мог остановиться. Что-то пробило в нём: Роберт, толсто-мордый, Лысый... Все они заодно! Бить-бить!..

Его оторвали. С прозвеневшим звонком в класс, хромая, ввалился низкорослый. «Убью, зараза, когда поймаю!» – прошипел он, опасливо сторонясь. Пашка усмехнулся.

За низкорослым вошла Маргарита Андреевна. Она привычно открыла журнал и быстро пробежалась глазами по классу. Остановившись взглядом на распухшей физиономии Лысого, она удивлённо вскинула брови и протянула, качая головой: «Я вижу, признаний не требуется, статус кво налицо!.. Извините за каламбур».

Её никто не понял.

После уроков за Пашкой зашла мать. Было уже темно. Мать закутала Пашке лицо, прикрылась и сама шарфом.

– Ну, как в школе? – глухо в шарф спросила мать.

– Нормально, – буркнул Пашка.

Они молча пошли домой. Скрипел под ногами сухой снег. В светящихся окнах была жизнь, там варили еду, смотрели телевизор. Пашка с матерью шли в выстуженную комнату, где их никто не ждал, кроме озябших тараканов.

У дома на скользком скате обочины кто-то барахтался, мыча и выкрикивая ругательства. Мать прошла было мимо, но, видимо, вспомнив, что на улице морозит не на шутку, остановилась рядом с пьяным. Это был Роберт. Он, не видя их, пытался забраться на скат, но падал и, не имея опоры в руках, скользил назад, вставал, карабкался обратно и снова падал. Его слепые движения напоминали конвульсии. Это было страшно, и мать не выдержала. Она подбежала к лежащему на снегу Роберту и запричитала, откуда-то верно взяв интонации плакальщицы: «Ох ты, горюшко, ну, чего вы, мужики, пьёте?! Ну, чего вам надо, пропойцам окаянным?!»

С этой же, наверное, тоской вековечно причитала женщина то над покойником, то над непутёвым мужем, измочаленным смертно в кабацком мордобое. Она подхватила Роберта под мышки и, натужно ойкая, попыталась поднять его. Пашка бросился помогать. Вдвоём они поставили Роберта на ноги и, придерживая, потянули к дому. Тот неожиданно ясно и осмысленно взглянул на них.

– А-а, это ты, королева?.. И Павлуха с тобой?..

Он запел, нарочито гнусавя: «Ну, и беда же с этой Нинкою, она спала со всей Ордынкою...»

Мать притянула Роберта за воротник и чётко сказала в его лицо:

– Пусть ты и хам, но я не брошу тебя здесь. Ты пойдёшь сейчас домой, проспнешься, а утром придёшь и будешь извиняться перед нами. Запомни это, Роберт!

Тот горько усмехнулся.

– Извини, королева... Я тебя не со зла так... Ты приехала откуда-то свежая и красивая, здесь таких нет...

– Ты их просто не видишь, – вставила мать.

– Может быть, – согласился Роберт и продолжал:

– Я знаю, что ты никогда не станешь моей и не только из-за рук. Ты могла бы пойти на эту жертву, ты любишь подчиняться и жертвовать, даже в мелочах. Помнишь, когда я предложил тебе, непьющей, за знакомство?.. Но я старый душой, хотя мне ещё тридцать пять. Я устал, и ты это чувствуешь, ты ведь умная, жалостливая. И сейчас ты меня жалеешь, убогого. Не надо, не возражай, Нина, Нина... – он остановился, словно вслушиваясь в звучание имени. – Ну, ладно! – Роберт досадливо тряхнул головой. – Что-то я рассопливился. Этак я о любви скоро заговорю, о первой... Ха!.. В общем, Нина Андреевна, завтра же идите в отдел кадров, там вас ждут. Причём, зная вашу душевную чистоту, обошёлся только дружеской просьбой, без подношений. Меня ведь ещё без рук уважают друзья-товарищи, волки драные... Что-то я опять, с ехидцей... Не слушай, Нина, меня, уркагана. Пойду-ка я домой, к маме. А насчёт работы – железно! И честно. Там всё честно... И прости, я сам...

Роберт осторожно высвободился и, рывком запрыгнув на обочину, пошёл домой, стараясь не качаться. Гулко хлопнула дверь, и всё стихло.

Мать, словно опомнившись, взглянула на Пашку.

– Ты почему здесь?! Бегом в дом! Холодина такая, а он стоит, разве-сил уши!.. Бегом, говорю!.. Затопи печку, сын, я сейчас...

Пашка высовывался потом несколько раз на улицу и видел, как мать, зябко постукивая ногами, ходила по двору и смотрела в светящиеся соседские окна. «Чего она? – думал Пашка. – Вон намёрзло на окна, всё равно ничего не разглядишь. А-а...»

Уходя в тепло, он недовольно стучал чайником, подбрасывал дрова в печь и размышлял о странностях взрослой жизни.

5

Однажды Пашка, уйдя в конец улицы, увидел белых куропаток. Они прилетели из лесотундры и безбоязненно расселись на обочине дороги. Здесь «Шанхай» кончался, а дальше тянулись бугры, покрытые щетиной невысокого леса.

Куропатки вертели пушистыми головками, словно совещаясь, потом резко поднялись на крыло и растворились в сумеречной белесости воздуха. «Хрусть-хрусть!» – звонко давился под ногами снежок, и было Пашке хорошо оттого, что видел он куропаток, и уходящий день тих, словно дома, где не счесть за зиму таких коротких неярких, со снежком дней. Дома...

Нахлынуло и ударило сладкой болью видение, яркое до того, что скользнула по щеке неожиданная слеза. Ведь были же те утро и день... Шкворчало что-то вкусное на сковородке в кухне, негромко посвистывал уходящей волной старый ламповый приёмник. Сквозь помехи прорывалось: «Летят перелётные птицы...» Ватное одеяло, подоткнутое

по краям, хранило ленивое тепло. Ох, и зябко же выныривать из этого тепла на остуженные сквозняком крашенные половицы!.. Нет, лучше ещё поваляться! А потом к Пашке склонилось смеющееся лицо отца, пахнущее дымным морозом и свежестью крема после бритья. «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» – пророкотал он, и сильные уверенные руки вытянули Пашку из постели. Смеялся за окном зимний день, в инистых ветвях старой берёзы не зло переругивались галки, улыбалась мать. А потом были субботние блины с вареньем и катание с гор!

Страшно и отчаянно-радостно лететь с горы на лыжах! Снежная пыль осыпала лицо, стремительно приближался трамплин-бугорок... «А-а!..» – скользкий накат горки уходил из-под ног, и небо переворачивалось. Падать не больно, но всё равно не знаешь, смеяться тебе или плакать?

На горке – отец и мать, молодые, румяные от морозной ядрёности и оттого, что просто хорошо. Вот они поехали вниз, взявшись за руки, упали!.. Смешно, взрослые, а как дети в снегу барахтаются!..

А потом был вечер, топились титан в ванной, потрескивая коротенькими полешками и давая живое вкусное с дымком тепло. После бани они ели пельмени и...отец пил водку. Мать время от времени бросала короткий взгляд на бутылку, была такой же радостной внешне, но в её глазах уже появлялась покорная тоска...

Нет, было утро и день... Вечера не было, не было!..

Пашка шёл по заснеженным улицам и глотал слёзы. Ему было томительно приятно чувствовать себя в этой ностальгической тоске, как нередко бывает приятно растревлять свои обиды и желать себе смерти понарошку, ненадолго, чтобы увидеть отчаянье и слёзы злючки-матери, отшлёпавшей своего ребёнка, можно сказать, не за что... Велика беда, котёнка учил плавать в ванне?..

В этом расслабленном состоянии Пашка вернулся домой.

Мать сидела перед зажжённой настольной лампой и смотрела на почтовый конверт, лежащий на столе.

– Пришёл? – рассеянно спросила она, не глядя на Пашку. Потом, словно решившись, мать протянула руку к конверту, вскрыла письмо и забегала глазами по строчкам, размашисто и валко лежащим на тетрадных листах. Лицо её выражало смесь испуга, растерянности и какого-то радостного удивления.

Наконец мать отложила письмо и неуверенно спросила Пашку:

– Тебе будет интересно, сын, узнать, что пишет нам отец?

– Папка?!

– Да, он каким-то образом узнал наш адрес. Наверное, через тётю Веру... Так читать?

– Мам, читай-читай! – Пашке было удивительно, что настроение дня тесно связывалось с весточкой из дома, от далёкого и несчастного,

как теперь казалось Пашке, отца. Время уже оказывало на него своё сглаживающее, нивелирующее действие, оставляя в памяти только хорошее.

– Так я читаю... – мать нахмурилась, как это нередко делают читающие вслух, и начала: «Здравствуйте, дорогие мои! Здравствуй, моя хоро... – она споткнулась и продолжала, перескочив, по-видимому, дальше. – Здравствуй, родной сынишка Павел! Знаю, что не обрадуетесь моему письму и понимаю причину этого. Может быть, вы и правы, уехав, оборвав всё сразу, без церемоний. Это поступок. Прошло время, и я начинаю понимать цену тому семейному теплу, что окружало нас, и незаметно, тихо жило в нашем доме, пока я не срывался. Приходя сейчас в пустую квартиру, я вижу вас: тебя, Нина, и моего Пашку вихрастого. Вы только что были здесь, даже штора колыхнется от ваших шагов. Я обхожу комнаты и нахожу вас. Я ставлю чайник на плиту и достаю варенье, твоё любимое, вишнёвое, Нинок... И жду... Я знаю, что вы сейчас войдёте, и мы будем пить чай втроём. Ты помнишь, Нин, как это было? Мы пили чай. Пашка выгрызал у блина его сердцевину, намазанную вареньем, и смотрел в дырку. Ты притворно сердилась, а мы смеялись над котёнком Стёпкой, который лапами залезал в блюдце с молоком.

Паша, я ходил недавно на охоту. Принёс двух матёрых русаков. Один из них оказался профессором. Я бегал за ним четыре часа и распутывал его петли. Ты знаешь, что он, хитрец, выдумал? Пробежит круга два – и в сторону дорожку протаптывает, вроде бы лечь собирается. А потом вернётся осторожненько по своим же следам и как прыгнет вбок метра на три, да норовит всё в кусты попасть. Попробуй-ка, найди!.. Ну, это ещё ладно, это мы проходили. Так ведь он, этот русак-«профессор» что придумал!.. Видит, не получается у него схитрить, и понёсся он на дорогу! Чешет по укатанной колее и следов не оставляет. Только чёрточки от когтей кое-где проглядывают. Хитрый заяц попался, но не перехитрил он меня.

Живу я, Паша, хорошо, работаю. Скучаю по вам, но, надеюсь, всё образуется, уладится. Ты, Пашка, прости меня. Водка душу выела. Что-то я в жизни не понял из-за неё, проклятой! Взрослые ведь тоже учатся, бывает, и всю жизнь. Ты только верь и знай, что у тебя есть отец, и люби, жалея маму!

Нина, пить я бросил. Врать не буду, что совсем, но пока держусь. Тяжело мне без тебя и не только потому...»

Мать остановилась.

– Здесь, Паша, тебе неинтересно будет, а дальше отец пишет, чтобы мы забыли плохое и вернулись домой. Вот и всё...

Они молчали. За окнами темнело. Скребились где-то мыши, бегая по деревянным перекрытиям. Каждый думал о своём и только ему близком. Мать тягостно застыла взором на последних строчках письма. А Пашке виделась их небольшая квартирка, там, далеко; отец, курящий

на смятой постели и вслушивающийся в смех детишек, строящих во дворе кривобокую снежную бабу. Там, наверное, падает сейчас на осевшие сугробы крупный сырой снег.

6

К весне они переехали в «новый город», брезгливо сторонящийся «Шанхая», но соединённый с ним пуповиной асфальтированной дороги. Между «шанхаем» и «новым городом» прятался в мелколесье «северный городок», где жили вербованные, работающие сезонно на лесокомбинате. Там эти перелётные рабочие собирали в «пакеты» ценную ангарскую сосну, которая потом уплывала в края далёкие, заморские. Взамен умный иностранец присылал второсортную жратву и яркие тряпки.

Среди вербованных были люди, отмотавшие не один срок, а то и поныне бывшие в бегах, без паспорта. Не спрашивали особенно придиричиво здесь бумажек – работай, главное. Но по ночам в городке играли в карты, говорят, и на людей, пили по-чёрному и дрались на ножах.

В «новом городе», куда переехали Пашка с матерью, было спокойней. Здесь жили люди оседлые, с семьями. Они горбатились на восемь «полярок» – ощутимую прибавку к зарплате за восемь северных лет, чтобы уехать на материк с хорошими деньгами, а затынет, и оставались до последнего своего часа в обжитом, но неласковом краю.

В этот год смерть, как всегда, собирала свою дань. Тонули в Енисее нелепо. Пашке рассказывали, что промышляющие рыбу сетевики нередко налетают на льдины. Дело-то ночное, тёмное. И, якобы, есть ещё и донный лёд. Коварно отрывается он от дна, чтобы поддеть моторку, как щепку. Пашке не верилось в эти сказки. Откуда бы ему, льду, взяться у дна? Морозная-то лютость вся наверху. Но верь не верь, а хоронили в сезон на Енисее кучно...

Задремал Пашка однажды в яркий полдень, и приснился ему дурной сон, словно в комнате есть кто-то, тяжело и страшно смотревший из угла незрячим взором. Вынырнул Пашка из кажущейся реальности видения, а на другой стороне улицы, у двухэтажного деревянного дома, человека провожают в последний путь. Утонул, как потом говорили... Жутко стало тогда Пашке от такого совпадения: не он ли, утопленник, лежащий в закрытом гробу, приходил во сне?.. Тётя Капа рассказывала, что сорок дней душа человеческая прощается с родными местами, приходит, бывало, с шумом и стуком в дверь и окна. Верить ли?..

Пугала суровая енисейская вода Пашку, поражала равнодушием, с которым она забирала людей, но тянула к себе неотступно. Как-то поутру убежал он, не спросясь, к Енисею. Не в порт, где много соляры на воде, дымных запахов и резкого металлического шума, а к простору, по которому гуляла нестеснённо ледяная вода.

Утро пахло инеем. Со стороны дальнего берега напоздали резко очерченные холодно-серые облака. Оттуда же приходил и ветер. Пашка

мёрз, тряся от резкой ветряной закрути, но твёрдо решил дойти до гравийной косы, которая выползала из каменистого берега. На косе чернела согнутая фигура.

Поскальзываясь на камнях, Пашка приблизился к человеку и устоялся на него со спины. Тот неторопливо выбирал из воды леску. Потом приостановился и, не оборачиваясь, прогудел насмешливо:

– Ты так мне телогрейку просверлишь глазищами, странный ты человек!

– Почему странный? – удивился Пашка.

Незнакомец обернулся, смеясь немолодым лицом.

– Это у меня присказка такая, не придирайся. Иди-ка лучше сюда да садись вон на брёвнышко. Не переносу, когда за спиной сопят.

Пашка уселся поодаль.

Незнакомец приговаривал, вытягивая туго поддающуюся леску:

– Так-так, странный ты человек, мо-о-й ты, сидеть тебе на якоре, не сойти!..

У берега плеснуло, ударило о воду что-то длинное и чёрное, потом выволоклось на леске и змеей поползло по камням.

Пашка подпрыгнул, сунулся, было, в сторону под негромкий смешок знакомого.

– Чего это? – косился Пашка .

– А это, братец, ценный пищевой продукт и сильная красивая рыба – енисейский налим! – приговаривал рыболов, забираясь рукой в самую глубь плоской змеиной головы. Налим, почти в полроста знакомого, тяжело бил его по сапогам плоским хвостом с бахромистыми длинными плавниками. Он весь блестел от слизи, покрывающей его тёмно-пятнистое тело.

Незнакомец взял тяжёлый голыш и оглушил налима резким ударом по голове.

– Вот так... – он с трудом выдернул из глотки налима здоровенный тройной крючок, бросил рыбу в полиэтиленовый пакет и пошёл мыть руки.

Пашка подошёл к воде и, глядя на то, как незнакомец смывает кровь и слизь с пальцев, спросил, передёргиваясь:

– Больно ему было?

Рыболов поднял на Пашку неяркие умные глаза и осторожно ответил:

– Больно, сынок, всем больно, и корове, и курице, и свинье... Ты, наверное, любишь котлетки свиные?...

Пашка покраснел.

А незнакомец продолжал:

– Как тебя величают?.. Паша? А меня – дядя Ваня. Познакомились, значит... Так вот, Павлуша, странный ты человек, верно ты мыслишь, но и мясной жарёхой не побрезгуешь, нет ведь?.. Вот все мы так, пока

дело до своего желудка не доходит... Не обижайся, не обижайся, возьми-ка лучше плащ, укройся. Вон на камне лежит... А то скоро сам станешь карасём мороженым...

Пашка надел поверх куртки просторный, с запасом, брезентовый плащ и почувствовал, как тепло, накапливаясь под плотной тканью, приятно легло на спину и живот.

Они ходили по берегу, проверяли снасти, снимали чёрных ледяных налимов.

Потом дядя Ваня торопко засобирался.

– Мне, Павлуша, на службу пора. Совсем я с рыбалкой о деле забыл. Дежурю я здесь у складов, – пояснил он. – Вон на берегу теплушка, видишь? – дядя Ваня показал на маленький вагончик, прилепившийся к дощатым сараям. Из крыши вагончика торчала тонкая жестяная труба.

– Там я и обитаю, Паша. Может, чайку со мной попьёшь в тепле? Вон ты сморщился как, посинел. Пойдёшь?

Пашка с радостью согласился.

Они карабкались по крутому берегу, а к самой верхотуре Пашка даже вспотел, запыхтел из-под жёсткого плащевого ворота.

Дядя Ваня только посмеивался:

– Вот так-то, Паша. А я по этому косогору, странный ты человек, каждый день, бывает, корячусь, и не по разу. Знаешь, как греет, лучше печки! И жирок не копится лишний. Давай-давай!..

В вагончике было сумрачно и сыро.

– Сейчас, Пашок, дадим жилого духу, – приговаривал дядя Ваня, подкладывая в печурку берёсту и мелкие щепки. А Пашка озирался вокруг, привыкая к сумраку.

Вспыхнула берёста, озарив спокойное лицо дяди Вани. Затрещали колотые поленца, и сразу же пошло тепло от прогревшихся тонких бочков железной печурки.

В вагончике стоял старый канцелярский стол, видимо, из какого-то кабинета, железная кровать с досками вместо сетки. По стенам тянулись полки со всякой всячиной. У окна на тумбочке стоял старый приёмник с разбитой панелью, точно такой же, какой был у них, там, дома, в Пашкином раннем детстве.

Дядя Ваня, перехватив его взгляд, крутанул ручку, и приёмник, сипя, замурлыкал что-то тихое.

– Работает, дружок. Вот с ним и живу здесь. Больше-то никого у меня нет. А ты, Паша, где обитаешь? Судя по всему, приезжий ты. У нас в Игарке ведь много приезжих. Всё больше вербованных, на лесопакеты с ангарской сосной. За границу отправляем, а скоро и себе не останется... Так приезжий ты, Паша?..

– Приезжий, дядя Вань. В новом городе живём, а вначале в старом жили, у тёти Капы.

– У тётки Капы? Это у которой Роберт безрукий?

– А вы его знаете? – насутился Пашка.

– Знаю-знаю, милоч. Хороший был человек.

– А почему был?

– Долго рассказывать, Паша. Давай-ка мы с тобой вначале по чаям ударим. Вот так!..

Он снял с печки фыркающий чайник и разлил по гранёным стаканам густой чай, пододвинул блюдце с колотым сахаром и печеньем.

– Вот ты спрашиваешь, почему был?.. – заговорил негромко дядя Ваня, дуя на чай. По его лицу, распаренному печным и чайным теплом, потекли струйки пота.

– Водка, она, странный ты человек, никого лучше не делает. Роберт одно время общественным инспектором был, не давал житья этим, которые за килограмм рыбы запросто человека на дно отправят с камнем на шею. Ох, и шерстил он их, Павлуша!.. Но и жить давал человеку, которому рыба заместо хлеба. Сам понимаешь, на Енисее жить и мойву в магазине покупать?.. Смешно... Главное – не пакостить, не брать лишнего, иметь совесть в этом деле. А то вишь, выдумали чего, промысловики: на озёрах тропы мороженными налимами вместо вешек отмечают. Кумжа, мол, рыба, а налим – не рыба... Не рыба?!

Дядя Ваня, горячась, засуетился, словно вспомнив о чём-то.

– Извини, дружок, главное-то я, старый, и забыл. Ухой тебя угощу, правда, вчерашней, но аромат она ещё не потеряла.

Он поставил на печку котелок и снова сел рядом с Пашкой.

– Так вот, Павлуша. Ничего не могли сделать с Робертом жлобы эти. Ни подкупом, ни угрозами не добились они для себя льготы. Не спал Роберт днями и ночами, а жизни не давал толстомясым с казёнными машинами да взрывчаткой дармовой... Они же, как последний день живут: всё под себя, а там – будь что будет. И стреляли в Роберта, и подстилали ему своих продажных женщин, деньги подкладывали – всё вскрывалось. Да только не оправился Роберт, когда беда пришла. Жена его, измотанная беспокойной жизнью, предала парня и ушла к другому. А тут и друзья эти подползли, шайка-лейка во главе с главбухом...

– Главбухом?.. – вспомнил Пашка.

– Да-да, с ним, с Полозовым Семёном Кузьмичом. В трудную минуту, мол, выручим друга... И выручали: водкой да спиртом, пока парень совсем голову не потерял. Оттого и рук лишился. Обморозил, пока в сугробе лежал. Не отрезали бы, мог и голову потерять. Вот так...

Дядя Ваня взялся за уху, обжёгся, и, морщась, замотал головой.

– Сейчас, Пашок, попробуешь моей баландеи. Вот печёночка налимя, едал?.. Нежна, как маслице!..

Он выложил в большую тарелку дымящуюся налимяью печень и залил её золотистым бульоном.

– Настоящая уха, сынок, без картошки готовится. Рыба да вода, ну, можно ещё лучку бросить да листика душистого, – вкусно рассказывал дядя Ваня, добавляя в тарелку здоровенные куски отварной рыбы.

Пашка с жадностью набросился на уху, а дядя Ваня посмеивался:

– Вот так! А то – налим не рыба...

Потом Пашка часто приходил на берег перед складами. Дядя Ваня разрешал ему проверять снасти, наживлять их, брать и добычу, если попадалась без него.

На косу иногда прибывало льдины, и Пашка приноровился кататься на них, ловко балансируя по скользкой поверхности льда. Это он делал без дяди Вани, который ругал его нещадно за такое озорство.

В этот раз льдина зацепилась за самый край косы. Пашка, дойдя до льдины по мелководью, прыгнул на неё и оттолкнулся коротким шестиком. Обычно льдины проходили залив за косой, гонимые течением, а потом утыкались в берег залива. Но сейчас льдину как-то круто развернуло и быстро поволокло от берега. Пашка растерялся. Дальше – стремнина, если туда попадёшь, понесёт, как в трубе!

Пашка заметался, глядя на уходящий берег. Льдина просела и, треснув как раз под ногами у Пашки, разломилась надвое, и он очутился в пронзительной стыни, быстро охватывающей всё тело. Пашка едва успел крикнуть, как его накрыло чёрной поверхностной плёнкой воды. Он с трудом вынырнул и снова закричал, отчаянно, смертно...

Ему ответили совсем рядом. Пашку кто-то крепко ухватил и потянул к берегу. Он скосил глаза и увидел Роберта. Тот, держа зубами ворот Пашкиной куртки, остервенело работал ногами. Берег приближался.

Потом они шли по мелководью. У Пашки вырвалось нелепое: «Ранец там... с дневником!..»

Роберт развернулся и кинулся в воду. Пашка опомнился, тоскливо ощущая причастность к тому, что сейчас может быть: «Роберт, миленький, не надо!.. Я просто так... Я... Не надо, Роберт!..»

Но тот уже плыл к льдине. От его ног шёл белый бурун. Роберт догнал льдину и, рывком перекинувшись на неё, ухватил зубами ремень ранца, сполз и поплыл обратно. Его сносило течением. Потом голова Роберта исчезла под водой, вынырнула, снова исчезла и больше не показывалась...

Роберта нашли ниже километрах в трёх. Он зацепился одеждой за арматуру, торчащую из притопленной бетонной плиты. На его лице застыло странное спокойное умиротворение, казалось, несовместимое с Уходом...

В этот год смерть, как всегда, собирала свою дань...

7

Лето пришло в Игарку с непривычной для Севера духотой, цветущими жарками на зелёных енисейских берегах и еврейским шлягером «Семь-сорок», который вечерами гремел из окон небольшого ресторана...

чика, углом расположенного на перекрестье улиц рядом с Пашкиным домом. Вместе с барабанным «трам-там-там-там-там-там-там...», шипением тарелок и цыканьем «хэта» голосила что-то неразборчивое и не в такт захмелевшая ресторанный братва. От многоваттного бумканья бас-гитары и топота тряслись окна.

Солнце отказалось заходить. По ночам оно висело над близкой лесотундрой, красное и злое, словно на иллюстрациях в фантастическом романе. На пустынных улицах лежали длинные тени.

Пашке первое время не спалось. Когда ни открой глаза, в окна всё глядело утро, а, может, и вечер спустился на город. От этой неразберихи Пашка не высыпался. Потом всё прошло, но началось что-то новое, чего Пашка стеснялся. Это новое в нём заметила соседка Антонина – молодая большегрудая девушка с влажными насмешливыми глазами. Встречая её, Пашка терялся и старался не смотреть на её крупное тело, словно выпирающее из одежды. Самые глубокие вырезы в платьях были у Антонины.

Однажды она встретила Пашку на общей кухне и тронула его щёку пальцем с колким перламутровым ногтем: «Хотимчики повылазили, Павлуша. Пора-пора, мальчик...» И прошла мимо, тряско перекатывая полными ягодицами под тонкой юбкой.

Об Антонине много говорили в доме № 8, где жил Пашка. Игривость её поведения бесила всех добропорядочных коммунальных женщин, за глаза называющих её «артельной девкой». Сколько было правды в бабьих кухонных разговорах – трудно сказать, но сцены ревности в доме не прекращались. «У-у, кобель бесхвостый, к Тоньке ходил?!» – зачастую несло из какой-нибудь двери вместе с треском и звоном посуды, а потом и сам «кобель бесхвостый» вылетал из комнаты.

Валька с первого этажа рассказывал про Антонину иногда такие вещи, в которые Пашка отказывался верить. Тот захлёбывался словами: «...она ходит к этому, и они там...» Чего там – было понятно только на словах.

Пашка увидел это в сквере у ресторана, где они с Валькой болтались без дела, просто так. На полуразбитой лавке, подперев голову руками, сидела Антонина. Вздрагивая всем телом, она громко и размеренно икала, словно задавшись целью разодрать себе горло этой страшной методичной икотой. Такой пьяной Пашка её ещё не видел.

Сзади затрещали кусты. Из них вывалились двое парней, подгулявших, по всей видимости, в ресторане. Они встали рядом и заговорили о чём-то своём, мутном, кабацком, облегчаясь по малости. Пашка с Валькой уселись поодаль и жадно вслушивались в бессвязный циничный диалог, впитывая и примеряя на себя эту разбитную взрослость, в которую им ещё предстояло войти. Парни их не заметили. Они были в том состоянии, когда мир для них представлялся цепью каких-то отрывочных и смутных побуждений, где любая шутка казалась оскорблением, и самое

главное в этой череде рефлексов – быть доминирующим самцом, быть сильнее и выше соперника. Этот инстинкт обычно подавляется воспитанием, трезвым расчётом, боязнью наказания и моралистским сюсюканьем, но движет всем и, высвободившись в горячем водочном наплыве, заставляет выдавливать друг другу глаза и брать за кадык.

Начало этому было уже положено: один из парней уже «зачокал», зацкал сквозь зубы тонкой струйкой слюны, бравируя натренированной блатной хрипотцой, и, возможно, утром кто-нибудь из них вспомнил бы отрывки-эпизоды из этого душного вечера, кривясь битой ряхой и пряча злобу на друга до следующего раза. Но тут парни заметили Антонину и, вначале замерев в пьяном неповоротливом удивлении, подошли и стыдно завозились на ней, перекрывая бранью её стоны.

Пашка видел не однажды, как по сырой весне, в гон, кобели с висячей слюной, скуля и остерегаясь, кто послабее, спаривались с суками, не обращая внимания на многолюдье вокруг. Но там было всё по-звериному честно, хотя...так же противно.

Вскоре после этого случая Антонина куда-то уехала, наверное, не выдержала шипения старух и участвовавших приставаний соседских мужиков-женатиков. В коммуналках слухи расходились быстро.

А потом начались летние каникулы. Дворы стали похожи на туземные лагеря. Пацаны вооружились трубками от лыжных палок, плюясь из них остро заточенными гвоздями-пульками с оперением из поролона. Гремели Большие велосипедные охоты на собак и кошек, шли бои между улицами. Топор войны пришлось зарыть после того, как одна пулька серьёзно повредила глаз сунувшемуся под «выстрел» малышу. Стрелки спешно прятали трубки, нередко доставая их уже из помоек.

Пашке крепко досталось от матери за испорченную совершенно новую куртку. Он вырезал из неё кусок поролона для оперения пульки. Примеряя, резанул, было, со стороны подклада, но пропорол куртку насквозь.

Получив трёпку, завершившуюся слезами матери, Пашка пулей вылетел из дома с трубкой в руке. Сунувшись за сарай, чтобы спрятать оружие, он натолкнулся на Тимоху из соседнего дома, курящего «бычки» в окружении своих шакалов – сборщиков мелочи с первоклашек.

– Во, давай-ка сюда! – Тимоха, широко расплывшись толстогубыми ртом, указал на трубку.

Пашка спрятал её за спину.

– Самому надо, – проямлил он, испугавшись произнесённых слов. Это было сродни самоубийству. Вовка Тимохин был старше, курил, бил жестоко каким-то особенным ударом снизу.

Тимоха, медленно наливаясь малиново-красным, переложил что-то из кармана в руку. Потом сверкнула молния, и на Пашку упал сарай, бревно, небо... В носу стало мерзко до тошноты. Пашка лежал у сарая, чувствуя унижительное бессилие и стыд, от которого не хотелось жить.

Тимохин неторопливо уходил. Пашка видел его толстую короткую шею с красной потёртостью от воротника. Шакалы ехидно оглядывались. Один из них – Ромка Дроздов из параллельного класса – издевательски махал Пашке его трубкой. «Я тебе припомню, ворона!..» – Пашка чуть не плакал.

Стыд за то...у сарая поселился в Пашке надолго. Ему казалось, что во всех дворах знают о его унижении, и стоит только выйти на улицу, как тут же послышится презрительное: «Слабак!».

Решение побить Тимоху, казавшееся вчера невысказанно дерзким, пришло к Пашке после того, как он прочёл книжку о легендарном боксёре-тяжеловесе Николае Королеве. Пашка начал заниматься по утрам зарядкой, вспоминая упражнения, которые ему показывал отец. Набив небольшой дерматиновый мешок песком, он колотил по нему кулаками, ойкая от боли. Потом он обмотал мешок толстым резиновым ковриком и стал надевать на руки зимние рукавицы. Дело пошло.

Однажды он решил, что пора... Подойдя к Тимохе, играющему за сараями в карты со своими друзьями, Пашка выдавил из себя, пытаясь унять дрожь в коленках:

– Отдай трубку, Тимоха!

Тот удивлённо поднял голову и, словно пытаясь что-то понять, щурился на Пашку светлыми, вроде бы сонными глазами. Потом они начали темнеть.

– Тебе ещё что ли надо, не хватило?

Тимоха лениво встал. Рядом захохотали дружки.

Через минуту всё было кончено. Пашка лежал, хлюпая разбитым носом, а Тимоха уходил, огрызаясь на истошный крик тётки Нюры со второго этажа.

Всё было безнадежно, стыдно, незыблемо. Тимоха не исчезнет из его жизни, сильный, уверенный себе, с противной красной потёртостью на толстой шее...

Утром Пашка пошёл в спортивную школу. В небольшом зале, пахнущем чем-то кислым, как в бане, висели большие кожаные мешки, чёрными блестящими каплями свисали с потолка боксёрские груши, чуть больше Пашкиной самодельной, были и совсем маленькие, с мячик. Посередине стоял помост, обтянутый толстыми канатами. Он был покрыт плотным материалом, на котором жаркими квадратами лежал солнечный свет, падающий сквозь большие окна, похожие на витринные.

Из маленькой комнаты вышел человек в спортивной форме.

– Тебе чего, пацан?

– Можно к вам...заниматься?

Человек внимательно посмотрел на Пашку.

– Побили что ли?

– Ага...

– Учишься-то как?

– Нормально.

Тренер засмеялся, хлопнув ладонью по мешку.

– Нормально это как?.. Ладно, приходи вечером к пяти, посмотри. Форму захвати, обычную, как на уроках физкультуры.

Пашка посмотрел на его кожаные мягкие ботинки с поперечными белыми полосками.

– А эти?..

– Эти тебе ещё рано, боксёрки заслужить надо. Принеси обычные кеды. Ишь ты, эти...

Он снова засмеялся, и от его лёгкого уверенного смеха Пашке стало почему-то спокойно. Всё образуется, он теперь верил.

Начались тренировки. Пашка и не знал, что можно заставить своё тело привыкнуть к таким нагрузкам. Все движения выполнялись без отдыха, в быстром темпе. «Бегом-бегом, не стоять!» – звучало резко. Пот лился, как вода из душа. Вот, наверное, и всё... Но это была только разминка. Потом – движение "челночком", бесконечные рывки левой-правой, левой-правой, «бой с тенью» и всё сначала.

Перчатки надели не скоро. Пашка ждал и боялся этого дня: лишь бы не опозориться, как с Тимохой. Перчатки были мягкие на ощупь. «Конский волос там, – щурился насмешливо Пашкин противник. – Не бойсь, сильно не обижу». Он был тяжелее и опытней Пашки. Больше в пару не нашлось никого. Бац! – словно поленом стукнули по голове. «Вот тебе и мягкие», – мелькнуло у Пашки.

– Чего, попало? – тренер улыбался. – А тебе как показывали? От бокового уходи нырком или подставкой руки. Работай-работай, Паша, да больше на улицах дерись!

«Чего это он? – думал Пашка, наливаясь злостью. – Дерись на улицах... В школе одно говорят, здесь другое!.. А-а, на, получай!»

Пашкин спарринг-партнёр упал на колено, ошеломлённо мотая головой.

– Вот так, Паша, молодец! Работай-работай!..

Пашка приходил домой с разбитыми губами. Утром он еле вставал, тело не слушалось, болело, казалось, нескончаемой болью. Но стоило сделать зарядку, как боль проходила.

Мать ворчала: «Что ты у меня за охламон, Паша! Чем ты занялся? Ведь последний ум вышибут в этой мордобойке! Посмотри на себя, весь в ссадинах!»

Пашка отмахивался, чувствуя, что втайне она не против.

Тренировки его захватили. Пашке нравилось красиво и плавно уходить от ударов, наносить резкие, как щелчок, точные удары. Нравился ритм тренировок, где каждая минута – борьба с собой, ленью мышц. Наградой после тренировок был освежающий душ, после которого ною-

щее от усталости тело становилось лёгким. Потом пацаны бежали к бачку с питьевой водой и жадно пили самую вкусную на свете воду, пусть и отдающую казённой бачковой затхлостью.

Пашка уже забыл о своей главной цели, ради которой он занялся боксом. Тимоху он встретил случайно, идя из магазина с буханкой хлеба. Тот стоял в окружении шакалов и чего-то рассказывал им, угодливо хихикающим.

Пашка хотел, было, пройти мимо, но его заметил Дрозд. Он что-то шепнул Тимохе и фыркнул. Тимохин обернулся.

– А-а, это ты. С хлебцем чапаешь... Пожуём. Вали сюда, суслик! Заодно и трубку отдам, ха!..

Пашка подошёл к Тимохе вплотную. Он положил хлеб на ящик.

– Ну, давай трубку, Тимоха...

– Сейчас дам, га-га!..

Хлоп! Пашка на долю секунды опоздал с уходом в сторону. Удар пришёлся вскользь.

Тимоха засопел и ринулся со своим коронным снизу, вкладывая в удар весь свой вес. Пашка видел всё это, как на тренировке, спокойно, успев удивиться примитивности действий Тимохи. Всё же на глазах... Он чуть сдвинулся в сторону и прямым встречным ударом вразрез всадил хрустнувший кулак в широкое лицо Тимохи. Тот остановился и сел. Пашка встал над ним.

– Ещё?

Шакалы притихли.

Утром Тимоха занёс в общем-то теперь ненужную Пашке трубку и, отворачиваясь, забасил:

– На, держи, дерьма-то. Покажешь, как ты меня завалил?

– Ладно...

8

Неожиданности бывают приятные и неприятные, это знают все. Но Пашка открыл для себя очень важное правило: если хочешь, чтобы неприятная неожиданность не упала на тебя, как снег на голову, продумай все её пакостные варианты. Никогда не будь уверен чрезмерно в успехе, именно тут тебя и подстерегает самая изощрённая гадость. Раздулся павлином, чуть-чуть загордился, расхорохорился – «да я!..» Тут и получи по носу.

Иное бывает, когда ищешь самого худшего и ещё гадаешь, с какой стороны тебя оноогреет? Тогда будет всё в порядке: ты найдёшь три рубля, дома тебя будет ждать письмо от отца, мать, наконец, купит тебе велосипед.

Пашка приноровился обманывать неповоротливое и, наверное, тёмное ЭТО, что висит над человеком с его рождения. Кто-то называет ЭТО

нечистой силой, кто-то – судьбой, а кто – законом подлости. Название ничего не меняет, но то, что ЭТО существует, убедился каждый. Правда, как заметил Пашка, не все подчиняются законам ЭТОГО. Есть люди, напролом лезущие вперёд, сотни раз повторяющие, что они самые-самые и что завтра, послезавтра и всегда у них будет – лучше всех. И точно, всё сходится! С одной лишь поправочкой: в пике их восхождения им может быть уготована ГАДОСТЬ из ГАДОСТЕЙ...

Пашка не принадлежал к этим любимчикам судьбы и поэтому пользовался своим правилом неукоснительно, особенно, когда был в чём-то виноват.

Сегодня он опять с утра пропадал на Енисее, так и не предупредив мать, а дело к вечеру.

Запыхавшись, он рванул дверь и замер: за столом рядом с матерью сидел тот самый толстомордый, с самолёта. Вот тебе и неожиданность! Нет, не все ещё козыри выложило ЭТО, и многовариантность гадостей ЕГО непредсказуема!

Пашка, иронично цыкнув, вошёл.

– Здравствуй! – бросил он на ходу, чувствуя, что нагоняя от матери не будет, тут что-то другое ждёт.

Толстомордый неодобрительно проводил его взглядом и ничего не сказал.

– Паша... – мать заметно волновалась. – Паша, познакомься, это мой начальник, главный бухгалтер треста...

– Главбух?! – поразился Пашка.

– Да... Семён Кузьмич. А что? – тревожно глядя на Пашку, спросила мать.

– Да так...

– Паша, – продолжала мать. – Ты уже не маленький, многое понимаешь, я смотрю, скоро и невесту приведёшь познакомиться... шучу-шучу! А если серьёзно... Паша, ты должен понять, что нам... то есть, тебе, необходим отец. Настоящий, сильный, непьющий. Мне, женщине, с тобой не сладить. Ты уже сейчас бываешь со мной груб, несдержан, а дальше чего же ожидать?

– Ну, что ты, мам?..

– Да-да, Паша, несдержан, груб, как в школе с учителями, и особенно с товарищами. Тебе нужен отец. А мне – сильный человек, помощник, муж, наконец...

Последнее слово мать произнесла тихо.

Пашка понял, что он никогда ещё не думал о матери, как о женщине. Понимание этого связалось с присутствием толстомордого. И тут только до него дошло с пронзительной отчётливостью: «Неужели это... будет его отцом и посмеет каждый день соваться в его, Пашкину, жизнь, прикасаться к матери?!»

Он молчал.

– Паша, ты должен меня понять, – мать заторопилась. – Нам с тобой очень трудно без мужчины в доме. Посмотри, как ты одет, Пашка, и я не могу, просто не могу одеть тебя лучше! Здесь всё так дорого!.. А на мою зарплату, сам знаешь... Ну, ты не молчи, не бычься, Паша.

– А чего говорить?

– Вот ты опять...

Мать растерянно оглянулась на толстомордого. Тот, скрипнув табуреткой, встал и заговорил, фальшиво бодрясь:

– Ну, ладно, Пашка, давай напрямую, ты же мужик...

– Я не мужик.

– Девка что ли?

– И не девка.

Толстомордый махнул рукой.

– Сама говори.

Мать подошла к Пашке и положила ему руку на голову. Он мотнул головой.

– А папка... как папка?!

– Ты же знаешь, Паша, он пьёт и пьёт беспробудно. И вообще, он плохой человек.

– Неправда!

– Как ты разговариваешь с матерью?!

Толстомордый встал.

– Ну, ладно, Нина, оставь. Не по его это уму пока.

Он начал вытаскивать из объемистого портфеля какие-то свёртки, пакеты, из которых выглядывали бутылки, конфеты, колбаса.

Пашка фыркнул.

– Это свадьба, да?! А это жених?!

Мать подошла и, ухватив Пашку за шиворот, трянула, глядя на него стеклянными от бешенства глазами. Такой он мать ещё не видел.

Пашка вырвался из её рук и молча сел в углу, наблюдая за происходящим.

Толстомордый привычно распорядился, потом хлопнул пробкой шампанского и показал Пашке место за столом.

– Иди, вояка, охладись лимонадом.

Мать подхватила.

– Иди-иди, сынок, не упрямясь.

Пашка отвернулся.

Они пили, чокались, целовались, но Пашка видел, как мать безглаголиво дёргала щекой и косилась в сторону Пашки.

Потом мать убрала со стола и стала разбирать постели.

Толстомордый, тряся бабьей грудью, стал облачаться в пижаму.

Пашка презрительно спросил у матери:

– Он что и спать будет здесь?

– Я же тебе сказала, что он мой муж, сынок. Ты же всё понимаешь.

Пашку прорвало. Он заметался по комнате, сшибая на столе рюмки, воя тонким дурным голосом. Его била истерика.

Пашку успокаивали, вливали какие-то лекарства сквозь сжатые зубы. Он уже молчал и смотрел невидящими глазами. Мать плакала.

Пашка, словно сквозь сон, слышал, как толстомордый уговаривал её:

– Иди сюда, Нина, сейчас он заснёт. Всё-всё, успокоился он. Ну, чего ты, чего?.. Велика беда, парнишка слюни пустил, первый раз что ли? Иди сюда!

Мать торопливо говорила:

– Нет-нет, одевайся, пожалуйста, Семён Кузьмич. Только не сейчас...

– Да иди ты, дура, скорее! Тебе говорю! Сама знаешь, что на работе только моим именем держишься. Чихну я, и пойдёшь ты вон на лесок-комбинат, доски бросать!..

– Ах ты мразь!..

Пашка услышал звуки пощёчин.

В комнате замелькала одежда толстомордого. Он, испуганно пригибаясь, старался попасть ногой в штанину. Потом, провожаемый презрительным хохотом матери, вылетел в дверь.

– Ты ещё пожалеешь, курва!..

Вслед ему вспорхнул смятый, как тряпка, галстук.

Утром Пашку увезли в больницу. Он заболел рожистым воспалением.

Больница была деревянная, в два этажа, похожая на школу в «старом городе». Она, видимо, была переполнена. Вместе с Пашкой в одной палате лежали ещё трое: старик с гангреной ноги, толстый мужчина, как говорили, со свитцем, но Пашка, не представляя, что это такое, видел лишь на его животе страшную дурно пахнущую дырку, в которой что-то булькало и куда вставляли какие-то шланги. Третьим был весёлый парень с чем-то таким мудрёным, что даже и сам не знал.

Михалыч, так звали старика, показывал Пашке свою сине-малиновую ступню и, стуча по ней согнутым пальцем, жаловался:

– Не чувствую я ногу-то, парень. Вот как по дереву щёлкаю. А ведь ходил я ей. Ещё как ходил! Да...

– А как, дедушка, случилась беда у вас? – интересовался Пашка, со страхом глядя на неживую разлагающуюся ногу.

– Как-как... – смущался Михалыч. – С гвоздика всё началось. Ступил вот на ржавьё и пропорол ногу-то. Вначале только кровило, а через день надулся там шишак малиновый. Пошёл я к доктору. А они там все – живодёры и костоломы собрались. Рожи у всех преступные, так с ножами и подступают, резать, говорят! Ишь, резать... Так я и дался им... Лечил я, парень, ногу сам: отпаривал, примочки травные делал, сикал, извиняюсь, на рану. И вылечил бы, ей-ей вылечил бы, да вот старуха погнала в больницу, говорит, умрёшь от етой штуки, старый

дурак! Прямо из дому выгнала! А тут, сам знаешь, – рожи преступные, только им резать!..

Хоть и невесёлое, вроде, дело, а не сдержались, прыснули в палате, а Михалыч обиделся, отвернулся к стене. Долго лежал молча, копя обиду. Потом не выдержал, не справился, видать, с весёлым характером и сам захихикал неожиданно.

– А-а, мужики, мне ведь скоро и не нужна будет нога-то. Там все одинаковы, – Михалыч показал пальцем вверх и совсем развеселился. Эта мысль, видимо, приносила ему облегчение. А часа через три ему отрезали ногу.

Как-то утром в палату зашла группа нервных врачей. Один из них выделялся привычной властностью. Он быстро подошёл к койке толстого мужчины, открыл его живот и, ухватив костистыми пальцами кожу у дырки, что-то раздражённо начал выговаривать своим понурым спутникам.

Пашку выгнали из палаты. Вскоре оттуда послышались стоны и болезненное бабье оханье. Потом вышел парень, морщась и белея лицом.

– Без наркоза режут мужика, как говядину. Навтыкали уколов рядом, а он всё равно орёт дурным голосом.

Иногда к Пашке приходила мать. Она приносила ему мягкие яблоки, потерявшие в пути свой нежный запах, но страшно дорогие. Пашка это знал.

Один раз она принесла ему конфеты в ярких твёрдых обёртках, те или похожие на те, что выкладывал тогда на стол толстомордый. Пашка молча отдал их матери. Она виновато засунула конфеты обратно в сумку.

После её ухода парень подмигнул Пашке. – Сколько лет мамке-то? Тридцать?...Тридцать пять?! О-о, самый сок!..

Пашка покраснел.

Ночами его всё чаще охватывала какая-то тяжёлая больничная тоска, сосущая боль где-то внутри. Пашка не знал слова «ностальгия», но, наверное, это и было то огромное и давящее до безнадёжности, что называют одним обезличенным словом... Однажды мать принесла с передачей письмо от отца. От свёрнутого вдвое листа пахнуло чуть ощутимо, но знакомо... кухней, их кухней! Оказывается, их дом пах по-особому и запах этот можно отправить письмом, как и ощущение тепла, идущее от строк.

Пашке почему-то вспомнилось, как он, маленький, свернувшийся, словно кутёнок, лежал у костра на сосновом лапнике и тоскливо смотрел на озеро, где точкой виднелся отец, на плоту. В вековом истомном рокоте соснового бора Пашка чувствовал угрозу ему, беспомощному существу, словно только сейчас оторванному от тёплой сиськи. И, влекомый инстинктом предков, уже далёким от волчьего, он жался к костру.

Тогда ему казалось, что весь мир стал большим, почти осязаемым руками, страхом, который гнезвился в черноте бора, в глухом озёрном накате, в вездущем «корканье» старого ворона.

Страх ушёл сразу же, едва Пашка оказался в отцовских руках. И уже не голосом мрачного ведуна – торопливой курицей закашлялся ворон и улетел, стыдясь, в чащобник.

Пашка, прижимаясь к сильному телу, чувствовал, как сила вливается и в него. Наверное, он рос в эти минуты, питаясь, как от матки, отцовской уверенностью жизни.

Если бы сейчас, к груди... Чтобы кутёнком слабым ткнуться под мышку и замереть, не видя, как грозит страшным глазом ворон-чёрное крыло, через всю Пашкину жизнь летящий...

– Мама... мамочка...

Мать вздрогнула и быстро взглянула на Пашку. По лицу её бежала мелкая судорога, заставляя дёргаться рот.

– Поедем домой... мама...

И было простое счастье в том, что за окном вагона качались сосны...

АЛЕКСАНДР КОКОВИХИН

В СТРАНЕ ВООБРАЗИЛИИ

ГРЁЗА ЗА НОМЕРОМ НАДЦАТЬ

Когда-нибудь стану великим,
знаменитым, богатым поэ... тищем...
Фотовспышек весёлые блики.
"С чем сравнил он наш мир? С туалетом? С чем?" -
переспрашивают журналюги.
Поэтессы молоденькие спуют.
Ждут в Нью-Йорке, в Сибири, на юге.
Предпочтителен загородный уют.
Трёхэтажная келья с бассейном.
Стеллажи новых книг. Что ещё издать?
Переиздано всё. И бесценным
хламом вспухла в незнаемое езда.
По-домашнему квохчет жар-птица,
конь пегасный чихает на роз кусты.
Дальше следует лишь утопиться
в мармеладном колодце своей мечты.

В РАБОЧИЙ ПОЛДЕНЬ

Мне нравится страна,
мне нравится правительство,
мне нравится жена
и денег накопительство.
Люблю из года в год
свою работу милую...

Кто крикнул "идиот"?
Потише! Медитирую.

Коксовин Александр Михайлович родился в 1967 году в Йошкар-Оле. Автор 3 поэтических сборников. Лауреат Государственной молодежной премии имени Олыка Ипяя. Член Союза писателей России. Живёт в Йошкар-Оле.

* * *

Она была известной поэтессой.
За ней бомжи кружили, как пажы.
Начальнику, смотрящему за прессой,
при встрече усмехалась: "Не дрожи..."

Она исчезла. Вдруг. Без церемоний.
Гармонии последняя слеза.
Когда горящие
    коряги молний
бросала в город чёрная гроза...

Шумели галки, воробьи галдели,
что облачком сквозь трещину стекла
мадам вспорхнула в направленьи Дели...
Я лично птицам верю. Да. Могла.

ГОРОД СВЕТА

Для новых знаний,
а не для оргий
немало зданий
нашёл в восторге:
есть вузы, школки,
тюрьма, аптеки,
больницы, морги,
библиотеки...

ВЫХОДНЫЕ

Не люблю, признаться, выходные...
Вот намылишься, допустим, ёлки-палки,
покачаться с бренди в креслице-качалке,
посмотреть, как пламя спит в камине...

Но, глядишь, суббота... Бац! И мимо.
Только шёпот пузырьков от минералки.
И ни бренди, и ни кресла-блин-качалки,
и ни даже чертежа камина...

6.06.2009

Пушкину стукнуло 210!

Если б не

суесящиеся поэты

на всех каналах,

во всех газетах

(а теперь ещё паника в интернете),

можно было б

и не заметить...

Пушкину стукнуло 210!

Если б не

копошащиеся витии

во всех "наливайках",

фонтанах летних

и просто дождях

умывающейся России

(во всех кутузках...не запереть их),

можно было б

и не заметить...

Главному стукнуло 210!

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ

Квадриги – танки древних персов –
помчались на македонян...

"Пора линять, – сказал профессор
и затолкал пенсне в карман. –
Ах, Александер! Вам бы пушки!
У персов – миллион солдат.
Три новогодние хлопушки –
вот всё, что я... имею дать..."

...И серпоносные квадриги
с испугу повернули вспять,
кроша своих на половинки,
сметая всех, кто мог стоять...
Биват! Победа! Смылся Дарий.
Авантюристам повезло...

Машина Времени Ландау
исчезла, словно НЛО.

* * *

"И сама собой сдирается с мандаринов кожура"
Осип Мандельштам

Словно краски не кончаются,
я, играя, рисовал...
Но на гвоздике качается
этот пёстрый карнавал.

Кем-то жизнь моя стирается,
завершённая вчера...
И сама собой сдирается
с мандаринов кожура.

Выпивается, не чокаясь,
водки мёртвая вода.
В небе искорка нечёткая
исчезает без следа.

ВООБРАЗИЛИЯ

В стране Вообразилии
все ловкие и сильные,
не строят, не рожают,
а лишь воображают.

И не найти здесь домика
устроенного скромненько,
полы в коврах и вазах,
а потолки в алмазах.

В стране Вообразилии
то выше крыши лилии,
то выпадут осадки
шампанским полусладким.

И не бывает случая,
чтоб девушка не лучшая
звала за покрывала
и плечи обвивала.

В стране Вообразилии
шумят пиры обильные
по вечерам чудесным.
А я... опять проездом.

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

Мы умные, а как же...
Мы движемся вперёд.
Там пропасть, кто-то скажет.
Нас это не убьёт.

Из лозунгов и сказок
мы склеим парашют –
и сиганём без касок
туда, где нас не ждут.

За счастьем народа
вперёд, отцы-сыны!
Там гиблое болото?
Нам это хоть бы хны.

Из обещаний-песен
сколотим крепкий плот.
И воздух-то полезен,
и сероводород...

Мы заблудились? Ждите!
Маршрут прямой – как нож.
Там скалы кто-то видит?
Преодолеем, что ж...

Мы суперчеловеков
не зря имеем дар –
из будущих успехов
надуем круглый шар.

Пусть будет бездна дальше,
нам скоро повезёт...
Там ад? И пламя даже?
Погреемся. Вперёд!

* * *

Отступись и брось меня, страна родная!
И не закричу, и не всплыву со дна я...
А сама дорогою прямой до рая,
до благополучия иди.

В без вести пропавшие впиши, не против,
выпавшего на коварном повороте...
А вождам твоим хочу сказать: «Вы врётё!
Снова врётё, глупые вожди!»

Никогда не хватит всем цветов и счастья.
Даже если не приму от счастья часть я,
даже если каждая вторая Настя
не возьмёт положенных цветов...

Брось меня, страна, я – как больная птица,
соскочивший со счетов самоубийца,
за местечко тёплое башкою биться,
рвать зубами слабых не готов...

* * *

Бес в ребро, на шею серпантин –
выхожу из праздника один.
Напоследок замахну рюмашку.
Это лучше, чем валокордин...

Первый друг на кладбище лежит,
друг второй скитается, как Жид,
третий друг порвал на мне рубашку
и ушёл красиво, как джигит.

Не болит с похмелья голова.
Сам себе и ветер, и трава,
сам себе яйцо и сковородка,
клоун, бог и прочие слова.

Прокажённый, говорю «люблю»
сентябрю, последнему теплу,
девушкам в лосинах и колготках,
жёлтой бочке кваса на углу...

ЭНИКИ-БЕНИКИ

Больше не будет приветов из космоса,
кладов из гиблых глубин
и со злодеем бесбашенным Карлосом
схватки один на один.

Формулы счастья, таблетки бессмертия,
песни без липовых слов,
мата Каспарову в шапочной партии
и дрессированных львов...

Дремлют юристы, торговцы, охранники.
Ёрзают цены на нефть.
Эники-беники съели вареники,
больше вареников нет.

МЕССИЯ

Откуда он взялся?
Пришёл с друзьями?
Захлопал глазами,
а в них – вороньё...
То громко шептал,
что мы сдохнем в яме,
то выходов «надцать»
нашёл из неё.
То сравнивал
Гретхен и Ефросинью,
то вместо народа
собрался в петлю...

Я тоже
ужжжасно люблю Россию,
но в доме «мессию»...
не потерплю!

МАУГЛИ

(подражание Игорю Иртеньеву)

Юноша беспечно загорелый,
без штанов, с лианою в руке,
ты зачем по джунглям лазишь смело,
от семьи и школы вдалеке?

Хрупкий человеческий детёныш,
вольные хлеба – самообман:
или пальму на себя уронишь,
или съест какой-нибудь Шерхан.

Почему тебя не тянет к людям?
Сверстник твой, котангенсы кляня,
формулы вокруг ответов крутит,
получает за дневник ремня.

Выучится и найдёт работу
лучшую из тех, что в мире есть:
подавать в кофейне бутерброды,
торговать косметикой в развес.

Перед ним открыты все дороги,
может даже в офис попадёт,
будет отчислять в бюджет налоги,
в общем, двигать Индию вперёд.

Так что хватит бегать за пантерой
и гонять питона по реке,
юноша беспечно загорелый,
без штанов, с лианою в руке...

ХУДОЖНИК

Ах, детские годы! Обмены игрушками.
Дуэли на ветках. Сражения с пушками.
Упёртый сидит за уроками скушными.
Ленивый беспечно кота дрессирует.
Резиновый мячик так звонко лупцуется,
что знает об этом соседняя улица.
Девчонки с парнями постарше целуются...
А мальчик рисует. А мальчик рисует.

А годы летят, как давненько замечено.
Упёртый – конструктором стал засекреченным.
Ленивый – гаишником стал обеспеченным.
А тот, кто шампанское пьёт – ох, рискует!
Посадят кого-то за кражи-хищения.
И очередь женщин стоит без движения:
тут кофе индийский дают, вот везение...
А мальчик вырастет? А мальчик рисует.

А годы летят, не иначе, ракетами.
Упёртый торгует с лотка сигаретами.
Гаишник на пенсии. Спился заметно он.
Больницы ровесников интересуют.
А многие просто ложатся под камушек.
И в церкви за свечками очередь бабушек.
Всё в жизни другой будет светлым и радужным...
А старенький мальчик? А мальчик рисует.

ИГОРЬ КАРПОВ

ВРЕМЯ «ПОИСКА»

В литературной жизни нашей республики есть люди и события, о которых мы ещё совсем мало знаем.

Следовательно, нет у нас и осмысления судеб этих людей и значения событий, нет полноты понимания того, что происходило в недавнем прошлом и происходит сейчас в нашей русской литературе Марий Эл.

Одно из таких событий – возникновение в 1983 году литературного клуба «Поиск». Примечательно и загадочно: объединение произошло вокруг молодого начинающего поэта, инвалида, между прочим (колясочника, как сейчас говорят), *Николая Ивановича Михеева* (1959–2002).

К тому же «Поиск» появился не в Йошкар-Оле, столице республики, а в посёлке Алексеевский Советского района – на Сернурском тракте.

Что это за событие? Зачем оно – тридцатилетней давности – нужно нам сейчас? На эти вопросы постараемся ответить.

В архиве Николая Михеева есть плотный полукартон формата

А5, на который наклеены две фотографии. На первой брат и сестра – Галина и Николай Михеевы, сидят на стульях, стоят – Алевтина Сагирова, Сергей Щеглов, Алексей Бахтин. На второй фотографии вместо Бахтина – Эльвира Грязина. Вверху листа красным фломастером надпись: «Поиск – 83».

Алевтина Сагирова вспоминает о том времени: «...Мы втроём (А. Сагирова, С. Щеглов, А. Бахтин. – *И. К.*) как-то скучковались на почве поэзии, и я пригласила их сразу после литосени¹ съездить к Николаю. После закрытия этого семинара, восемьдесят третий год, мы к нему нагрязнули. Мобильников тогда не было, без предупреждения. Это можно считать рождением группы “Поиск”. Она ещё не была названа. После этого мы стали сами привозить сюда кого-то ещё, ещё, ещё... Игоря Перминова, например...”

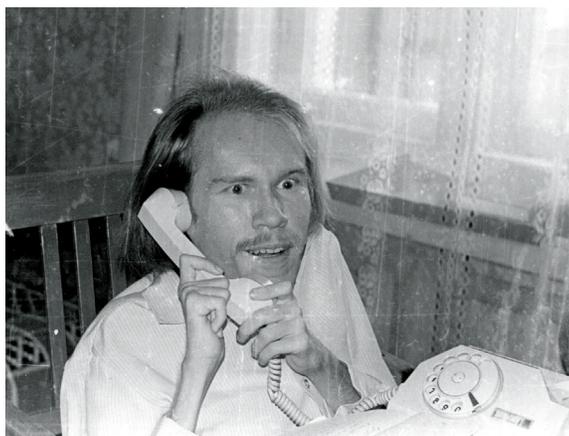
– Что получается: Николай Михеев, потом ты, потом Щеглов?...

– Нет.

– Потом Пирогов?

Карпов Игорь Петрович родился в 1952 году в г. Кисловодске. Доктор филологических наук. Автор 6 книг по русской литературе. Живёт в Йошкар-Оле.

Николай Михеев. Начало 1980-х.

– Нет. Пирогов, я, Николай Михеев и остальные. С Пирогова надо начинать.

– И Бахтин?

– Бахтин сначала существовал рядышком с Пироговым. Они-то раньше были.

– Значит, Пирогов и Бахтин сначала, потом они подключили тебя. И вы подключили Николая Михеева?

– Да».

НИКОЛАЙ МИХЕЕВ: НА ПУТИ К «ПОИСКУ»

В архиве Николая сохранились ценнейшие для нас документы. Четыре столбовые тетради (на первом листе первой тетради надпись – «Тетрадь Сомнений и Надежд») – это дневники Николая Михеева (декабрь 1977 – 31 декабря 1983), а также две столбовые тетради и блокнот «Дневник» – дневники Галины Михеевой (7 октября 1980 – 16 февраля 1985).

Николай и Галина родились в деревне Масканур Новоторьяльского района. Отец – Иван Кузьмич

Михеев (1932–1978), мать – Валентина Петровна (в девичестве Бусыгина) (1933 г. р.). В 1965 году семья переехала в посёлок Алексеевский Советского района. Некоторое время жили в частном доме, потом получили трёхкомнатную квартиру в одноэтажном доме на две семьи.

Важнейшее событие в семье Михеевых – смерть Ивана Кузьмича (30 августа 1978 года).

С начала 1978 года в дневниках Николая постоянные записи об отце: «Папе очень плохо»; «Папа в больнице»; «Второй день папа дома, не могу без дрожи смотреть на его худые руки, ему очень плохо»; «6 августа – плохой день. Папе тяжело. Мама мечется – ищет лекарство. Все плачем. Лица беспросветны...»².

После августовской записи в дневнике Николая пустая тетрадная страница перечёркнута крест на крест. И только 4 октября: «...апатия... Потух я».

Эту трагедию нужно понять и прочувствовать. Семья осталась без мужчины, без мужа, без отца. Николаю – 19 лет, Галине – через месяц после смерти отца – 18. Валентине Петровне – 45. Вскоре в помощь Валентине Петровне, оставшейся одной с двумя детьми-инвалидами, приехала свекровь Анна Михайловна (баба Аня). Позже помогать Валентине Петровне будут её мать Пелагея Степановна Бусыгина (баба Поля) и сестра матери Прасковья Степановна Роженцова (баба Паня).

Так Николай и три женщины (бабушка, мама, сестра) оказались

А. Сагирова, С. Щеглов, А. Бахтин с Галиной и Николаем Михеевыми. 1983 г.

одни в замкнутом пространстве небольшой квартиры.

Мы, друзья Николая, всегда видели его улыбающимся, приветливым, старались не обращать внимания на немощь его тела (ручки и ножки с ослабленными мышцами), мы ни разу не слышали от нашего Михеича жалоб-стонов на жизнь, на здоровье. Ничто в его мягком, порой с лукавством, с юмором, обращении с людьми не говорило о внутренней твёрдости и воле.

Хотя Валерий Николаев, который вошёл в круг Михеича в середине 1990-х годов, вспоминает, что сразу воспринял Николая как Павку Корчагина, героя знаменитого романа «Как закалялась сталь» Николая Островского. Что ж, восприятию Валерия, бывшего военного человека, офицера, можно доверять.

Лучше всего внутреннюю крепость Николая при всей его внешней приветливости и кажущейся ровности настроения характеризует его запись в дневнике от 15 октября 1978 г.: «Совет... Даже видом

своим не напоминайте человеку о горе – ни о его, ни о своём»³.

Так-то оно так: не напоминать, но всё же горе внутри, горе, разделившее жизнь семьи на две части – до и после отца.

Из дневника Галины: «Вечером, лёжа в постели, я вспоминала свою жизнь. Как я ехала с папой на мотоцикле и пела от радости. Какие радостные мысли вертелись в моей голове. Мысли, полные надежды на лучшее. Я улыбалась. И папа улыбался, глядя на меня. Теперь я знаю, что это и было самым лучшим в моей жизни» (16 февраля 1981)⁴.

Как жить, точнее, чем жить – внутренне, душевно? Что делать – не вообще, а конкретно, что делать – сегодня, завтра?

Такие вопросы для Валентины Петровны были непозволительной роскошью. Работать на почте, обихаживать детей, к тому же – огород, скотина, картошка, дрова...

А вот для Николая и особенно для совсем юной, часто болеющей, обострённо-тонко чувствующей окружающее Галины – такие вопросы были тяжелейшими. В ситуации, когда вся её романтическая душа рвётся наружу, когда юная девушка ищет своего принца и ждёт корабль с алыми парусами – просыпаться и вновь осознавать, что ничего нет, ничего не будет, кроме этих четырёх стен и своих болезней – это ли не мука душевная!

«Недавно мне опять было плохо. Хотелось новизны, чтобы жизнь стала хоть малость интереснее. Простому мне стало скучно. Невыносимо

скучно и пусто» (1 декабря 1980); «Вчера и сегодня очень, очень хорошо. Я читаю “Алые паруса”, и у меня такое чувство, как будто ко мне тоже придёт корабль с алыми парусами» (21 октября 1980).

Нежен, хрупок был внутренний мир Галины – цветок, трепещущий от малейшего движения воздуха.

«Позовчера мама вынесла меня на улицу. Потому что у меня был кислый вид. Я долго смотрела на лошадь, которая боронила картофельное поле. Милая, добрая чуть-чуть грустная и очень послушная лошадь. Впервые я так долго смотрела на лошадь. И теперь люблю их ещё больше. И ещё долго сидела возле черёмухи, которая пахла. Вспоминала Ревеку из “Скитаний” Волкова⁵. Когда Коля читал мне эту книгу я до головокружения нанюхалась черёмухи и теперь каждый раз этот запах напоминает мне Ревеку.

Но спать я легла с ноющим сердцем. И уснула с трудом.

Казалось, что кто-то умер. А утром заплакала снова и чувствовала дрожь во всём теле, как будто перенесла тяжолую болезнь» (27 мая 1981).

Таких записей в дневниках Николая нет, но, вероятно, и ему часто было тяжело. Хотя и светлых мгновений в жизни семьи было немало.

Например, 7 октября 1981 года. Перескажу Галинину дневниковую запись этого дня – немного своими словами.

В день рождения Галинка (назову её сейчас так, как всегда на-

зывал её Николай в дневниках) проснулась с мыслью поспать ещё, но услышала голос Любви Павловны Егошиной, учительницы. На душе стало весело, «решила проснуться». Встретили её счастливые мамины глаза и... платье – «в исполнении» Любви Павловны. Сначала Галинка засомневалась, ведь она привыкла к брюкам. Но увидела себя в зеркале и невольно залюбовалась собой: барышня. Ей захотелось гордо поднять голову и вести себя так, будто она всегда была такой красавицей. Бабушка Поля (мама Валентины Петровны) смотрела на неё с уважением: «Ты теперь не Галинка, а Галя...». Бабушка Анна вместо обычного «здравствуешь» сказала «здравствуйте», так что Галинке даже стыдно стало. Брат Николай смотрел на неё заморожено, назвал английской королевой и подарил клоуна собственной вязки, клоуна с распостёртыми объятиями и «душой нараспашку». Приехала тётя Нина (сестра мамы) и привезла то, о чём Галинка тайно думала

А. Бахтин, А. Сагирова, Э. Грязина,
Л. Мешалевская, А. Симахин в п. Алексеевский.

в ночь на свой день рождения – белый кружевной материал, страшно дорогой. Но больше всего Галинка была рада бандероли из Куйбышева, в которой оказалось поздравление от Нины и Олега, её друзей, счастьем которых она так была рада. Римма Николаевна Труновская (учительница) тоже пришла. И её подарок Галинка приняла с восторгом: литературный словарь и пластинки с сонетами Шекспира и вальсом-фантазией Глинки. И ещё были люди, и ещё подарки. А в конце праздника Юрий Николаевич (учитель), муж Любви Павловны, увековечил уже «сильно уставшее счастье» Галинки на фотоплёнку.

Была и такой Галинка, Галина Ивановна Михеева, была и такой атмосфера в семье Михеевых – атмосфера любви.

Может быть, главное, что передала своим детям Валентина Петровна – это умение быть счастливыми счастьем других людей.

* * *

Иначе воспринимает жизнь Николай. Очень редко у него вырываются горькие слова о своём положении: «Наверное я родился чтобы быть просто рабочим парнем... А эта болезнь... Не хочется думать что будет потом... Будет ли когданибудь хоть капля счастья?» (3 августа 1978).

Обычно он воспринимает окружающее, в том числе и себя, с юмором.

«О себе. Я обидчивый, отходчивый, кусаюсь (точнее – кусался),

спорю, не верю в сплетни и не терплю, когда в них верят другие; спорить люблю не всегда <...> люблю нелепицы в комедиях, например: бог говорит архангелу Михаилу, споткнувшись о его меч: “да уברי ты свою клюшку! Харламов!”⁶ Люблю хоккей, фильмы, пародии, юмор, книги, фантастику, Пугачеву⁷, имя Наташа, Толкунову⁸, Сирано де Бержерака⁹, песни, Ролана Быкова¹⁰, Окуджаву¹¹, разговаривать, друзей, кошек, Ротару¹² <...>, молоко, А. Миронова¹³, Людмилу Сенчину¹⁴, Джека Лондона¹⁵, спать люблю, люблю, когда меня слушают, но быстро хрипну, петь люблю (слуха нет), Образцова¹⁶ люблю... колбасу, отзывчивых и смелых людей, узнавать новое, удивляться, смеяться...» (15 декабря 1977).

Ранние его записи, дошедшие до нас, свидетельствуют о широте его интересов, о видении жизни, я бы сказал, панорамном, разностороннем. Даже в самые трагические дни (болезнь отца)...

«26 февраля. Второй день папа дома. Не могу без дрожи смотреть на его худые руки, ему очень плохо.

Уже неделю как сломался телевизор. Сегодня приходили чинить – безрезультатно.

Сегодня... снесла 1-е яйцо. Кешка (курица. – И. К.) постоянно выбрасывает из гнезда деревянное яйцо.

Сегодня родился телёнок.

Галинка весь день упрекала меня в бессердечности.

Терплю.

Может, я всегда слишком сыт и ТОЛСТ?» (26 февраля 1978).

Николай следит за Всесоюзным фестивалем «Песня-77» (и далее – -78, -79, -80...), записывает названия песен, исполнителей, авторов слов и музыки, пишет заметку (общие рассуждения) о песне, заметку о Пугачёвой («один из самых замечательных голосов планеты»), пишет небольшую статью об эстрадной песне (одна страница).

Николай радуется полёту космического корабля «Союз-28», кинофильмам, нашим победам в спорте – хоккею (выписывает счёт игр), фигурному катанию, передаче «А ну-ка, девушки!», пародиям А. Иванова¹⁷...

Приказывает себе: «Приказ № 1. Каждый вторник, среду, четверг читать словарь с 21 до 22, пока не прочитаю весь. МН» (12 января 1979).

Пишет об иллюстрации как о жанре, об инструментальном ансамбле «Мелодия»¹⁸.

Так в небольших постоянных записях о прочитанном, увиденном, услышанном Николай набирает опыт писания, опыт критического рассуждения. Потом, в 1984 году, Нина Жибрик именно это свойство Николая отметит, поблагодарит за помощь в проведении секции поэзии на «Литературной осени»: «Вы за текущий год хорошо выросли в своём творчестве. Я это особенно почувствовала на семинаре. Спасибо Вам: хорошо помогли мне в ведении семинара. Мне нравится в Вас критический подход и логическое мышление в оценках стихов товарищей по перу» (Н. Жибрик – Н. Михееву, 8

декабря 1984).

Да и сам Николай, до первых постоянных публикаций своих стихов в газетах, будет сомневаться, куда идти: в поэзию или в критику?

«Хотел бы стать критиком. Вернее публицистом через критику» (Н. Михеев – Н. Жибрик, 20 января 1984).

Феноменальный взрыв Николая в 1983 году – взрыв его стремления к общению с творческими людьми, взрыв уважения к нему со стороны большого круга людей – это будет не случайностью, но результатом по крайней мере целенаправленного семилетнего труда над собой.

На рубеже 1970–1980-х годов Николай читает почти всю русскую классику XIX–XX веков – И. Гончарова, И. Тургенева, А. Чехова, Н. Чернышевского, Л. Толстого, К. Случевского, М. Булгакова, Л. Леонова, А. Куприна, Ю. Олешу, К. Паустовского, А. Твардовского, К. Симонова, Ф. Абрамова, В. Распутина, А. Кима, Е. Евтушенко, Н. Рубцова, В. Солоухина, В. Шукшина, В. Белова...

.Иностранная литература: Г. Гессе («Игра в бисер»), Т. Манн («Доктор Фаустус»), Вальтер Скотт, Гёте, Стивенсон, Р. Роллан, Фейхтвангер, Э. Золя, Х. Кортасар, Э. Базен, Г. Маркес, Ф. Моруа, Ст. Цвейг, Павел Вежинов («Барьер»), Дж. Джойс, В. Вулф. М. Пруст, А. Камю, Рильке... Увлекается педагогикой, читает популярные в то время книги В. А. Сухомлинского...

К 1983 году он собирает интересную домашнюю библиотеку,

которой вскоре многие будут пользоваться.

Михеевы постоянно выписывают «Литературную газету», «Комсомольскую правду», «За коммунизм», «Молодой коммунист», журналы «Новый мир», «Москва», «Юность», «Подвиг», «Литературная учёба», «Русская речь», «Здоровье», «Семья и школа», «Студенческий меридиан», «Работница», «Сельская молодёжь» и др.

Сохранившиеся четыре тетради дневников Николая – ярчайшая характеристика его как личности, как человека, стремящегося сохранить в слове всё, что происходит вокруг него.

Столиковая тетрадь в клеточку. 1982 год. Первые страницы: «Итоги 1981 года»; «Общий план на первые 6 месяцев 1982 года»; «План на январь».

Далее записи по дням и «Итог января. 19 рабочих дней (остальные болел, отдыхал, писал письма своим)». На странице столбиком слева – «сделано», справа – «события». «Сделано»: второй номер газеты «Одна морозная звезда» (стенгазета. – *И. К.*), переписка... стихи (доделывал, думал над...), заказы – вырезать буквы, сделать вырезку об интересном, цитату о кино, написал 22 письма.

«События»: по дням, кто в семье болел, с кем были встречи («27 янв. А. А. Сагирова приходила знакомиться», 1982), какие фильмы просмотрены («Белый пароход», «Служебный роман», последняя серия «17 мгновений весны»...).

В конце страницы: «Слишком много времени ушло на письма. Надо больше работать и главное доделывать начатое».

И в таком духе и стиле Николай вёл дневники всю жизнь. Кроме чтения, он вяжет, переплетает книги, занимается хозяйственными делами, помогает людям.

«...Вязал, стряпал пельмени, до 03.30 копался в своих стихах» (14 февраля 1982); «Начал вязать Зайца. Искал для В. И. (вероятно, цитату о кино. – *И. К.*). Звонил А. А. С. (Сагировой. – *И. К.*). Договорился послать Шукшина и пенициллин. Настроение очень хорошее стало. Снег разноцветный, небо прозрачно, фонари горят и т. д.» (18 февраля 1982); «Вяжу лошадь» (14 мая 1982).

Здоровому человеку, погружённому в общение с людьми, в разные дела и пространства, свободно передвигающемуся, может быть, трудно понять психологию людей с ограничением движения, замкнутыми на долгие месяцы, особенно зимние, в пространстве дома.

Галина любит зиму, потому что зимой, как ей кажется, не так сильно мучает её «борьба души и тела».

Николай любит лето: «О, как прекрасно лето! Как грустно без него! Вспомнил последнюю поездку в лес (уже полтора года прошло). Как хочется подышать лесным воздухом! До слёз хочется! Одно из самых приятных воспоминаний. Чудесное было время...» (18 января 1978).

И даже почти в стихах призывается лето (ему – 19 лет):

Лето, приди,
порадуй солнечными днями;
лето, приди,
порадуй грозами и сумерками;
лето, приди,
порадуй каплями весёлого дождя;
лето, приди,
будь добрым, порадуй меня.
Я люблю тебя, лето:
ты – это встречи с друзьями.

(19 февраля 1978)

«Встречи с друзьями» – это жажда общения с людьми. Несколько лет после смерти отца были самыми тяжёлыми в жизни и Николая, и Галины. Именно – замкнутостью. Имея это в виду, мы лучше поймём, почему Николай так раскрылся людям в 1983 году.

* * *

Внешние события жизни человека являются часто результатом событий внутренних, результатом душевного напряжения. Тем более это относится к людям творческим. Ведь они работают душой, своё внутреннее представляют во внешнем – слове и образе.

В советское время жить для ближнего, быть полезным людям – это был и нравственный императив, и требование совести, и были люди – типа Николая – такие.

Галина: «Мне двадцать лет, а я ещё ничего не сделала в жизни, чтобы сказать людям, что живу не зря» (7 октября 1980); «Как мне хочется простора, настоящей творческой жизни! Что могу? Ничего! А я хочу всё мочь!» (3 февраля 1981); «Быть полезной людям! Это должно быть моей заключительной целью. Но над этим ещё нужно много думать» (19 июня 1981).

Дневники, письма, редкие высказывания – об этой теме не говорят так, чтобы для всех. Это – внутреннее, почти тайна. Но именно такое мироощущение было преобладающим в нашей молодости. Поэтому и в кругу Николая не окажется модернистов или декадентов, людей с изломанной душой, исковерканным мировосприятием.

«Стыдно, мне уже 26, а я ничего ещё для Родины не сделал», – скажет Александр Симахин, один из первых членов «Поиска», Алевтине Сагировой (А. Сагирова – Н. Михеева, 22 июля 1986).

В связи с этой темой обращусь к одному эпизоду, подробно записанному Галиной.

1981 год – Николаю 22 года.

«В моей жизни совершился маленький перелом, – пишет Галина. – Совершился он так. Мне было, как всегда, тоскливо и скучно и я втянула Кольку в разговор о цели. Оказывается у него сформировалась кой-какая цель и он уже старается за неё держаться. Он стал подробно о ней рассуждать и я втянулась в это дело. Вернее заинтересовалась и решила тоже подумать, поразмышлять над этим. Цель эта – коммунистическое воспитание личности. В общем он решил бороться за коммунизм любыми средствами, как только может. Дело это серьезное трудное, но в конце концов все – всё должно стремиться к этому и я немного завидую Коле, что он сам додумался до этого. Не пал духом и нашёл выход» (9 мая 1981).

В дальнейшем повествова-

нии Галины обратим внимание, как она пишет о желании Николая сделать что-то полезное для людей, как передаёт его ощущение своего призвания к деятельности, к деятельности просветительской, наконец, отметим грандиозность, всеохватность задач и эмоциональный комплекс – страстность, желание и способность к огромному внутреннему напряжению.

Здесь уже именно тот Михеич, которого мы знали. Содержание мыслей и переживаний Николая – это какой-то *поздний юношеский романтизм*, что людям нашего поколения было свойственно годам к шестнадцати.

«Итак, случилось что-то невероятное, – продолжает Галина. – Началось всё с того, что вчера утром я, как всегда, прибыла на свое рабочее место скучная и раздражительная, и увидела что мой брат сияет и не может сдерживать улыбки. При этом пишет письмо и громким шёпотом декламирует его:

– “Я чувствую в себе огромные силы и непоколебимую уверенность! Я по-настоящему счастлив!” – писал он.

“Что же с ним?” – подумала я. И как же я удивилась когда он рассказал всем, а не только мне одной следующее:

– “Вчера я не спал до 6 утра. Я не мог спать от радости и улыбался всю ночь. Когда под утро пришла мама и увидела меня в таком состоянии, она страшно испугалась. Она пощупала мой пульс и нашла его ненормальным. Проверила

мои ноги и руки и объявила, что они ледяные. Она поймалась за голову и расстроенная совершенно села ко мне на кровать. А я не мог удержаться от смеха. Я, расплываясь в улыбке, стал убеждать её, что вовсе не сошел с ума, что просто знаю как теперь жить! Именно жить! Жить, чтобы приносить пользу! Жить, чтобы делать добро! Я понял, что каждый человек может быть счастлив. Нужно только помочь ему в этом. Научить быть счастливым. И я буду учить их, помогать им думать. Я разверну широкий фронт наступления! Я именно тот человек, который для этого нужен. Я введу звуковые письма. Они будут экономить время у а<д>ресата. И люди не будут лениться писать длинные письма. Будут говорить всё, что они думают с полной откровенностью. Такие письма – вызовут живой интерес у всех, кто их получит. Они принесут большую пользу. Я перепису на маг-ленту Сухомлинского и размножу эту книгу. Её должны читать все люди. Я привлеку к тому, что я буду делать, всех честных мыслящих людей, и они будут помогать мне. Вместе мы создадим такое!!!

Я напишу свою автобиографию и пошлю её в “Новый мир”. (Коля не объяснил для чего это). Я прочитаю несколько лекций учителям нашей школы. Я вступлю в комсомол. Я спишусь с некоторыми писателями и вообще умными людьми и втяну их в это дело.

Вместе мы сумеем построить коммунизм лет через сто.

Я понял, что человек способен на всё, если обстоятельства для него будут складываться благоприятно. Для меня они сложились именно так! Вы мне не верите?”

Мы действительно не верили. Смеялись и шутили над ним.

– “Вот ты, например! – это он мне. – Хочешь быть артисткой?! Естественно звуковой! Будешь выступать по радио”.

– “Хочу! – сказала я смеясь. – Только я не умею.”

– “Сумеешь! Если захочешь, я сделаю из тебя артистку!”

И он ещё долго говорил, а мне казалось, что волшебник взмахнул палочкой и чудеса начались. На другой день утром я с замиранием сердца ждала, что будет дальше! Неужели это всё было во сне? Но он приехал и чудеса продолжались. Он говорил так уверенно, что я поверила ему и тоже почувствовала себя счастливой. Я сказала, что хочу ему помогать, но не знаю как.

– “Сейчас мы должны думать, – сказал он. – Много думать над разными вопросами. Мы должны делать так, чтобы всех заинтересовать нашей идеей, чтобы всем было с нами интересно. Мы будем учить думать всех. Прежде всего Савельевых ребятишек. Из них могут получиться замечательные люди. Нужно развить у них множество способностей.”

Но сперва нужно сделать так, чтобы им было просто интересно ходить к нам”.

Вечером у нас были Савельевы. Я думаю, что они ушли от нас

очень довольные. Мне в первый раз было с ними очень интересно. Я не просто проводила время с малышней, я работала. Я была счастливая и уставшая. Завтра с 5 ч до 7 ч мой второй рабочий день. Как хорошо! Ура!» (12 мая 1981).

Чудеса скоро кончились.

«Колька снова стал мрачным, вечно думающим и кажется ни на что не способным»; «И вот сейчас он говорит не знаю, не могу и сидит мрачный и грустный:

– “Я конечно буду что-то делать, – говорит он, – но как мало я могу”» (Галина, 18 мая 1981).

1970 – начало 1980-х годов было время вполне обеспеченное для городского жителя. Но застойным это время было для интеллигенции, для людей думающих и творческих. Никуда не деться. Вокруг только марксизм-ленинизм.

Будучи старшекласником я одновременно заканчивал двухгодичный факультет журналистики при вечернем университете марксизма-ленинизма. Как начинающий журналист работал под руководством признанного в республике мастера пера Елены Борисовны Брагилевской. И мне, семнадцатилетнему пареньку, было забавно смотреть на дядей и тёнек, которые по разнарядке уже по второму разу, а то и по третьему повышали своей идеологический уровень за партами здания на улице Пушкина, где сейчас находится историко-филологический факультет МарГУ.

Как неосвобождённый секретарь комсомольской организации

школы я хорошо видел: чем выше комсомольцы были по должности, то именно как должность они и рассматривали свою работу, все говорили о коммунизме, но никто в этот грядущий коммунизм не верил. Не случайно во время перестройки комсомольцы первыми кинулись разводить видеогадюшники. Сегодняшнему молодому человеку это уже не понять. Никаких флешек, никаких дисков, а тем более Интернета не было. Были кассеты и видео-приставки к телевизорам. Предприимчивые комсомольцы снимали помещение, ставили обыкновенный телевизор, собирали деньги за просмотр и крутили американские боевики и невиданную в то время порнуху. Но это было позже, на рубеже 80-90-х годов.

А десятилетием раньше среди простых комсомольцев ещё было много людей, живущих желанием, чтобы всем людям на земле было хорошо, чтобы не было капиталистов – угнетателей трудового народа. Идея народа, жизни для народа, как жить, для чего, если не приносишь пользы своему народу, своей стране? – это было содержанием жизни, сильнейшим стимулом деятельности или сильнейшим поводом для угрызения совести.

Причём какой-то далёкий-далёкий коммунизм для нас был ощущаем через людей, окружающих нас, через их нравственный облик и добросовестный труд.

Поэтому в 1971 году Алевтина Сагирова писала сочинение на тему «Партия – ум, честь и совесть на-

шей эпохи» (районный конкурс), в котором рассказывала о своей любимой учительнице истории Елизавете Ивановне Шибаевой. Сочинение завершалось собственным стихотворением, которое без её ведома кем-то (может быть, членом жюри конкурса) было отредактировано и опубликовано в газете «Красная заря» (Санчурский район Кировской области).

Поэтому и я писал конкурсное сочинение на тему «Есть у революции начало, нет у революции конца» (такая вот перманентная революция в духе Троцкого что ли? – Так это мыслится сейчас). Но писал я тоже о людях, меня окружающих. Отрывок из сочинения был опубликован в «Марийской правде», а я получил награду – путёвку в международный пионерский лагерь «Артек», лучший в СССР.

В чём тут дело? Думается, что со времени хрущёвской «оттепели» начиналось время утраты идеалов, начиналась эпоха “шестисоточников”: работа – шесть огородных соток – дом – работа.

Последние романтики коммунизма уходили на периферию жизни.

Против этих людей восставало всё их окружение (школьные учителя, родители, друзья, мужья, жёны, хотя бы в страхе за их и своё благополучие).

Учитывая, что никому из последних романтиков коммунизма, взявшихся за перо – стихи, прозу – не удалось вести профессиональный образ жизни, то есть писать и тем зарабатывать на жизнь, писания их оставались любительским

делом. Партийные и другие органы только присматривали за ними.

А окружающая бескрылость убивала.

Поэтому, когда рядом появлялся человек читающий, думающий, пишущий... – тяга таких людей друг к другу была необычайной. И вот эта внутренняя идейная скрепа скрепила нас – товарищей круга Николая – на всю жизнь.

И дело уже не в коммунизме, но в честном труде на благо родины.

* * *

В 1980 году постепенно заканчивается замкнутое существование Николая и Галины, они всё более и более втягиваются в жизнь окружающих.

«И ещё о планах на Новый год. Мы с Колькой придумали столько интересного, что работы хватит до праздника! Это уже моя стихия! Фантазия! Фантазия! Фантазия!» – восторженно пишет Галина (19 декабря 1980).

Подготовка к новому 1981 году: «Делала лотерею, стенгазету, украшения в комнату, готовила подарки» (Галина).

Пока это ещё маленькие дела – в кругу семьи, родственников, друзей, но они придают уверенность в себе, порождают чувство своей значимости.

9 мая 1981 года к Михеевым приходят учителя Римма Николаевна Труновская и Юрий Николаевич Егошин. Гости и хозяйка вместе делают цветы, чтобы возложить их к обелиску Победы, который стоит на площади перед Домом культуры.

«Это тоже праздничное занятие, – пишет Галина. – И главное оно поддерживает *приятное, гордое чувство сопричастности с миром* – с внешним миром» (9 мая 1981).

Летом Николай первый раз был в библиотеке (14 июня 1981). Весело, с юмором, опять же подражая брату, пишет об этом Галина: «– Итак! Начинается великая одиссея капитана Кольки! – сказал он и отбыл» (15 июня 1981).

Галя и Николай знакомятся с режиссёром Дома культуры Ларисой (ещё студенткой; вероятно, культпросветучилища). Лариса рассказывает Галине и Николаю о художнице-инвалиде Ольге Пустоветовой. Между Галиной и Ольгой начнётся переписка, девушки будут принимать участие в личной жизни друг друга.

Соседи Нина и Миша возят Николая в библиотеку. Скоро посетит библиотеку и Галина.

«Я была в библиотеке, а потом заехали в кинозал, посмотрели фильм. Это здорово. Я прямо, как нормальная»; «Снова борьба! Снова учёба! И снова борьба за то, чтобы все были счастливы, чтобы такие девчата, как Лариса и Нина никогда не думали, что они не выйдут замуж потому что рыцарей на свете нет! Рыцари будут!» (23 августа 1981).

“Рыцари” вскоре действительно появились – и у Ларисы, и у Нины. Галине ещё не раз придётся переживать за этих девушек, их женихов, потом мужей.

Николай много времени по-

свящает художественному вязанию, за корзину с цветами получа-ет приз (декабрь 1981).

К новому 1982 году брат и се-стра выпускают стенгазету «Одна Морозная звезда» и новогоднюю анкету, которые вывешиваются в школе, потом в ДК. В газету даёт свои стихи Алевтина Сагирова.

«Да я счастлива! Потому что знаю, что такое счастье. Это быть равным среди людей», – восклицает Галина (1 ноября 1981).

Брат и сестра, при всех разли-чиях, были едины во многом, по-этому я часто и обращаюсь к судь-бе Галины, понимая, что – хотя бы косвенно – её эмоциональные откровения характеризуют и вну-треннее состояние Николая.

К концу 1982 года Николай ещё не определился, кто он – рож-дённый быть «простым рабочим» или всё-таки он – поэт. Да и се-мейное, и соседское, путь и дру-жественное, но опять же бытовое общение его не устраивает.

«30 окт. Утро. На первом пла-не у меня неудовлетворенность собств<енным> существованием. Мне более всего хочется творче-ства. <...>

Одиночество. <...> Как день переваливает за свою средину, начинает темнеть, охватывает тоска. Сижу ведь один. Галин-ка в другой (большой) комнате. Жизнь пуста.

Скоро разучусь разговаривать с людьми. <...>

Мне мало вязания, хочется большего, с общением, нужного,

чтобы уважать себя, чтобы чув-ствовать, что не зря живёшь» (30 октября 1982).

Однако, как бы ни разочаро-вывался в своих стихах Николай (а их к этому времени было написано уже немало), но и родственники, и друзья всё сильнее подталкивают его к творчеству, к поэзии.

Погружение в жизнь и жаж-да творчества приведут Николая к оптимистической поэзии, полной раздумий о жизни.

Как многоцветно – это слово,
Оно чудесно и сурово,
Оно – молодые зелены,
Оно – колючая стерня.

Жизнь, жизнь, жизнь.

Прислушайтесь, ведь это косы
Сбивают утренние росы, –
И ветер носит голоса,
И шелестят вокруг леса.

Жизнь, жизнь, жизнь¹⁹.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРИ ГАЗЕТЕ «ЗА КОММУНИЗМ»

Пока Николай и Галина Ми-хеевы занимаются самообразова-нием, понемногу расширяют круг знакомств, пока Галина испытыва-ет сладостные мгновения – «Я пря-мо как нормальная», а Николай упорно читает, пишет дневники и письма, вяжет то зайца, то корзи-ну с цветами, в это время Герман Пирогов вокруг литературных страниц газеты «За коммунизм» собирает творческие силы.

Первая, полновесная, если так можно выразиться, литературная страница появляется 29 ноября 1979 года: несколько авторов, фо-

тография, стихотворная подпись под фотографией некоего Г. Прохорова, т. е. самого Германа Пирогова, представленные небольшими предисловиями и стихами поэты Фаина Дубникова (почтальон из села Орша), Татьяна Иштрикова (из села Токтай-Беляк Куженерского района), Тлектес Садвакасов (житель Советского, уехавший в Казахстан), Таня Данилова (из Советского, студентка), также публикуются стихи Германа Пирогова и Егора Рябчикова (из села Кужмара), стихотворные басни Юрия Степанова, маленький рассказ Н. Глазырина.

В этой газете было помещено небольшое обращение к читателям:

«Дорогой читатель! Литературная страница, привлекающая твоё внимание, выпущена творческими силами молодых авторов из нашего района. Есть у нас свои таланты. Но имена не всех пока нам известны. Откликнитесь те, к кому “приходит Муза в часы ночных тревог и бдений”».

Газета с этой литстраницей случайно попала к Алевтине Сагировой. Вот как это произошло, по рассказу Алевтины, записанному Николаем Михеевым.

«А. А. считает, что наверное никогда не стала бы печататься, если бы не случай. Она никогда не выписывала “За коммунизм”. Почтальонка случайно положила им в ящик газету. И как раз там было объ-

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

В марте

«Еще в полях белеет снег,
а воды уж весной шумят...»
(Ф. Тютчев)

Еще в полях белеет снег,
но свист метельный не обманет,
напрасно утром даль туманит —
погожи дни, светлее нет.
Не жмутся зябко деревца,
дыханье вешнее теплеет...
Сосед-сердечник все болеет.
...А жизни нет и нет конца.

Г. ПРОХОРОВ.

Мне зимой не пишется:
нет того огня.
Коль пурга колышется,
в сердце тоже мгла.
В звонком марте небушко
распахнет глаза,
у сосулек солнышком
выбьется слеза.
На заре березонька —
только дайте срок —
приоденет ноженку
в розовый чулок,
пропощет волосы
в синеве небес...
Жизнь распахнут полосы
будней и чудес.

Жажда

Стал бояться одиночества,
гул вокзалов полюбил.
Есть Отчина, есть

Воспоминание

Дождя серебряное чудо
ласкала нивы и луга.
Издавала, из ниоткуда
примчался чудо-облака.
Блестели нежные дождинки
на листьях, травах, на окне:
стучались в домин

у тропинки,
а заодно — и в сердце мне.
За каплей капля отстучала,
сверкнуло солнце, и потом
земля взволнованно дышала,
обвита радужным шарфом.

Алевтина САГИРОВА,
пос. Алексеевский

мир примеривать пытается,
необязательно — объять.

Затишье

Не за горами весна,

Новый автор

НИКОЛАЙ МИХЕЕВ, автор публикуемых ниже стихов, живет в поселке Алексеевский. Поэзию любит давно и верно. Сам начал писать в юношеском возрасте. Но в отличие от многих других, пробующих в этот период жизни творить стихи, у Николая и в самых ранних строчках чувствуются свои вьюношенные мысли, есть удачные поэтические образы. Например, о девушке — невстреченной, но созданной в воображении, он говорит: «Неуложеньный в строчки сонет». «Стало больше мыслей. Учти жизнь. Учусь...» — пишет о той особой поре, когда человек внезапно взрослеет.

Прочитайте стихи внимательно, не спеша. И знайте: это пишет человек молодой, который еще много может сказать...

Мини-мир:
полуявь, полусказка,
звон клинков
и судьбы полумаска.
Волос черен — взмах крыл,
волос светел —
легкий пух золотой
тронул ветер.

Август в усталых тонах,
галок кричащие сети
по вечерам. На рассвете
солнце встает в облаках.
Нет непогоды конца.
Холодно. Лето проходит.
Солнце по крышам уходит,
как по ступенькам крыльца.

явление, что, мол, если кого-нибудь из вас, товарищи, посещает муза, присылайте нам свои произведения. Она рискнула и послала 2 стихотворения. Думала, если понравятся, то напечатают через 2 дня, неделю, но время шло... и вдруг ей сказали, что кто-то приехал из Советского и ждёт её. Ну, думает, стихи не понравились и человек приехал отказать на словах, чтобы не обижать письменным отказом. Это был Пирогов. Стихи понравились.

“Он меня вытащил на свет,” – ск<азала> А. А.» (27 января 1982).

Вскоре, в первом номере газеты за 1980 год, Алевтина уже была представлена в рубрике «Первая проба пера» несколькими одобряющими словами редактора литстраницы и двумя стихотворениями – «Два счастья (“Мой комочек счастья...”» и «В ночи от одиночества поплачу...»

В 1980–1982 годах на литературных страницах также появляются учитель Аркадий Фёдоров («Вдогонку за лосем», в переводе с марийского), Алексей Александров (село Кужмара), Аркадий Адиганов (село Ронга), Лариса Скобелева (выпускница школы-интерната), Сергей Сурков (село Чкарино, рассказ «Тополя»). По несколько раз опубликованы Владимир Чистополов (Йошкар-Ола), Михаил Домрачев (село Верхушнур), Олег Иванов (студент МарГУ), Нина Глазырина (воспитательница детского сада «Тополёк») и некоторые другие.

Но к концу 1980 года литературные силы явно истощаются и

несколько литстраниц полностью заполняются стихами и прозой Алевтины Сагировой и Германа Пирогова, который выступает и под псевдонимами. Отдельные публикации, допустим, Владимира Чистополова (только что окончившего МарГУ, ныне известного в Марий Эл журналиста и литератора), не спасают положение.

Более содержательными и разнообразными становятся литстраницы с приходом в них прозаика Сергея Суркова и трёх студентов МарГУ – Олега Иванова (с ноября 1982 года в армии), Алексея Бахтина и Валерия Снигирёва (В. Снегов) (постоянные публикации с марта 1982 года). Вместе с ними на литстраницах оказывается и Николай Михеев. Далее – с 1983 года в литстраницах газет «За коммунизм» и «Призыв» – Алевтина Аристова, Сергей Щеглов, Игорь Перминов.

Огромной удачей для Германа Пирогова, для его литстраниц и – как сейчас ясно, по прошествии более чем тридцати лет – для всей литературы нашего края была встреча с Алевтиной Сагировой. Теперь Алевтина – автор почти всех литературных страниц в газете «За коммунизм», вскоре и «Призыва», и республиканских газет, и альманаха «Дружба».

6 марта 1982 года («За коммунизм», № 28) – примечательная литстраница. По существу, это уже «Поиск»: Герман Пирогов, Алевтина Сагирова, Алексей Бахтин, Валерий Снигирёв, Олег Иванов. Не хватает уже печатающегося

Сергея Суркова и Николая Михеева, который вскоре будет опубликован.

По литстраницам 1980-1982 годов видно, как постепенно уходят авторы старшего поколения, отсеиваются «разовые» авторы. Молодёжь заканчивает вузы (Шингареева, Бахтин, Олег Иванов, Снигирёв).

13 января 1981 года Владимир Панов, литконсультант Союза писателей, в статье «Поэтическая радуга (Обзор литературных страниц)» («За коммунизм») даёт положительную характеристику авторам литературного объединения газеты. Это уже признание на республиканском уровне, что будет подтверждено участием двух главных представителей объединения на Литосени-82.

* * *

«18-19 октября в Йошкар-Оле прошёл очередной, восьмой по счёту, семинар-совещание молодых литераторов республики. В нём участвовали двое представителей нашего литературного объединения – А. Сагирова и Г. Пирогов.

Много добрых слов сказано на семинаре о стихах Алевтины Сагировой. Как отметил руководитель секции русской поэзии, литературный консультант Союза писателей республики В. М. Панов, “...произведения молодой поэтессы впечатляют взволнованной искренностью, богатством и неожиданностью образов, в них чувствуется настоящий талант”. На заключительном, пленарном за-

седании “Литературной осени-82” А. Сагировой была вручена Почётная грамота областного комитета ВЛКСМ, ей предложено готовить к изданию первый поэтический сборник»²⁰.

Сохранилась запись Николая рассказа Алевтины об этой литературной осени. Так как подобные свидетельства – дело редкое, приведу его почти полностью.

«Алефт. Ал. рассказывала про семинар “Литературная осень=82” много, всего не вспомнить. Их было, молодых поэтов 17 человек, двое девушек прислали стихи лично – обе прикованы т. к. к постели, но о них потом.

Руководил Панов, читали и обсуждали 2 дня, все жили (кроме А. А.) в гостинице и вечерами говорили, обсуждали, спорили и т. д., им – повезло. А. А. приехала в город с Маринкой (дочерью. – И. К.), жила у родственников и потому не могла быть вместе со всеми по вечерам.

<...> Семинар очень прибавил настроения писать (Алевтине Сагировой. – И. К.): 16 привезенных стихотворений были приняты положительно с несколькими мелкими замечаниями. Все 16 будут опубликованы в альманахе “Дружба”. Кроме того дали почетную грамоту. Хвалили. (“Это было так неожиданно и непривычно, слушала как будто о ком постороннем говорили, сижу и чувствую как руки вспотели – чуть не каплет с них”). А. А. была естественно смущена. И самое главное: у нее попросили 1200 строк стихов для сборника. Будут печатать. А. А. пока имеет

1180, но у неё пишется. Хотя она не может ещё опомниться в новом своём положении.

На семинаре очень хвалили Пирогова за стихи-раздумья. (Положение его рабочее: очень трудное, всё время занято, квартиру в Советском дали, но из неё ещё не вывезены вещи хозяев прежних).

Были два поэта-артиста. Один с усами – “красавец”: в стихах много формального. Второй скромнее и стихи душевнее. Смоленцева²¹ не было. А. А. показалось, что он участвовал на прозаическом семинаре. Был поэт-сатирик по призванию. В прошлом году ему советовали писать лирику. Нынче он с лирикой приехал (она у него долго не шла вначале, не мог переключиться). Теперь ему сказали – это не стихи, а сатирические приняли. Сат<ирические> ст<ихи> он и раньше печатал в “Пачемыше”, “Крокодиле”.

Был один плодовитый поэт, которого единодушно не признали. Считает себя гением. А. А. он показался душевно больным. Кроме других стихов, прочел хорошо поставленным голосом поэму на 10 минут, крик души: спасите алкоголиков! Рифмы слабые, образов нет. Отказали – обиделся. Всё обижался, кричал: “Ну что вы придираетесь! С душой написано – и ладно!” <Во> время читки другими авторами стихов, им делали замечания. А. А.: “А мы отвечаем: ведь для этого и приехали собрались, чтобы поучиться, разобраться, увидеть недостатки своих стихов”. Он на следующий день не приходил.

Была женщина (приблизительно возраста А. А.), очень серьезная, такая что Панов мог называть её только по имени-отчеству. Имени не помню, инженер-строитель; кажется, из Юринского района из деревни. Стихи глубокие. Предложили как и А. А. набрать стихов на сборник. Только им двоим предложили. <...>

Была там и семидесятипятилетняя “начинающая” поэтесса. (32 года учительствовала, напечатала сколько-то детских стихотворных книжек). Захотела с молодыми. Сама правда ничего не читала, но внимательно слушала молодых.

Заочно читали стихи Алефтины Аристовой из Морков (20 лет), стихи очень понравились. Их будут где-то печатать, одно уже напечатали (Молодой коммунист за 18 октября, там же и стихи других присутствовавших на семинаре). Она прикована к постели. А. А. хочет к ней съездить. Надо бы и нам познакомиться. Были стихи ещё одной неходячей, о них я забыл, что говорила А. А. <...>

Книжка А. А. выйдет где-нибудь в 84-85 г.» (Николай, 30 октября 1982)²².

Такова в общих чертах атмосфера и состояние дел в писательском сообществе, в котором уже в 1982 году окажется Николай (пока своими прежними стихами, ещё не веря в себя как в поэта), а с конца 1983 года станет лидером нового литературного объединения «Поиска».

Примечания

1. Литосень-83 проходила 12–13 сентября. «Сразу после литосени» – это утверждение оспаривается другими участниками события, например, Сергеем Щегловым, который говорит, что, скорее всего, встреча произошла какое-то время спустя после литосени.
2. В дневниках и письмах всех моих персонажей я сохраняю их орфографию и пунктуацию. Пусть читателя не смущают некоторые явные ошибки в письменной речи Николая и Галины. Тем яснее будет для нас, насколько быстро они овладеют грамотностью и, более того, искусством слова после 1983 года.
3. В цитатах все выделения мои. – И. К.
4. Здесь и далее указание даты после цитаты означает цитирование дневников.
5. Волков А. М. Скитания: Роман. М., 1963. Главный герой романа – итальянский астроном Джордано Бруно. Ревекка – дочь неаполитанского богатого менялы Елеазара бен-Давида. Другая книга Волкова – «Волшебник Изумрудного города» – была одной из любимейшей в нашем детстве.
6. Харламов Валерий Борисович (1948–1981) – выдающийся советский хоккеист.
7. Пугачева Алла Борисовна (1949 г. р.) – советская и российская эстрадная певица.
8. Толкунова Валентина Васильевна (1946–2010) – советская и российская певица.
9. Сирано де Бержерак – герой одноименной комедии французского писателя Эдмона Ростана.
10. Быков Ролан Антонович (1929–1998) – советский и российский актёр, театральный режиссёр, кинорежиссёр, сценарист.
11. Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) – советский и российский поэт, композитор, литератор, прозаик и сценарист.
12. Ротару София (1947 г. р.) – советская, украинская эстрадная певица (контральто), актриса.
13. Миронов Андрей Александрович (1941–1987) – советский актёр театра и кино, театральный режиссёр-постановщик, сценарист, эстрадный певец.
14. Сенчина Людмила Петровна (1950 г. р.) – советская и российская певица (сопрано), актриса.
15. Лондон Джек (1876–1916) – американский писатель, социалист, общественный деятель, наиболее известный как автор приключенческих рассказов и романов.
16. Образцов Сергей Владимирович (1901–1992) – советский российский актёр и режиссёр кукольного театра, театральный деятель.
17. Иванов Александр Александрович (1936–1996) – поэт-пародист, бессменный ведущий телепередачи «Вокруг смеха» (1978–1990).
18. Инструментальный ансамбль «Мелодия» – эстрадно-джазовый оркестр, основанный Георгием Гараняном в СССР в 1973 году при Всесоюзной фирме грамзаписи «Мелодия».
19. Михеев Николай. «Как многоцветно – это слово...» // Призыв. 3 декабря 1985. С. 4.
20. За коммунизм. 30 октября 1982. С. 4.
21. Смоленцев Михаил Георгиевич (1934–2005) – поэт, уроженец д. Лебедево ныне Сернурского района.
22. См.: Сагирова Алевтина. Дом на юру: Стихи. Йошкар-Ола, 1989. 80 с.

Окончание следует.

АНАТОЛИЙ ПОДОЛЬСКИЙ

ПОКОЛЕНИЯ, ИСТОРИЯ, СУДЬБЫ

Все мои деды и прадеды жили в деревне Подольская Никольского района Вологодской области. Деревня основана в конце XVI века предками рода Подольских, в живописной равнине, с трёх сторон окружённой руслом реки Шарженьги. Название деревни произошло от слова «подол», что значит «низкое место у реки». В писцовой книге волостей Устюжского уезда, записи в которую вносил во время переписи 1623-1626 годов писец Никита Вышеславцев (перепись осуществлялась по указу царя Михаила Фёдоровича Романова), значит: «Деревня Подольская на речке на Шарженьге, а в ней крестьяне: во дворе Харитонко Петров; Тимофей Дорофеев. Пашни паханные ...» Сейчас с уверенностью можно сказать, что жители деревни, которые впоследствии имели фамилию Подольские, являются потомками Тимофея Дорофеева. Фамилии у живших в этом лесном краю наших предков появились позднее, а триста с лишним лет назад к имени сына просто добавляли имя отца: У Дорофея сын Тимофей, у Тимофея Дорофеева сын Фалалей, у Фалалея Тимофеева сыновья Авдей, Дмитрий и Фил.

С той поры прошло около четырёхсот лет. За этот период в роду нашем были землепашцы, ремесленные и торговые люди, учителя и воины. Составляя генеалогическое древо рода Подольских, я нашёл много интересных фактов о жизни предков и немало занимательных историй. Мой прадед Александр Павлович (1867-1940), овдовев в 1910 году, 30 лет воспитывал один своих восьмерых детей и внуков, не желая приводить в дом другую жену. Не менее интересна судьба его братьев – Дмитрия и Ивана. Дмитрий Павлович ещё молодым, уехал в Санкт-Петербург, где занимался книжной торговлей, но за связь с именитой дворянкой, которая была замужем, вынужден был спешно покинуть тогдашнюю столицу и вернуться в дом родителей. Спустя некоторое время он женился по любви на небогатой девушке Марине из деревни Калинино.

Подольский Анатолий Анатольевич родился в 1953 году в Вологодской области. Автор 5 поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в п. Медведево.

Анатолий Александрович Подольский.

Иван Павлович тоже полюбил небогатую суженую с похожим именем Мария, но отец Ивана – Павел Иванович (1833-1916) не разрешал жениться на девушке из бедной семьи, и священник, следуя советам богатого прихожанина, не венчал молодых, и только когда они пришли к нему пешком в церковь в двенадцатый раз (а это почти десять километров в одну сторону), с просьбой их обвенчать, провёл-таки обряд.

Мой дед, Подольский Александр Александрович (1888-1964), ушёл по мобилизации на Первую мировую войну в 1914 году, оставив свою молодую жену Аксинью, когда ей оставалось всего ничего до родов. Аксинья родила первенца – Анатолия, то есть моего отца, в ноябре 1914 года. Дед на фронте попал в плен и несколько лет жил в

Германии, работая в семье фермера. Писал письма в родную деревню, которые не регулярно, но приходили молодой жене. После поражения Германии от Антанты в Первой мировой войне пленные были отпущены и им была предоставлена возможность вернуться домой. Дед вернулся осенью 1918 года, когда его первому сыну было 4 года. Интересно, что отец в таком возрасте запомнил его возвращение. В те годы даже состоятельные крестьяне с детства приучали своих детей к труду. Вот и маленький Толя в тот день, уже в сумерках, плёл верёвочку и услышал отчётливый стук каблуков человека, поднимавшегося по крыльцу. Это возвращался из плена его отец.

Брат моей бабушки по материнской линии Подольский Павел Григорьевич тоже был мобилизован в Первую мировую войну. Провожали его три младшие сестры: Клавдия, Анна, Ульяна (моя бабушка) и молодая жена Ираида. Все они, а также родители Павла, жили в большом просторном доме на самом берегу реки – он и теперь выглядит добротно и статно. Дом был построен дедом моей матери – Григорием Подольским, прозванным «Воробьёнковым» за бойкий склад своего отца («быстрый, как воробей»), а соответственно и всех членов семьи, детей и внуков стали называть Воробьёнковыми. Уходя на войну, Павел просил своих сестёр не обижать Ираиду, а по возвращении обещал обязательно сделать им щедрые подарки.

Но Ираиде, которая тоже родила первенца, когда муж уже был на фронте, не суждено было больше увидеть своего Павлика. Сложил он свою голову на войне, и семья получила похоронку. Вскоре умер и новорожденный, и на семейном совете было решено отправить Ираиду обратно в родительский дом – лишний рот в те годы был обузой. Ираида ещё два раза выходила замуж и следующих мужей, которых она, кстати, пережила, звали Павлами. В 60-е годы, когда я был школьником, Ираида Александровна, уже старушка, пыталась объяснить мне, что она тоже наша родня.

Жители деревни Подольская испокон веков отличались доброжелательностью и приветливостью, были добрыми соседями и помогали друг другу. В годы коллективизации, когда

в деревню была спущена разнарядка по раскулачиванию, Илья Александрович Подольский, брат моего деда по отцовской линии, служивший в то время в Красной армии офицером, писал в родительский дом: «Продавайте лошадей и коров. Мужчинам надо уехать в город и работать там. Начинаются лихие времена для крестьянства». Но семья подготовиться к раскулачиванию не успела. Зажиточных крестьян в деревне было немало, но выбор пал на моего деда – Подольского Александра Александровича. Скот и лошадей забрали, большой пятистенный дом разобрали и увезли в Степшинский починок, где из него сделали здание школы. Шестистенный дом вывезли в Теребаево, передав его в только что организованную «коммуна». Но «коммунаки» вскоре разбежались, и здание передали местным властям.

По иронии судьбы, проводить раскулачивание в деревне было поручено моему деду по материнской линии – Павлову Василию Григорьевичу, который в то время работал председателем сельсовета. Он не был уроженцем Подольской, а являлся «приёмком» – как тогда называли мужчин, которые жили в доме жены – из соседней деревни Челпаново. Обе семьи были многочисленными: у папы было девять братьев и сестёр, у мамы – шесть, и они сохраняли доброжелательные отношения даже в те годы. Моя мама Подольская Мария Васильевна (в девичестве Павлова), 1922 года рождения, была тогда совсем ребенком, но хорошо помнила, что её

Мария Васильевна Подольская.

мать Ульяна Григорьевна и тётки, Клавдия Григорьевна и Анна Григорьевна, прятали в своих амбарах имущество семьи раскулачиваемого Александра Александровича, которое приносили им их подруги из раскулаченного дома. Это были наряды, посуда, самовары и разная утварь. Через несколько недель, когда операция по экспроприации в деревне была закончена, всё это, конечно, снова тайно, было возвращено раскулаченной семье. Сейчас уже трудно сказать: знали ли об этом главы семейств обоих домов, но женщинам, прятавшим добро, надо отдать должное. Это была далеко не безопасная помощь: укрывать имущество раскулачиваемых по законам того времени было чревато высылкой или даже тюрьмой. Дед Александр Александрович и отец мой Анатолий Александрович (тогда ещё 14-летний юноша) вынуждены были одно время скрываться, в противном случае их ждал арест и высылка.

Раскулачивание проводилось не только в доме моего деда. Экспроприации подверглись также Подольский Андрей Константинович и Подольский Сергей. Кроме того, что они были зажиточными крестьянами, они открыто признавали бога и устраивали молебны в доме Сергея. Когда их арестовали и повели в районный центр Никольск, Андрей всё молчал, а Сергей ругал советскую власть, грозил божьей карой и проклятьями. Когда их доставили в Никольск, Сергея в тот же день расстреляли. Это видела девушка из нашей деревни – Августья, которая впоследствии и рассказала, как людей ставили у края оврага и расстреливали. Пятистенный дом у Сергея увезли в Калинино, а избу поменьше оставили прислуге Огашке. Жена Сергея Опрошка скрывалась, но тайно приезжала неоднократно в деревню. Андрей Константинович Подольский был сослан и через несколько лет умер в ссылке. У него было пять детей: Анна, Фёдор, Феклисья, Андрей, Настасья. Впоследствии Андрей Константинович был реабилитирован, и его дочь Настасья даже получила за него компенсацию.

15 августа 1943 года в Подольской случилась беда – большой пожар, который испепелил 22 дома со всеми хозяйственными постройками. виновником пожара оказался 16-летний Алексей Дормидонков, который курил на повети и оставил тлеющую чагу. Но деревня отстроилась заново. До сих пор выделяются сохранившиеся от пожара дома – это крепкие, просторные пятистенки с мезонинами.

Перед Великой Отечественной войной отец мой ходил в море на рыболовных судах, а с началом войны его мобилизовали в военно-морской флот.

За четыре года войны он неоднократно принимал участие в морских сражениях и сопровождал караваны союзников до главного северного порта страны – Мурманска, в качестве рулевого, имел правительственные награды. Отец часто вспоминал те годы и, рассказывая о войне без прикрас, со слезами на глазах говорил, что иногда десятки и сотни молодых матросов с наших кораблей и кораблей союзников во время налётов

немецких штурмовиков и атак подводных лодок гибли в морской пучине, и часто им невозможно было помочь. Сам отец неоднократно тонул, но ему повезло, и его поднимали на борт других судов. Он всегда говорил, что это самые жуткие воспоминания: как с полыхающего корабля люди бросаются в море, зачастую без спасательных кругов, но в холодной воде Баренцева моря более получаса продержаться на плаву невозможно.

День Победы отец встречал на своём корабле в порту, где были сотни кораблей, и небо озарилось ярким светом на несколько часов – это весь Северный военно-морской флот салютовал в честь победы.

В конце 1945 года отец был демобилизован и приехал в родные места, где встретил мою маму. Он знал её маленькой девочкой, а вернувшись в деревню, увидел красивую молодую девушку.

В январе 1946 года они поженились и, несмотря на то, что у их родителей с обеих сторон были большие дома, молодая семья начинала совместную жизнь в погребе, который отец приспособил под жильё. Уже через год они срубили новый дом. Мама тоже считается участницей Великой Отечественной войны, так как её, молоденькой девчужкой, посылали рыть окопы и валить лес для военных целей, в основном для артиллерии. Девушек из деревень забирали партиями посменно. Мамина смена длилась почти шесть месяцев: на работы увезли в декабре, а домой отпустили на Пасху. Они жили в бараках и питались впроголодь, рацион в столовой был очень скудный. Председатель колхоза Сергей Иванович послал ей посылку с ячневой крупой, по тем временам это была большая радость для мамы и её подруг. Рядом с бараками срубили баню, но вода в тех местах была болотистая, с красноватым оттенком, поэтому девушкам, привыкшим к чистоте и опрятности, было не просто. Лес валили, используя обычные ручные пилы и топоры. Происходили и несчастные случаи с людьми и лошадьми, которые использовались для трелёвки леса. Перед Пасхой маму и ещё четырёх девушек после окончания смены отпустили домой. Девушки так торопились домой, что даже не стали ждать выдачи им соответствующих документов, дающих право на получение продовольственных пайков на дорогу. Так и шли, перебиваясь тем, что иногда их кормили картошкой и хлебом сердобольные деревенские женщины в деревнях. До Шарьи они добрались на попутном транспорте, а от Шарьи шли пешком. Это без малого двести километров. Спустя многие годы, когда была построена современная широкая асфальтовая дорога Шарья-Никольск, я неоднократно возил маму в деревню по этой трассе и она снова и снова рассказывала про те дни, когда они, молодые девушки, весной, голодные, но счастливые, возвращались домой.

Во время Великой Отечественной войны деревня Подольская проводила на фронт 36 человек, 23 из них остались на полях сражений. На войне погиб Илья Александрович, дядя отца, тот самый, который предупреждал о раскулачивании. Погиб в 1942 году и отец мамы Пав-

лов Василий Григорьевич. По рассказам мамы, с войны он писал домой очень душевные письма: «Смотрю по утрам на восток и как будто вижу нашу родную деревню в лёгкой дымке горизонта, и словно слышу голоса жены моей любимой и детей моих малых». Его жена Ульяна осталась с шестью детьми, старшим из которых была мама, а младшему Юре было всего три года. Когда дети подросли, а мама вышла замуж, все её братья и сестры уехали в Мурманск.

Отец и мама прожили долгую совместную жизнь – 55 лет они жили вместе, вырастили четверых детей и помогали воспитывать внуков. Кроме работы в колхозе они вели приусадебное хозяйство, имели огород и домашних животных: корову, овец, поросят, кур. В 1965 году семья уезжала в Целиноградскую область – поднимать целину, но мама очень скучала по родным местам, и мы вернулись на Вологодчину.

Отец скончался в 2000 году, на восемьдесят шестом году жизни. Мама последние годы жила с нами в Йошкар-Оле и радовала меня и мою семью своими рассказами о далёком и недалеком прошлом, всегда ждала известий от внуков своих и правнуков, которые живут в разных городах. Мама умерла в 2012 году на девяностом году жизни и похоронена рядом с мужем на кладбище около Старогеоргиевской церкви Никольского района Вологодской области.

Вечная им память.

Дом Подольских.